Роберт Дули, Стивен Левинсон

Анализ дискурса: базовые понятия

Институт перевода Библии
Москва
2019

УДК 81-116
ББК 81.1
Д 81

Перевод на русский язык с английского
Analyzing Discourse: A Manual of Basic Concepts
by Robert A. Dooley and Stephen H. Levinsohn.

Переводчики: Николай Коротаев (РГГУ),
Роман Ким (SIL International)

Научный редактор: Linda Humnick (SIL International)

Д 81 Роберт Дули, Стивен Левинсон. Анализ дискурса: базовые понятия. — М.: Институт перевода Библии, 2019. — 168 с.

ISBN 978-5-93943-266-5

В пособии излагаются основные идеи и методы анализа дискурса в применении к полевым лингвистическим исследованиям. Рассматриваются вопросы классификации дискурсивных типов, общие свойства дискурса (такие как содержательная и структурная связность, сегментация текста и построение его диаграммы, когнитивные основания процессов порождения и восприятия дискурса и др.), принципы упоминания референтов в дискурсе. Авторы опираются как на достижения своих коллег, так и на собственные полевые разработки. Впервые пособие было опубликовано в 2000 году, при переводе текст был адаптирован, чтобы быть более понятным и удобным для современного русского читателя. Пособие предназначено для лингвистов и полевых исследователей; его можно использовать как для индивидуальной работы, так и в групповых занятиях: в учебных курсах, на рабочих семинарах и т. д.

УДК 81-116
ББК 81.1

ISBN 978-5-93943-266-5

Предисловие авторов

Цель предлагаемого пособия — познакомить будущих полевых лингвистов с основами анализа дискурса. По нашему мнению, самый эффективный способ понять, как устроен дискурс в некотором языке, состоит в том, чтобы выявлять и изучать законы дискурса, анализируя тексты на этом языке. Поэтому мы ограничиваемся самым необходимым: представляем читателям базовые понятия дискурса — с тем чтобы в дальнейшем они могли всесторонне исследовать их, опираясь на полевые данные. Кроме того, мы полагаем, что знание базовых понятий дискурса необходимо во всех областях лингвистического образования, будь то изучение иностранного языка, лексический, семантический и морфосинтаксический анализ, или же в разнообразных прикладных задачах (например, обучение или художественное письмо), для успешного решения которых нужно хорошо владеть законами коммуникации.

Мы стремились к тому, чтобы наше пособие отличалось набором свойств, сочетания которых мы не смогли найти в других источниках. Во-первых, оно имеет практическую направленность: в нем рассматриваются вопросы, с которыми регулярно сталкиваются полевые лингвисты. Мы не ставим перед собой задачу применить ту или иную строгую теорию или же представить весь спектр возможных подходов; зато в пособии описывается практическая методика, отточенная в процессе многолетних исследований. Во-вторых, хотя мы и не придерживаемся строгих теоретических рамок, нам бы не хотелось, чтобы читатель воспринимал пособие как случайный набор практических методик; поэтому материал излагается с опорой на ряд связанных между собой содержательных подходов. В целом мы следуем функционально-когнитивному подходу, в котором, как нам кажется, достаточно точно моделируются реальные процессы порождения и восприятия дискурса. В-третьих, пособие написано кратко. В большинстве глав не более четырех страниц, а весь материал вмещается в пятнадцать часов классной работы. Мы не стремимся к исчерпывающему обсуждению рассматриваемых явлений, но указываем литературу для дальнейшего самостоятельного чтения.

Пособие можно использовать как для индивидуальной работы, так и в групповых занятиях: в учебных курсах, на рабочих семинарах и т. д. При работе в группе обсуждаемые понятия можно иллюстрировать при помощи дополнительных текстов на одном языке, на языках одного

ареала/одной семьи/одного типа или на типологически сбалансированной выборке языков.

Мы благодарим всех, кто высказал свое мнение о содержании этого пособия, указал на ошибки и предложил улучшения по тексту глав. Особую благодарность мы выражаем Полу Волрату, который вдумчиво проработал каждую главу и выдвинул ценные соображения по уточнению ряда формулировок.

Предисловие переводчиков и редактора русской версии

Предлагаемое пособие было впервые опубликовано в 2000 году и было ориентировано на англоговорящих читателей. При переводе мы стремились к тому, чтобы сделать текст максимально понятным и удобным для сегодняшнего русского читателя. В связи с этим в текст были внесены некоторые дополнения и модификации.

Во-первых, были модифицированы некоторые языковые примеры. В исходной версии пособия по большей части используются два типа примеров: фрагменты из текстов на экзотических языках, полученные в результате полевой работы, и английские примеры. При переводе мы всегда сохраняли исходные фрагменты первого типа, но старались находить адекватные русские эквиваленты для примеров второго типа. В некоторых случаях это были просто переводы примеров на русский язык, в других случаях подбирались содержательно близкие, но не тождественные отрывки. В частности, для приложения А был взят фрагмент из рассказа Фазиля Искандера «Мой идол», а при подборе литературных и публицистических примеров внутри основного текста использовался Национальный корпус русского языка (http://ruscorpora.ru/). В тех редких случаях, когда для английских примеров не удавалось найти подходящего русского эквивалента, мы сохраняли такие примеры в их исходной форме.

Во-вторых, мы по возможности старались добавить информацию, помогающую лучше понять материал носителям русского языка. Для этого в первую очередь использовались дополнительные примечания. В эти примечания мы помещали как комментарии общего характера, так и ссылки на важные русскоязычные работы, посвященные вопросам, обсуждаемым в тексте. Мы не стремились подобрать такие ссылки для всех разделов пособия, но в некоторых случаях нам казалось важным показать читателю, каким образом достижения отечественной науки вписываются в общий контекст дискурсивных исследований.

Отметим при этом, что внесенные изменения не затрагивают общую структуру текста и, как мы надеемся, не искажают логические построения авторов.

ГЛАВЫ 1–4. ТИПОЛОГИЯ ТЕКСТОВ

Глава 1. Участники дискурса: число говорящих

Когда мы говорим или пишем, слова складываются в предложения, а предложения — в дискурс. Но что такое дискурс, как он организован, из каких частей состоит? Большинство носителей языка вряд ли дадут четкие ответы на эти вопросы.

Одна из причин такой неопределенности — это многообразие дискурсивных типов, каждый из которых устроен по-своему. Поэтому, прежде чем перейти к рассмотрению универсальных свойств дискурса, сначала мы обсудим некоторые из параметров, по которым дискурсы отличаются друг от друга. В ближайших главах мы обратим внимание на те черты дискурса, «которые обычно не меняются на протяжении крупных дискурсивных отрезков» или даже целого текста[1], — и этим отличаются от тех свойств, «которые обычно претерпевают постоянные изменения в процессе развития дискурса» (Leech 1983:12). Благодаря тому что существуют такого рода устойчивые характеристики, мы можем говорить о типологии текстов.

1.1. Параметры дискурса

Дискурсы, или тексты, отличаются друг от друга по ряду параметров, в число которых входят:

- число говорящих (параметр «Участники дискурса», см. данную главу);
- дискурсивный жанр («Тип содержания», глава 2);
- стиль и регистр текста («Способ исполнения дискурса», глава 3);
- устный vs. письменный характер текста («Модус дискурса», глава 4).

Как станет видно из дальнейшего обсуждения, с таким небольшим количеством параметров невозможно построить исчерпывающую классификацию, которая бы отражала все многообразие дискурсивных типов. С одной стороны, для каждого из четырех параметров можно выделить намного больше значений, чем рассматривается в данном пособии. С другой стороны, дискурс, относящийся к определенному типу, может

[1] В этом пособии термины *дискурс* и *текст* будут по большей части использоваться как синонимы. Обзор современного состояния дискурсивных исследований можно найти в van Dijk 1997, историю вопроса — в de Beaugrande 1997.

содержать внутри себя дискурсы любых других типов; причем возможны различные степени такого вложения (см. раздел 2.2.). Впрочем, представленные выше параметры можно считать базовыми для дальнейшей, более подробной классификации[2].

1.2. Монолог и диалог

Первый параметр классификации дискурсивных типов основан на количестве говорящих[3]. Дискурс, порождаемый одним говорящим, называют **монологом**. Если же говорящих более одного, используются понятия **диалога** или **разговора**. В рамках нашего пособия речь пойдет преимущественно о монологическом дискурсе, но ниже, в разделе 1.3, мы все же скажем несколько слов о диалоге[4].

1.3. Реплики и ходы в диалоге

Под **репликой** в диалоге понимается отрезок речи одного говорящего, предшествующий отрезку речи другого говорящего. Например, диалогический отрывок (1) включает в себя три реплики, две из которых произносит говорящий А, одну — говорящий Б:

(1) А: Слушай, зачем ты все это ешь?
Б: Чтобы набраться сил.
А: Ага, ясно, чтобы набраться сил.
А силы тебе зачем?

Внутри реплик можно обнаружить различные функциональные **ходы**. Например, вторая реплика А в (1) содержит два хода (см. Coulthard 1977: 695): оценку предшествующей реплики Б (*Ага, ясно, чтобы набраться сил*) и последующий вопрос (*А силы тебе зачем?*).

---

[2] На русском языке о принципах классификации дискурсивных типов можно прочитать в статье Кибрик 2009. *(Прим. пер.)*

[3] Здесь и далее под *говорящим* мы будем понимать человека, создающего дискурс (как устный, так и письменный), а под *слушающим* — того, кто этот дискурс воспринимает.

[4] То, что мы называем монологом, на самом деле часто тоже является результатом некоторого взаимодействия. Так, «авторами рассказов выступают не только те, кто их непосредственно производит, но также множество читателей и собеседников, оказывающих влияние на направление повествования» (Ochs 1997: 185).

[5] Здесь и далее будут приводиться ссылки на источники, из которых были заимствованы оригинальные английские примеры. Перевод примеров на русский язык был выполнен специально для настоящего издания. *(Прим. пер.)*

Р. Лонгейкр выделяет несколько видов таких ходов (он называет их высказываниями; см. Longacre 1996, глава 5). Во-первых, это **инициирующие ходы** (ИХ; *initiating moves*), которые открывают диалогический обмен репликами. Во-вторых, это **закрывающие ходы** (ЗХ; *resolving moves*), которые в известном смысле завершают начатый обмен. Так, в примере (1) оба вопроса, сформулированные А (*Слушай, зачем ты все это ешь?* и *А силы тебе зачем?*), являются инициирующими ходами, а ответ Б на первый вопрос (*Чтобы набраться сил*) — закрывающим ходом. Соответственно, первые две реплики примера (1) можно разметить следующим образом:

(2) А: Слушай, зачем ты все это ешь? (ИХ)
Б: Чтобы набраться сил. (ЗХ)

Вне зависимости от того, что еще содержится в диалоге, частью которого является пример (2), этот отрывок образует отдельную дискурсивную единицу. Единицы, или блоки разного уровня, встречаются во всех типах дискурса; несколько позже мы подробнее рассмотрим это явление. Пока же просто отметим, что в диалоге регулярно обнаруживаются блоки, которые начинаются с инициирующего хода и заканчиваются соответствующим закрывающим ходом. Такие единицы иногда называют **смежными парами** (см. Coulthard 1977: 70, а также раздел 14.2 ниже) — хотя, как мы вскоре увидим, входящие в такие пары элементы не всегда непосредственно примыкают друг к другу.

Еще один тип, выделяемый Лонгейкром, — это **встречный ход** (ВХ; *countering move*). Ходы такого рода вклиниваются между инициирующими и закрывающими ходами, откладывая таким образом завершение смежной пары[6]. В некоторых случаях встречный ход одновременно выступает как инициирующий — и ему соответствует отдельный закрывающий ход. В следующем примере (Longacre 1996: 132f) наблюдается три уровня вложенности, поскольку каждый из встречных ходов задает отдельную смежную пару (итоговая скобочная структура отражена ниже при помощи абзацных отступов):

(3) А: Давай пообедаем вместе в четверг в 2 часа. (ИХ)
    Б: Можно я возьму с собой сына? (ВХ/ИХ)
    А: Которого: Боба или Билла? (ВХ/ИХ)
        Б: А какая разница? (ВХ/ИХ)
        А: Разница есть. (ЗХ)

[6] Сам Лонгейкр использует термин «продолжающее высказывание».

Б: Ну, тогда Боба, старшего. (ЗХ)

А: Ладно, хорошо. (ЗХ)

Б: Отлично, спасибо, мы придем. (ЗХ)

Конечно, не во всех диалогах прослеживается такая симметричная структура. Например, в (4) (Longacre 1996: 131) конечное высказывание завершает обмен, начатый в непосредственно предшествующем высказывании А; тогда как исходный инициирующий ход, а также встречный ход Б остаются без соответствующих закрывающих ходов:

(4) А: Боб, ты куда? (ИХ)

Б: А тебе-то что? (ВХ/ИХ)

А: Вечно ты начинаешь психовать. (ВХ/ИХ)

Б: Да не ври ты! (ЗХ)

Рассмотренные выше понятия (смежные пары, инициирующие, закрывающие и встречные ходы) весьма полезны при анализе диалога, но позволяют описать лишь самые стандартные случаи. Реальная картина часто бывает значительно сложнее.

- Во-первых, разговор не всегда строится как последовательный обмен репликами. Даже в американском английском, в котором принято, чтобы одновременно говорил только один человек, нередки задержки (когда не говорит никто) и наложения (когда говорят сразу несколько человек), см. Coulthard 1977: 53[7]. При этом известны культуры, в которых одновременное говорение не является чем-либо исключительным и диалоги строятся таким образом, что их участники оказываются сразу и говорящими, и слушающими.
- Во-вторых, в разных культурах используются разные способы указания на то, что реплика одного говорящего завершена. Это могут быть сигналы различной природы: грамматические (например, конец высказывания), паралингвистические (громкость, скорость речи и т. д.), кинетические (зрительный контакт, движения рук и т. д.) (Coulthard 1977: 52–62). Также культурно обусловлены правила, касающиеся того, кто и в какой момент получает право говорить.
- В-третьих, классификация диалогических ходов на инициирующие, закрывающие и встречные, судя по всему, учитывает не все случаи (на это указывает и сам Лонгейкр). Например,

[7] Аналогичное верно и для русского языка, а также, видимо, для всех языков привычных нам европейских культур. *(Прим. пер.)*

первый ход во второй реплике говорящего А из примера (1) (*Ага, ясно, чтобы набраться сил*), как кажется, не относится ни к одной из этих трех категорий.

Ключевые понятия

монолог
диалог/разговор
    реплика
    (диалогический) ход
        смежная пара
            инициирующий ход
            закрывающий ход
        встречный ход

Глава 2. Тип содержания: дискурсивные жанры

В каждом языке большая доля текстов принадлежит к тому или иному культурно узнаваемому типу. Например, англоговорящим жителям США легко идентифицировать такие типы текстов, как деловое письмо или короткий обмен приветствиями двух занятых людей. У каждого такого типа есть определенная социальная и/или культурная цель, достижение которой обусловливает свой набор формальных свойств текста. В число этих свойств входят: количество говорящих (обычно один или два), определенный коммуникативный регистр, модус (все эти понятия мы обсудим в ближайших главах) и проч. Среди дополнительных характеристик можно отметить ограничения на содержание текста, отличительные особенности его глобальной структуры, а также прочие формальные ограничения — например, использование графических строк в поэзии. Типы текстов, обладающие такими устойчивыми, узнаваемыми наборами свойств и служащие для решения определенных социальных и культурных задач, называют **жанрами** (см., Бахтин 1986: 250; Eggins, Martin 1997: 236). Р. Лонгейкр для описания этого же явления использует термин «понятийный тип» (*notional type*; Longacre 1996: 8).

По большей части, анализ дискурса возможен только тогда, когда исследователь ограничивает себя рамками отдельного жанра. Конечно, в деловом письме и в коротком обмене приветствиями обнаружатся общие черты (хотя бы потому, что и то, и другое является дискурсом), но в целом выводы, полученные в результате наблюдения над текстами одного жанра, нельзя переносить на другие дискурсивные типы. Как отмечает Лонгейкр, «лингвиста, пренебрегающего типологией дискурса, ждет неизбежное фиаско» (Longacre 1996: 6).

2.1. Обобщенные жанровые категории

Как следует из приведенного выше определения, жанр — это культурно обусловленное явление; в каждом языке и в каждой культуре обнаруживается огромное разнообразие присущих только им жанров[8]. Поэтому

---

[8] Согласно замечанию М. М. Бахтина, «номенклатуры устных речевых жанров пока не существует, и даже пока не ясен и принцип такой номенклатуры» (Бахтин 1986: 273).

перечень жанров, претендующий на универсальность, должен содержать более абстрактные, обобщенные пункты. Ниже мы рассмотрим максимально обобщенные жанровые категории, описанные в Longacre 1996. Разумеется, в них не отражаются многие особенности конкретных речевых жанров, но зато описываются наиболее базовые межжанровые различия.

Классификация Лонгейкра основана на четырех признаках, каждый из которых может принимать положительное (+) и отрицательное (–) значения. Два основных признака, задающих четыре наиболее общих жанровых категории, — это признаки временно́й последовательности и ориентации на агенса. Признак **временно́й последовательности** принимает положительное значение для текстов, имеющих определенную временну́ю рамку, «внутри которой некоторые (а чаще — большинство) из описываемых событий или действий обусловлены предшествующими им событиями или действиями» (там же, с. 9). Так, например, приход Красной Шапочки в дом бабушки обусловлен ее путешествием через лес; а пункт кулинарного рецепта «Поставьте пирог в духовку» — предшествующим смешиванием необходимых ингредиентов в нужной пропорции. Значение второго основного признака, признака **ориентации на агенса**, зависит от того, представлены ли в дискурсе события или действия, которые контролируются некоторыми действующими лицами (агенсами) и при этом «набор действующих лиц хотя бы частично сохраняется на протяжении всего дискурса» (там же). В уже упомянутой сказочной истории такими действующими лицами являются Красная Шапочка и волк; в жанре убеждения/наставления (потенциальными) агенсами выступают слушающие и т. д.

В таблице (5) представлены четыре базовые категории жанров, задаваемые этими двумя признаками.

(5) Обобщенные жанровые категории (Longacre 1996, глава 1)

		Ориентация на агенса	
		+	–
Временна́я последовательность	+	**НАРРАТИВ (ПОВЕСТВОВАНИЕ)**	**ПРОЦЕСС**
	–	**УБЕЖДЕНИЕ**	**ОБЪЯСНЕНИЕ**

Как видно из таблицы, **нарративный** дискурс (например, рассказ) задается значениями «+ временна́я последовательность» и «+ ориентация на агенса» (см. обсуждение выше). **Процессуальный** (*procedural*) дискурс («как это сделать, как это было сделано, как это произошло») также

характеризуется положительным значением «временно́й последовательности», но имеет отрицательное значение признака «ориентация на агенса», поскольку в текстах таких жанров «внимание сосредоточено на процессе и результате действия, а не том, кто его производит» (там же). **Убеждающий** (*behavioral*) дискурс (реализуемый в проповедях, панегириках, некоторых видах предвыборных речей и т. д.) задается значениями «– временна́я последовательность» и «+ ориентация на агенса», поскольку в подобных текстах «говорится о том, как поступают или должны поступать люди» (там же). Наконец, для **объяснительного** дискурса (финансовые сметы, научные статьи и т. д.) характерны отрицательные значения обоих признаков.

Помимо двух основных признаков Лонгейкр выделяет еще два: нереализованность и напряжение. Положительное значение признака **нереализованности** (*projection*) наблюдается при описании «ситуаций или действий, о которых размышляют, которые предписывают выполнить или которых ожидают, но которые при этом не осуществились». Так, пророчество — это нарратив в сочетании с нереализованностью, а рассказ — нарратив без нереализованности и т.д. (см. там же, с. 9). Признак **напряжения** связан с тем, «отражено ли в дискурсе то или иное противостояние или противоречие». Например, в нарративе или научной статье (в последнем случае — в зависимости от того, насколько статья полемична) напряжение может как присутствовать, так и отсутствовать (там же, с. 10). Для начинающих заниматься дискурсивным анализом мы бы рекомендовали нарративные тексты, в которых присутствует напряжение, а также есть два-три главных действующих лица.

Классификация обобщенных жанровых категорий по Лонгейкру основана в первую очередь на содержательных особенностях текстов. Для определения конкретных жанров часто используются и другие характеристики. Например, пьесы, скорее всего, относятся к обобщенной категории нарратива, но при этом должны быть исполнены в форме диалога (см. главу 1) и обычно написаны (см. главу 4) для дальнейшего представления вживую. Письма относятся к письменному дискурсу и при этом могут принадлежать к различным жанрам. Шутка — это, как правило, устный нарративный текст, создаваемый с определенной (юмористической) целью и в специальном речевом регистре и т. д.

2.2. Вложенный дискурс и коммуникативное намерение

Как мы уже отмечали в главе 1, одни дискурсы могут быть вложены в другие. Так, в романах, имеющих преимущественно монологическую форму, могут присутствовать диалогические вставки; нарративный

дискурс может вкладываться внутрь убеждающего (например, иллюстрация внутри проповеди) и т. д. Возможны и более сложные структуры, с несколькими уровнями вложенности.

Вложения подобного рода затрудняют классификацию текстов. Например, что такое басня: особый вид нарратива с добавлением морали в конце или же образец убеждающего дискурса с вложенным нарративом (который при этом занимает бóльшую часть текста)? Аналогичный вопрос можно задать и про притчи, которые завершаются толкованием. Но ведь бывают и такие притчи, в которых толкование не дано непосредственно, а только подразумевается, — как поступать с ними? Одни исследователи, опираясь на форму таких текстов, отнесли бы их к нарративному жанру; другие, взяв за основу функциональную нагрузку, сочли бы их образцами убеждающего дискурса — и при таком анализе вложенный нарратив совпадал бы по объему со всем текстом!

Сложности при классификации текстов часто связаны с определением намерений говорящего, т. е. причин создания дискурса. Как мы уже видели, в рамках определенной культуры жанры характеризуются наличием специальных целей и функций. Для некоторых жанров эти функции весьма конкретны: при помощи короткого обмена приветствиями собеседники поддерживают минимально необходимый уровень социальных отношений, тексты убеждающих жанров призваны воздействовать на поведение и мнения адресатов и т. д. У других жанров (например, у обобщенной категории нарратива) культурная функция имеет менее четкий характер. Кроме того, помимо цели, закрепленной за данным жанром в культуре, у говорящего обычно бывают и собственные цели, обусловленные контекстом коммуникации. Набор задач, лежащих в основе текста, называют **коммуникативным намерением** говорящего. «Люди не просто рассказывают истории или разговаривают без какой-либо причины — они взаимодействуют друг с другом и совершают некоторые *действия*, например, описывают или объясняют “текущие обстоятельства” коммуникации» (Spielman 1981: 14). Коммуникативные намерения говорящих разнообразны и обычно многослойны (см. Nuyts 1991: 52). Например, нарративный текст может быть создан для развлечения слушающего, но также и с дополнительным, менее заметным, намерением повысить репутацию говорящего как рассказчика и т. д. Более того, с коммуникативным намерением связан уже и выбор жанра: к примеру, почему это начальник сегодня утром только обменялся со мной краткими приветствиями, а не остановился немного поболтать? По сути, хотя коммуникативное намерение и выражается в языке, в целом это понятие выходит за пределы лингвистики: оно принадлежит к более широкой области, в рамках которой описываются мотивы любых осознанных действий.

Итак, типология текстов отражает то, как в языке оформляются культурно обусловленные типы действий. Причины, мотивирующие языковое действие, составляют коммуникативное намерение говорящего.

Ключевые понятия

жанр
- основные признаки
  - временнáя последовательность
  - ориентация на агенса
- обобщенные категории
  - нарративный дискурс
  - процессуальный дискурс
  - убеждающий дискурс
  - объяснительный дискурс

вложенный дискурс

коммуникативное намерение

Глава 3. Способ исполнения дискурса: стиль и регистр

Используя язык в реальной коммуникации, мы, помимо всего прочего, осуществляем выбор стиля и регистра речи. **Стиль** проявляется в личных предпочтениях говорящего, в его индивидуальных речевых привычках. Различия же в **регистре** обусловлены тем, что все члены некоторого речевого сообщества по-разному используют язык в разных ситуациях (Eggins, Martin 1997: 234).

3.1 Индивидуальный стиль

Когда несколько человек рассказывают одну и ту же историю, у них это обычно получается по-разному. Даже если содержание их рассказов идентично, наверняка обнаружатся различия в способе его выражения.

В работе Lyons 1977 (т. 2, с. 614) для указания на «те особенности текста ... которые позволяют идентифицировать его как произведение определенного автора» [или говорящего], используется понятие **индивидуального стиля**. Индивидуальный стиль отражает выбор, осуществляемый автором/говорящим в отношении способа выражения. При таком понимании мы можем сопоставлять, например, стили Хемингуя и Диккенса в художественных текстах или стили говорящих Хуана и Педро в записанных полевых данных[9].

Есть, однако, другая сложность: у одного говорящего может быть несколько стилей. Например, начинающие писатели — вне зависимости от того принадлежат они к младописьменной традиции или нет — обычно формируют свой литературный стиль не сразу, а постепенно; по сути, они последовательно сменяют стили на протяжении некоторого времени. Другой пример: говорящие могут по тем или иным причинам экспериментировать со стилями, варьируя их в рамках одних и тех же дискурсивных задач. И все же определение стиля как характеристики конкретного говорящего, как правило, имеет смысл.

[9] Полезный обзор исследований в области дискурсивных стилей содержится в Sandig, Selting 1997.

Конечно, отсюда не следует, что каждый говорящий всегда «звучит одинаково». Когда мы будем обсуждать понятие регистра, мы увидим, что в разных ситуациях говорящие предсказуемым образом используют разные способы изложения. Скорее, индивидуальный стиль стоит понимать как некоторый шаблон, в соответствии с которым говорящий будет выражать свои мысли в заданной коммуникативной ситуации и в рамках заданного жанра.

Среди явлений, связанных с индивидуальными стилистическими различиями, можно упомянуть использование коннекторов (специальных связочных слов и словосочетаний) в начале предложения (*поэтому*, *потом*, *итак* и т. д.). Набор и частотность такого рода единиц зависят от многих факторов, в число которых входят жанр текста и индивидуальный стиль говорящего. Так, в рамках одного и того же жанра одни говорящие могут лишь скупо использовать начальные коннекторы, а другие делают это значительно охотнее и свободнее. Также различаются и наборы коннекторов, которые разные говорящие используют в одних и тех же ситуациях. О влиянии индивидуального стиля на форму дискурса особенно важно помнить тогда, когда анализ проводится на крайне ограниченном массиве текстов. В этом случае исследователю стоит быть предельно аккуратным в выводах об универсальности тех или иных явлений.

3.2 Регистр

В работе Halliday 1978 термин **регистр** вводится для описания «того факта, что язык, на котором мы пишем или говорим, меняется в зависимости от ситуации», то есть в зависимости от «социального контекста его использования» (с. 31 и далее). У регистра есть по крайней мере два измерения: тип взаимодействия между говорящим и слушающим (в терминологии М. Халлидея — «поле»; *field*) и характер отношений между ними («тональность»; *tenor*)[10].

Рассмотрим следующий пример — перевод отрывка делового письма, взятого из работы Howell, Memering 1986 (с. 383).

[10] Халлидей упоминает еще одно измерение регистра — модус, или канал передачи информации (Halliday 1978: 33). В данном пособии этот вопрос обсуждается отдельно в главе 4.

(6)

Лоренс Мастерсон

907 Хай Роуд, кв. 12

Эмми, Мичиган 48902

9 января 1986 года

Мистеру Клэю Торренсу

Emtor Sports, Inc

134 159-я авеню,

Нью-Йорк, Нью-Йорк 10112

Уважаемый мистер Торренс,

На Рождество я получил в подарок от дальнего родственника «домашний прибор для измерения давления» производства Emtor Sports, модель № 18956.

Прибор перестал работать после первого же использования…

… Обращаюсь к Вам за помощью. Следует ли мне возвратить прибор Вам или же в Вашей компании есть отдел по работе с покупателями, в который я мог бы послать прибор для ремонта или замены?

С уважением,

Лоренс Мастерсон

Поскольку текст (6) является письмом, в нем имеются типичные структурные элементы: указание на адресата и обратный адрес, приветствие, заключительная фраза, подпись. Но помимо этого, в нем проявляются и особенности, обусловленные регистром. Во-первых, в письме реализуется деловой тип взаимодействия (параметр «поля») — и это влияет как на выбор лексических единиц (*производства Emtor Sports*, а не, например, *сделанный Emtor Sports*; *ремонт*, а не *починка*; *использование* и т. д.), так и на набор представленных в тексте сведений (например, упоминается номер модели, но не форма прибора). Во-вторых, автор письма очевидно не знаком с адресатом (параметр «тональности»), что проявляется, в частности, в выбранной им форме обращения (*мистер Торренс*). Кроме того, в тексте отсутствует информация

личного порядка, более уместная в непринужденном разговоре знакомых (например, о погоде в штате Мичиган).

Различия по оси «говорящий — слушающий» могут оказывать весьма серьезное влияние на итоговую форму дискурса. Среди ярких примеров — противопоставление ритуальных и повседневных ситуаций («поле») или разница между почтительным и властным отношением к собеседнику («тональность»).

3.3. Соотношение с жанрами

Между регистром и жанром существует неслучайная связь: регистр текста часто обусловлен его жанровой принадлежностью. Например, деловое письмо заведомо создается в другом регистре, чем шутка или непринужденный разговор. Отношение жанра к индивидуальному стилю менее очевидно. Для некоторых жанров круг допустимых стилей жестко ограничен — см., например, те же деловые письма или военные приказы, которые имеют строго определенную языковую форму. Но в других жанрах все обстоит иначе. Так, в художественной литературе «индивидуальный стиль прямо входит в само задание высказывания, является одной из ведущих целей его» (Бахтин 1986: 254).

3.4. Соотношение с диалектами

Поскольку говорящий обычно выбирает стиль и регистр своей речи, эти различия традиционно рассматривались отдельно от диалектного варьирования (см., например, Halliday 1978: 33–35). Однако такой подход оправдан лишь в том случае, если говорящие не осуществляют выбор диалекта. В то же время в последних исследованиях по переключению кодовых систем были выявлены стандартные ситуации, в которых говорящие намеренно и последовательно переходят в своей речи от одного языка или диалекта к другому. Если, как пишет Халлидей, «некоторый стандартный диалект, к примеру, используется в формальных контекстах, а местный диалект — в неформальных» (Halliday 1978: 34), это означает, что диалект становится средством выражения регистра (см. Lyons 1977.2: 617f).

Ключевые понятия
стиль
регистр
связь стиля и регистра с жанрами и диалектами

Глава 4. Модус дискурса: устный vs. письменный

В этой главе мы рассмотрим наиболее известные различия между устными и письменными текстами *одного и того же жанра*. Эти различия проявляются, например, при сопоставлении аудиозаписи и печатной версии политической речи или устного и письменного вариантов одного и того же нарратива, выполненных опытным рассказчиком. По замечанию К. Барч, «у каждого жанра свои особенности», поэтому сравнивать устные тексты одного жанра с письменными текстами другого жанра не более осмысленно, чем «яблоки с апельсинами» (Bartsch 1997: 45). И хотя в ловушку такого некорректного сопоставления попадают многие исследователи (см., в частности знаменитую работу Chafe 1985b, в которой сравниваются застольные разговоры и образцы академической прозы), к полученным подобным образом выводам нужно относиться с осторожностью.

В статье Барч можно найти не только сравнение устного и письменного вариантов одного и того же нарратива в одном из алгонкинских языков[11], но и полезный обзор публикаций о различиях между устной и письменной речью.

4.1. Повторы

«В устном языке используется много повторов. На письме же количество повторений, которое может выдержать читатель, ограничено» (Aaron 1998: 3). Сравнивая устную и письменную версии алгонкинского рассказа, Барч обнаружила, что в устном варианте один и тот же нравоучительный пассаж повторяется пять раз, тогда как в письменном он встречается лишь однажды. Сходное явление наблюдается при цитировании чужой речи. Если объем цитаты превышал одно предложение, в устном рассказе **ориентирующие ремарки** (например, *он сказал*; такие единицы также иногда называют цитационными маркерами, авторскими ремарками и т. д.) могли повторяться несколько раз в рамках одной цитаты, а в письменном варианте этого не происходило.

---

[11] Алгонкинские языки — подсемья в составе алгской семьи индейских языков. На алгонкинских языках говорят более 190 тысяч человек в США и Канаде. *(Прим. пер.)*

Отличительный для устной речи тип повторов часто возникает при **увязывании конца и начала** (*tail-head linkage*[12]) в сложноподчиненной конструкции (см. Thompson, Longacre 1985: 209–213). Суть этого явления состоит в том, что в подчиненной клаузе, стоящей в начале нового предложения, повторяется вершинный глагол предыдущего предложения (возможно, с некоторыми его аргументами), например: *...он вошел в дом. Когда он вошел в дом, он увидел змею.* Для письменной речи такая стратегия скорее не характерна. Так, в работе Johnston 1976 было показано, что техника *tail-head*, считающаяся «жизненно необходимым элементом нарратива в большинстве языков Папуа — Новой Гвинеи», в письменных текстах носителями этих языков устраняется (с. 66).

В некоторых языках в каждом устном предложении используются **показатели эвиденциальности** — единицы, которые указывают на источник сообщаемой информации: наблюдал ли говорящий некоторую ситуацию воочию, или он только слышал о ней, или «догадался» и т. д. (см. Barnes 1984 и Palmer 1986). При этом в письменных текстах на этих же языках, если источник информации уже был задан ранее, показатели эвиденциальности используются крайне редко.

4.2. Маркированный порядок слов

В устных текстах значительно чаще, чем в письменных, встречаются отклонения от немаркированного порядка составляющих внутри клаузы или предложения. Это связано с тем, что в устных высказываниях объединение составляющих в более крупные единицы может происходить при помощи интонации, а на границы между единицами могут указывать паузы. В письменной речи этих ресурсов нет, а значит, вариативность порядка слов ограничена. Так, например, У. Чейф (Chafe 1985b: 115) обнаружил, что в английском языке так называемые антитопики (постпозитивные добавления, в результате которых подлежащее оказывается в правой периферии клаузы, как в *Never been to a wedding dance.* ***Neither of us* —** буквально 'Никогда не были на свадебном танце. Ни один из нас') используются только в устной речи.

В инганском диалекте языка кичуа (Колумбия) немаркированная позиция глагола — в конце клаузы. В устной речи эта тенденция может нарушаться: за глаголом часто следуют именные или адвербиальные составляющие, а подчиненные клаузы располагаются справа от главных.

[12] Английский термин *tail-head linkage* широко используется и в русскоязычной лингвистической литературе — чаще, чем его переводные аналоги. В настоящем пособии это явление также будет упоминаться в исходной английской форме. *(Прим. пер.)*

Однако же когда такие фрагменты записывали и предлагали носителям языка прочитать их вслух, они неизменно завершали предложение в том месте, где стоял главный глагол. Все, что следовало за главным глаголом, носители произносили в новом предложении — даже если это противоречило пунктуации предъявленного им текста.

4.3. Внутренняя организация

Письменные тексты лаконичнее, имеют более четкую организацию, а новая информация в них вводится быстрее, чем в устных (см. Chafe 1992: 268). Так, в исследовании Барч было обнаружено, что в письменной версии алгонкинского нарратива целевые клаузы встречаются значительно чаще, чем в устной. Устная версия, в свою очередь, содержит больше «авторских комментариев и дополнительных пояснений, не входящих в основную сюжетную линию» (Bartsch 1997: 45).

На письме предложения обычно объединяются в более крупные блоки, чем в устном дискурсе. Например, при устной передаче чужой речи обычно используются смежные пары из инициирующего и закрывающего ходов (см. главу 1); в письменных текстах чужая речь часто передается при помощи более сложных структур (см. Levinsohn 2000: 218–219).

4.4. Точность

При создании письменного текста у автора есть намного больше времени для поиска «правильных слов», чем в ситуации устной речи. Поэтому для письменных текстов характерен более тщательный выбор лексических единиц, чем даже для самых продуманных устных выступлений (см. Biber 1988: 163). В то же время в устной речи часто используются **лексические ограничители** (в терминологии Lakoff 1972 — *hedges*), в первую очередь — аппроксиматоры *типа*, *как бы*, *вроде бы* и т. п. (см. Chafe 1985b: 121).

Чейф также отмечает (там же, с. 114), что лексический состав английского языка можно поделить на три слоя: **разговорная** лексика преимущественно используется в устной речи (например, *guy* ‘парень, чувак’, *stuff* ‘штука, фигня’, *scary* ‘жуткий, стремный’), **литературная** лексика — в письменных текстах (*display* ‘демонстрировать’, *heed* ‘принять во внимание’ и т. д.), а **нейтральная** лексика свободно используется в обоих модусах (нейтральные аналоги приведенных выше разговорных и литературных слов — *man* ‘человек’, *material* ‘материал’, *frightening* ‘страшный’, *show* ‘показывать’, *pay attention to* ‘обращать внимание’).

4.5. Паралингвистические сигналы

«В устной коммуникации мы активно используем просодические средства (интонацию, паузы, темп, тембр голоса и т. д.) и язык тела для выражения дейктических значений, уважения к собеседнику, межпропозициональных связей и множества других категорий» (Aaron 1998: 3). В письменной речи в этих целях используются пунктуация и словесные описания, но по большей части соответствующие значения не выражаются напрямую, а выводятся из контекста.

Также только в устной речи допустимо использование некоторых дейктических элементов. Например, это касается употребления английского указательного местоимения *this* в контекстах вида *I woke up with* ***this*** *headache* (см. Chafe 1985b: 115; буквально 'Я проснулся с **этой** головной болью').

4.6. Практическое применение

Различия между устной и письменной речью значимы и при практической лингвистической работе.

Например, при обучении языку набор навыков, который нужно освоить для чтения, лишь частично совпадает с набором навыков, необходимым для говорения. Согласно наблюдению Ю. Найды, это верно и для младописьменных языков: «В языках с очень короткой литературной традицией, например, в таких, на которых пишут только последние 20–30 лет [или даже два-три года], быстро развиваются существенные различия между устным и письменным стилями. Таким образом, за образец хорошего письменного стиля нельзя брать ... стиль умелых носителей устного языка» (Nida 1967: 156). Все это оказывает серьезное влияние на характер письменных материалов — в том числе, переводов (которые, по мнению Барч, в ряде случаев должны соединять в себе устные и письменные черты).

В то же время становится все более очевидным, что дихотомия устного и письменного дискурса устроена сложным образом: в ней переплетаются различные параметры, некоторые из которых можно рассматривать по отдельности (см. Biber 1988). Поэтому во время полевых исследований лингвисту нужно стремиться к тому, чтобы собрать как можно больше текстов разных типов — и приводить не только данные об их модусе (устном или письменном), но и подробные сведения о прочих обстоятельствах их создания[13].

[13] Еще один обзор статей об особенностях устного и письменного модусов см. в Frank 1983.

Ключевые понятия

повтор

- ориентирующие ремарки
- увязывание конца и начала (tail-head linkage)
- показатели эвиденциальности

маркированный порядок слов

внутренняя организация

- пояснения

точность

- лексические ограничители (hedges)
- разговорная лексика
- литературная лексика
- нейтральная лексика

паралингвистические сигналы

ГЛАВЫ 5–15. ОБЩИЕ СВОЙСТВА ДИСКУРСА

Глава 5. Когерентность, или содержательная связность

Я считаю, что физики совершают открытия, но, в определенном смысле, не способны их понять. Мы умеем пользоваться ими, но до конца не понимаем. «Понять» — значило бы соотнести наши открытия с чем-то другим, чем-то еще более важным и глубоким.

Лауреат Нобелевской премии по физике И. А. Раби, статья в номере журнала The New Yorker от 20 октября 1975 г., с. 96.

В главах 1–4 мы обсуждали типологию текстов, т. е. то, чем дискурсы отличаются друг от друга. Теперь мы обратимся к явлениям, общим для всех типов дискурса.

У того, как мы воспринимаем дискурс, есть некоторая структура, и эта структура определяется далеко не только формальной организацией текста. На более глубоком уровне это скорее вопрос о том, как содержание дискурса последовательно «собирается» и хранится у нас в голове. Конечно, языковая форма оказывает определенное влияние на этот процесс, но, как известно из работ по психологии, мы понимаем и запоминаем дискурс, лишь частично ориентируясь на то, чтó в действительности было сказано[14]. Помимо этого, в имеющуюся у слушающих **МЕНТАЛЬНУЮ РЕПРЕЗЕНТАЦИЮ** дискурса также входят их знания о мире и предположения о коммуникативных намерениях говорящего. Разумеется, и то и другое во многом опирается на культурно-специфический опыт слушающих. В целом, объем того, чтó слушающие привносят в свое понимание дискурса, никак не меньше того, чтó они получают непосредственно от говорящего. «Когда мы воспринимаем дискурс, ... нам приходится опираться на все имеющиеся у нас знания о нашей культуре, нашем языке и окружающем нас мире» (Everett 1992: 19).

[14] См., например, цитату из книги А. Пайвио и Л. Бега: «Исследования демонстрируют, что мы лучше запоминаем суть сказанного, чем то, как это было сказано» (Paivio, Begg 1981: 194; см. также приводимые авторами ссылки на другие работы).

Но и это еще не все. Чтобы понять, что такое ментальная репрезентация, недостаточно содержания дискурса и набора культурно-обусловленных знаний и представлений. Необходимо также понимать, как протекают базовые когнитивные процессы: как мы воспринимаем информацию, как мы ее храним и как получаем доступ к хранящейся информации. Все эти процессы с трудом поддаются непосредственному наблюдению, но они проявляются в принципах организации дискурса и в том, какими формальными средствами обеспечивается эта организация[15]. В нашем пособии мы будем регулярно обращаться к ментальными репрезентациям и близким психологическим понятиям — в расчете на то, что с их помощью нам удастся объяснить явления, наблюдаемые в реальных текстах.

Первый вопрос, который нам предстоит обсудить, — это вопрос о дискурсивной связности.

5.1. Содержательная связность

«Что такое дискурс? Что делает последовательность предложений связным текстом, а не разрозненным набором слов?» С этих вопросов начинается обсуждение связности в книге Johnson-Laird 1983. Рассмотрим два примера[16].

(7) Из Карды прискакал нарочный и прокричал эти слова, обдав деревню долгожданным громом. И деревня взыграла. Первым, как всегда, схватился за ружье Нестор, его поддержали — поднялась пальба, какой Атамановка сроду не слыхивала; бабы, бросаясь друг к другу, закричали, заголосили, вынося на люди и счастье, и горе, и вмиг отказавшее, надсадившее терпение…

(8) Мы выбрали удачный день, чтобы пойти за грибами — после вчерашнего дождя в лесу было очень свежо. Солнце

[15] См. главу 14 в Johnson-Laird 1983, главу 4 в Paivio, Begg 1981, а также утверждение У. Чейфа о том, что «дискурс невозможно понимать в отрыве от его психологического и социологического измерений» (Chafe 1991: 356). Обзор когнитивного направления в дискурсивном анализе можно найти в Graesser et al. 1997. К сожалению, пока не существует единого представления о «базовом формате содержательной репрезентации: чаще всего исследователи опираются на ту или иную пропозициональную модель, также предлагаются образные модели, комбинированные пропозиционально-образные модели, абстрактные модели» (Pederson, Nuyts 1997: 2).

[16] Отрывки (7) и (8) аналогичны английским примерам, приведенным в Johnson-Laird 1983 (с. 356). *(Прим. пер.)*

просвечивало сквозь кроны деревьев, и на душе было легко и беззаботно. Вдруг, откуда ни возьмись, прогремел гром, засверкали молнии и полил проливной дождь. Я увидел на ветке синицу, которой негде было укрыться. Ветка неожиданно треснула, синица испугалась и улетела. Она полетела к другому дереву, где висела кормушка. К сожалению, в ней не оказалось корма, и птица осталась голодной. Она попрыгала-попрыгала, и улетела ни с чем. Все ее надежды на светлое будущее и сытую жизнь рухнули в один момент. Девушке пришлось устроиться на работу дворником, и при этом продолжать учиться на вечернем отделении. Хотя, будучи менеджером по призванию, она быстро организовала клининговую компанию.

Если вы стандартным образом подошли к интерпретации отрывка (7), вы должны были заметить, что в нем содержится некоторый согласованный набор понятий. Причем вы могли это заметить даже в том случае, если сами никогда не оказывались в описанной ситуации и не знакомы с полным текстом (а это повесть Валентина Распутина «Живи и помни»). Вполне вероятно, в вашу ментальную репрезентацию отрывка (7) вошли следующие понятия:

(9) а. место под названием Карда (возможно, ранее вам не знакомое)
б. сообщение важной и срочной новости
в. мужчина по имени Нестор
г. деревня под названием Атамановка (а также общие представления о социальной организации русской деревни)
д. общее возбуждение по поводу сообщенной долгожданной новости и т. д.

Построив ментальную репрезентацию, содержащую подобные элементы, вы с большой вероятностью восприняли отрывок (7) как связный текст.

Не исключено, что вы рассчитывали аналогичным образом построить ментальную репрезентацию и для текста (8). Однако по мере продвижения вам, скорее всего, становилось все труднее понять, о чем в нем идет речь. Почему автор называет удачным для прогулки день, в который идет проливной дождь? Какова связь между приключением в лесу и судьбой неназванной девушки? В тот или иной момент вы, вполне вероятно, просто отказались от идеи построить сколько-либо «надежную» ментальную репрезентацию

для текста (8). Именно в этот момент отрывок перестал быть для вас связным[17].

Итак, текст называется **содержательно связным** в том случае, если в конкретной речевой ситуации конкретный адресат способен построить из отдельных содержательных элементов текста единую ментальную репрезентацию[18]. Соответственно, текст лишен связности, если адресат признает, что в данный момент не способен построить для него такой ментальной репрезентации.

Нередко под связностью понимают некоторую характеристику готового текста. Это не совсем точно: как мы уже отметили выше, связность обусловлена тем, чтó конкретный адресат может сделать с текстом в конкретный момент. А значит, один и тот же текст может быть связным для одних адресатов и не связным для других — и так часто происходит, если у адресатов различаются культурные и иные контекстные знания. Более того, один и тот же адресат может в одной ситуации воспринять текст как связный, а в другой — нет. Например, текст может приобрести или потерять связность для адресата с добавлением в него нового языкового материала. И тем не менее мы все же иногда будем говорить о связности как о свойстве готового текста — с оговоркой, что такое понимание производно от наших ожиданий о том, как будет интерпретировать данный текст «типичный» адресат в стандартной речевой ситуации.

Участники коммуникации обычно исходят из презумпции связности текста. Если говорящий предъявляет нечто в качестве текста, слушающие вправе рассчитывать на то, что им удастся построить для него содержательно связную интерпретацию, и они направляют свои усилия

---

[17] Пример (8) и не был задуман как связный текст — по крайней мере, в стандартном смысле этого слова. Каждое предложение в этом отрывке было написано новым автором, который при этом мог прочитать только одно, непосредственно предшествующее своему, предложение. (Русская версия примера (8) была получена в ходе эксперимента, проведенного Р. Кимом в 2013 году. — *Прим. пер.*)

[18] См. цитату из книги Ф. Джонсона-Лэрда: «Необходимым и достаточным условием дискурсивной связности, отличающим дискурс от случайной последовательности предложений, является возможность построить единую ментальную модель на основании текста» (Johnson-Laird 1983: 370). Следует отметить, что в концепции Джонсона-Лэрда понятие «ментальная модель» имеет строго определенный, специфический смысл. В нашем пособии мы будем использовать термин «ментальная репрезентация», основываясь в том числе и на работах Джонсона-Лэрда, однако мы не настаиваем на каком-либо техническом понимании этого термина. Структура ментальных репрезентаций будет подробнее рассмотрена в главе 9.

в эту сторону (Brown, Yule 1983: 199; Halliday, Hasan 1976: 54)[19]. Эта презумпция фундаментальна для успешной коммуникации, и вы тоже исходили из нее, если прочитали (7) как связный текст и пытались так же прочитать фрагмент (8).

Построение ментальной репрезентации текста — не однократное действие слушающего, а поступательный процесс, основанный на методе проб и ошибок. По мере развития текста слушающий сначала создает некоторую предварительную ментальную репрезентацию[20], а затем расширяет и изменяет ее — стремясь к тому, чтобы вся содержащаяся в тексте информация заняла в репрезентации подходящее место.

5.2 Контекст и контекстуализация

Выше мы уже упоминали понятие контекста. **Контекстом** некоторого явления называется ситуация, в которую это явление входит как одна из составных частей. Из всех видов контекстов нас интересуют только такие, которые осознаются участниками коммуникации. Отсюда следует, что для наших целей контекст — это просто такой фрагмент ментальной репрезентации, который тем или иным образом связан с тем фрагментом, над которым слушающий работает в настоящий момент. Аналогичная идея реализована в работе Fillmore 1981, в которой для описания деятельности слушающего по построению ментальной репрезентации текста используется понятие **контекстуализации**. Ч. Филлмор разграничивает два вида контекстуализации: внутреннюю и внешнюю. Нередко они происходят одновременно.

Внутренняя контекстуализация — это стремление слушающего построить ментальную репрезентацию текста, основываясь только на его

[19] В Sperber, Wilson 1986 (с. 156 и далее) выдвигается предположение, что на уровне отдельных высказываний действует «презумпция релевантности». На уровне грамматических конструкций, по всей видимости, реализуется презумпция синтаксической интерпретируемости. Вполне вероятно, что все это — проявления более глобального явления, а именно презумпции возможности обработки (*processability*), на которую опираются участники любой коммуникации.

[20] Говорящие довольно часто помогают слушающим построить такую предварительную репрезентацию, последовательно обозначая место и время действия, главных действующих лиц и т. д. В частности, именно этой цели служат стандартные сказочные зачины вида *Давным-давно, в некотором царстве, в некотором государстве жил-был ...*. Возможна и прямо противоположная стратегия построения текста, при которой говорящий сразу же погружает слушающего в середину повествования — и тогда слушающий вынужден следить за развитием текста в том числе и для того, чтобы суметь построить адекватную ментальную репрезентацию.

содержании. В дальнейшем, следуя распространенной практике, мы будем называть такую внутреннюю репрезентацию слушающего его **текстовым миром**[21]. В процессе **внешней контекстуализации** слушающий пытается понять, для чего говорящий создает данный текст. На выходе получается ментальная репрезентация текста, включающая его координаты в реальном мире: информацию о говорящем, слушающем/слушающих и всех обстоятельствах, важных для интерпретации реализуемого в тексте коммуникативного намерения (см. раздел 2.2).

Выше, когда мы обсуждали отрывки (7) и (8), речь шла о внутренней контекстуализации, т. е. о том, обладало ли написанное некоторым связным смыслом. Для текста (7) частичной внутренней контекстуализацией (текстовым миром) может служить набор понятий, представленный в (9). Для (8) вам, скорее всего, не удалось найти текстовый мир, который связал бы воедино содержащуюся в отрывке информацию. При этом практически наверняка вы не только выполняли внутреннюю контекстуализацию этих двух текстов, но и одновременно с этим работали над внешней контекстуализацией. Вполне вероятно, вы догадались, что отрывок (7) был представлен вам в качестве образца связного текста. Возможно, вы могли предположить то же самое и относительно отрывка (8). Однако по мере того как внутренняя контекстуализация становилась все менее и менее возможной, вы постепенно могли прийти к выводу о том, что (8) специально приведен как пример несвязного текста. В этом случае внешняя контекстуализация (8) прошла успешно, даже несмотря на отсутствие внутренней контекстуализации. Более того, именно трудности при выполнении внутренней контекстуализации помогли вам реализовать внешнюю!

Ключевые понятия
ментальная репрезентация
содержательная связность (когерентность)
  внутренняя контекстуализация
    текстовый мир
  внешняя контекстуализация

[21] Для описания ментальных репрезентаций подобного рода также иногда используются термины *макроструктура* (Van Dijk 1977) и *текстуальный мир* (de Beaugrande, Dressler 1981).

Глава 6. Когезия, или структурная связность

Как мы показали в главе 5, содержательная связность текста обусловлена тем, способен ли слушающий проинтерпетировать его в рамках единой ментальной репрезентации. Означает ли эта опора на содержательную сторону вопроса, что для обеспечения связности не важны конкретные формальные средства? Конечно же, нет. Напротив, говорящие, стремясь помочь слушающим построить адекватную ментальную репрезентацию текста, регулярно используют специальные языковые средства.

Использование языковых средств для поддержания содержательной связности текста обычно называют **когезией**, или **структурной связностью** (*cohesion*; см. Grimes 1975: 112ff; Halliday, Hasan 1976; de Beaugrande, Dressler 1981: 3; Brown, Yule 1983: 191ff). В свою очередь, формальные средства, при помощи которых говорящие указывают, как данный фрагмент текста содержательно соотносится с другими, часто называют **маркерами связности** (*cohesive ties*).

В этой главе мы рассмотрим маркеры связности нескольких видов. Безусловно, в каждом языке имеется свой набор формальных средств поддержания связности, но некоторые обобщенные типы можно обнаружить в большинстве языков мира. Ниже приведен список таких часто встречающихся типов; по большей части он основан на широко известной работе Halliday, Hasan 1976, в нем также учтены более поздние добавления, сделанные в Brown, Yule 1983 (раздел 6.1).

(10)

Стандартные средства структурной связности

Описательные выражения, ссылающиеся на ранее упомянутые объекты

Тождество

- повтор (полный или частичный)
- лексическая замена
- местоимения
- другие проформы
- замещение
- эллипсис

Лексические связи

  гипонимия (видо-родовые отношения)

  часть-целое

  коллокация

Морфосинтаксические средства связности

  повтор грамматических значений (время, вид и проч.)

  эхоические повторы

  дискурсивно-прагматическая структура

Маркеры межпропозициональных отношений

Интонационные средства

Далее мы кратко рассмотрим каждый из этих типов на примерах из русского языка[22].

6.1. Описательные выражения, ссылающиеся на ранее упомянутые объекты

Возможно, самый очевидный способ поддержания связности — это использование **ОПИСАТЕЛЬНЫХ ВЫРАЖЕНИЙ** вида *на следующий день*, *в комнате напротив*, *брат этой девушки* и т. д. Подобные выражения отсылают к объектам, которые были ранее упомянуты в тексте или про которые у говорящего есть основания полагать, что они уже присутствуют в ментальной репрезентации слушающего[23]. В приведенных выше примерах такими объектами могут быть соответственно предыдущий день, некоторая комната и конкретная девушка. Структурная связность в этом случае проявляется в явной отсылке к уже известным объектам при упоминании новых объектов — а это, в свою очередь, увеличивает содержательную связность текста.

Отметим также, что маркер связности может одновременно относиться как к описательным выражениям, так и к одному из типов, которые будут рассмотрены ниже.

[22] Все примеры, кроме специально оговоренных случаев, взяты из Национального корпуса русского языка (http://ruscorpora.ru/). *(Прим. пер.)*

[23] Термин *объект* в этом значении будет обсуждаться в разделе 9.3.

6.2. Тождество

В эту широкую группу попадают маркеры связности, содержащие указание на формальное, референциальное или смысловое тождество с ранее упомянутым объектом.

Так, возможен буквальный **повтор** целого словосочетания (11) или его однозначно интерпретируемой части (12):

(11) На это сержанты с удовольствием согласились и повели **Федора Михайловича** в близлежащий ресторан, где в отдельной комнате **Федор Михайлович** и велел подать три бутылки местного красного вина. (*А. Г. Достоевская. Воспоминания*)

(12) Известен визит к Дали **Арама Хачатуряна**: **Хачатуряна** провели в огромный зал, где за пустым столом стояло только одно кресло. (*А. С. Демидова. Бегущая строка памяти*)

В случае **лексической замены** сохраняется референциальное тождество, но при повторном упоминании используется другое выражение:

(13) Премьер-министр Испании Хосе Луис Родригес Сапатеро проведет в Барселоне встречу с **Папой Римским Бенедиктом XVI** седьмого ноября во время визита **понтифика** в этот город, передали в понедельник испанские СМИ. (*РИА Новости, 27.09.2010*)

В (13) представлено два случая лексической замены. Оба они будут успешно интерпретированы слушающим при том условии, что в его ментальной репрезентации текста на момент появления в предложении (13) соответствующих выражений содержится только один объект, с которым можно соотнести слово *понтифик* (Бенедикт XVI), и только один объект, с которым можно соотнести словосочетание *этот город* (Барселона). Похожие условия интерпретации касаются практически любых референциальных выражений, обладающих определенностью (см. раздел 10.2).

При использовании **местоимений** также налицо кореферентность, но чаще всего не формальное тождество:

(14) **Бенедикт XVI** в начале ноября посетит два испанских города. Шестого ноября **он** будет в столице Галисии Сантьяго де Компостела. (*РИА Новости, 27.09.2010*)

Помимо местоимений, существуют и другие **проформы**, в частности, глагольные сочетания вида *делать это*[24] (об английском аналоге *do ... it* можно прочитать в Halliday, Hasan 1976 (с. 126)):

[24] О свойствах выражений *делать это* и *делать так* в русском языке см. Муравьева 1985. *(Прим. пер.)*

(15) Так вы признаете, что **швырнули своему соседу на голову горшок с цветами**? Зачем вы **это сделали**? (*Коллекция анекдотов: соседи (1970–2000)*)

Кореферентность может быть не только полной, но и частичной — например, если два разных объекта принадлежат к одному классу. Халлидей и Хасан предложили использовать для таких случаев термин **замещение** (*substitution*; Halliday, Hasan 1976: 88). См. следующий пример:

(16) Сделать это было не так просто, потому что **рыбки** были очень похожи на кусочки льда.

— Ловите их! Хватайте! — прыгал между ребятами географ.

— Я поймал **одну**! — торжественно объявил Карандаш.

— Я тоже **одну** схватил! — обрадовал профессора Самоделкин. (*В. Постников. Приключения Карандаша и Самоделкина на «дрындолете»*)

В отношения полной или частичной кореферентности могут вступать и нулевые единицы — в этом случае говорят об **эллипсисе** (Halliday, Hasan 1976: 143)[25]. Эллипсис с полной кореферентностью представлен в примере (17) (нулевые единицы традиционно обозначаются при помощи знака *Ø*):

(17) Наконец я с ними простился; отец пожелал **мне** доброго пути, а дочь проводила **Ø** до телеги. *(А. С. Пушкин. Станционный смотритель)*

В примере (18) можно обнаружить эллипсис с замещением:

(18) У тебя есть **мозг** в голове, и у меня тоже есть немножко **Ø**. (*Ал. П. Чехов. Письма Антону Павловичу Чехову*)

6.3. Лексические связи

Связь между лексическими единицами в тексте не обязательно основана на тождестве. Ниже мы рассмотрим три типа нетождественных отношений.

---

[25] В более точной формулировке Халлидея и Хасан, «эллипсис наблюдается, когда невыраженным остается некоторый структурно необходимый элемент текста» (Halliday, Hasan 1976: 144). Слушающий должен иметь возможность восстановить опущенный материал, поэтому в нем обычно содержится данная (а не новая) информация. Кроме того, такой материал крайне редко оказывается в фокусе высказывания. Подробнее об этом см. главы 10 и 11.

В случае **гипонимии** один объект является подтипом другого. Например, в (19) гвоздодер, лом и отвертка выступают гипонимами по отношению к родовому слову *инструменты*:

(19) Опытный Сухарев сразу опустил руку в сумку с **инструментами**, вытащил **гвоздодер** и передал мне, сам же взял короткий **лом** и **отвертку**. (*М. Елизаров. Библиотекарь*)

Еще одно важное отношение между единицами текста — это отношение вида **часть — целое**. Так, в примере (20) *кабина* обозначает часть ранее упомянутой *машины*:

(20) Шофер санитарной **машины**, на которой они приехали, из **кабины** не вышел. (*Л. Улицкая. Казус Кукоцкого*)

Третье явление подобного рода — это **коллокация**, т.е. «регулярное совместное употребление отдельных лексических единиц в тексте» (Crystal 1997: 69). Коллокации могут возникать, например, за счет того, что единицы принадлежат к одной лексической группе:

(21) Если в **понедельник** критик вас хвалил, то во **вторник** он же бранил. (*В. Г. Шершеневич. Великолепный очевидец*)

6.4. Морфосинтаксические средства связности

Для обеспечения структурной связности можно также использовать разнообразные морфосинтаксические средства. Рассмотрим три вида морфосинтаксических структур, используемых в качестве маркеров связности.

Во-первых, это серии предикаций с **повторяющимися грамматическими значениями**. Например, в (22) все вершинные глаголы употреблены в форме совершенного вида прошедшего времени — и это указывает на то, что каждое из описываемых действий входит в основную линию изложения:

(22) Но вот я **встал**, **прикрыл** доской отверстие кувшина, **положил** на доску папоротниковую прокладку, **приподнял** камень и **поставил** его на место. Мне **показалось**, что он значительно полегчал. Я **поднял** чайник и **почувствовал**, что он переполнен, потому что из носика **выплеснулась** струйка. Чтобы вино даром не терялось, я **поднёс** чайник ко рту и **вытянул** из носика хороший ледяной глоток. (*Ф. Искандер. Путь из варяг в греки*)

Во-вторых, это так называемые **эхоические повторы**. При эхоическом повторе говорящий полностью или частично дублирует предшествующее высказывание своего собеседника, причем делает это намеренно, привлекая к этому высказыванию дополнительное внимание.

В (23) представлен перевод английского примера, приведенного в Sperber, Wilson 1986 (с. 237–243):

(23) Говорящий А: Отличный денек для прогулки.

Говорящий Б: В самом деле, **отличный денек для прогулки**.

Реплика говорящего Б является эхоическим повтором, и ее можно понять по-разному: как ироническую (если, допустим, в действительности за окном дождь), как выражающую поддержку (если погода и вправду хорошая) и т. д. Как бы мы ни интерпретировали это высказывание (а для достоверной интерпретации необходимо знание контекста), в нем безусловно содержится ссылка на предшествующее высказывание, а значит, оно выступает в качестве маркера связности.

В-третьих, морфосинтаксические средства связности затрагивают **дискурсивно-прагматическую структуру** текста. Подробнее об этой структуре мы будем говорить в главе 11, здесь же приведем только один пример. В (24) все предложения начинаются со специальных словосочетаний — своего рода **отправных точек**, к которым присоединяется основная часть предикации:

(24) а. **Там, слева от дороги,** был маленький грустный пруд, подернутый ряской; на игрушечном пригорке возле него стояли маленькие нарядные домики, словно бы из андерсеновской сказки.

б. **В одном из них**, очень опрятном, жила финка-молочница, носившая нам коровье молоко…

в. **А в другом домике** — веселеньком, с башенками и балкончиками — жила цветочница, торговавшая на нашем рынке сиренью, флоксами, анютиными глазками, пионами... (*М. Полей. Поминовение*)

Отправные точки (в (24) они выделены полужирным шрифтом) связывают основную часть предикации с чем-то, что уже, скорее всего, присутствует в ментальной реперезентации слушающего. Например, словосочетание *в одном из них* связывает содержание предикации *жила финка-молочница* с ранее выраженной идеей о наличии более чем одного дома в описываемой местности.

6.5. Маркеры межпропозициональных отношений

Согласно одной из формулировок закона Бехагеля, «единицы, связанные между собой содержательно, должны быть объединены и синтаксически» (MacWhinney 1991: 276). Это основополагающий принцип

естественного языка, проявляющийся в различных ситуациях. В том числе — и при соположении пропозициональных единиц: клауз и предложений. Если две клаузы или два предложения соседствуют друг с другом, то при отсутствии смущающих факторов описываемые в них пропозиции следует понимать как тесно связанные между собой. (Смущающим фактором может быть, например, маркер разрыва между клаузами/предложениями — при его наличии содержательная интерпретация становится другой.) Таким образом, соположение клауз уже само по себе может выступать маркером связности, хотя в нем и не раскрывается точный характер межпропозиционального отношения.

Семантические отношения между пропозициями иногда называют **отношениями связности**, и они нередко получают эксплицитное выражение — при помощи союзов и прочих языковых средств. См. пример (25):

(25) Но это бы полбеды. Беда была в её маниакальной чистоплотности — **так, например**, яйца перед варкой она мыла с мылом. (*А. Волос. Недвижимость*)

Скорее всего, адресат текста сумел бы построить его связную интерпретацию и без маркера *так, например*. Однако наличие такого выражения облегчает процесс интерпретации и делает его более надежным (см. главу 13).

6.6. Интонационные средства

В задачи данного пособия не входит сколько-либо подробный анализ интонационных структур. Тем не менее не стоит недооценивать роль интонации как средства поддержания связности. Например, нередко по одной лишь интонации говорящего можно понять, что он «закругляется», то есть близок к завершению своей речи. Иными словами, интонационное оформление высказывания помогает нам понять его место в общей структуре текста и, соответственно, построить связную ментальную репрезентацию. На более локальном уровне интонационные средства могут использоваться для выделения парентезы: так, в Cruttenden 1986 (с. 129) отмечается, что в английском языке вставочная информация часто произносится в пониженном тональном регистре. Аналогичное наблюдение про русский язык содержится в работе Кибрик, Подлесская (ред.) 2009 (с. 145) — см. следующий пример[26]:

---

[26] Пример записан в нотации, соответствующей Cruttenden 1986. Оригинальный транскрипт, выполненный авторами корпуса «Рассказы о сновидениях», можно найти по ссылке http://spokencorpora.ru/showtrans.py?file=00dreams/NDS_091-f-n; там же можно и прослушать отрывок звукового файла. *(Прим. пер.)*

(26) И вот однажды мы значит стоим в метро // ждем поезда // **ну там нужно на метро было проезжать** // ну ждем мы поезда ...

Парентеза входит в определенные содержательные отношения с основной линией изложения, а значит, интонационное средство ее оформления также является маркером связности.

6.7. Зачем нужна когезия?

Итак, под когерентностью принято понимать содержательную связность текста, а под когезией — структурную связность, основанную на формальных свойствах текста. В принципе, содержательная связность может обеспечиваться и в отсутствие когезии. Как отмечают Дж. Браун и Дж. Юл, «если под текстом понимать интерпретируемую последовательность предложений, то несложно найти такие тексты, в которых либо совсем немного, либо вообще нет формальных маркеров связности» (Brown, Yule 1983: 196). Вот иллюстрирующий этот тезис отрывок из письма литературного агента:

(27) Чтобы прощупать почву, я позвонил вчера ведущему британскому издателю, у которого есть представительство в Нью-Йорке. Интерес к «*Чистой речи*» возник мгновенно[27].

Утверждение Брауна и Юла основывается на довольно странном определении текста. (27), действительно, является «интерпретируемой последовательностью предложений», но никак не целым текстом в привычном понимании этого слова. Это важно, ведь при наличии более широкого контекста мы бы могли обнаружить формальные показатели связи между (27) и остальной частью текста. И тем не менее с их общим посылом можно согласиться: когезия, или структурная связность, не является *обязательным* условием когерентности, т. е. связности содержательной.

Но, быть может, структурная связность является *достаточным* условием содержательной связности? На этот вопрос Браун и Юл также дают отрицательный ответ (Brown, Yule 1983: 197). В качестве аргумента они приводят пример, похожий на рассмотренный нами в главе 5 отрывок (8). Как вы помните, этот отрывок состоял из

[27] Чтобы читатель мог оценить особенности английского примера, приведем его в оригинальной форме: Just to test the water I made one telephone call yesterday, to a leading British publisher with offices in New York. There was immediate interest in *Clear Speech*. *(Прим. пер.)*

предложений, которые были написаны разными авторами, каждый из которых знал, что участвует в эксперименте по созданию текста, но при этом видел только предыдущее предложение. В результате их деятельности следующие друг за другом предложения включали в себя различные маркеры связности, но содержательно связным текст (8) не был (если только у его адресата не развито особое, нестандартное воображение). Таким образом, в общем случае когезия не является ни обязательным, ни достаточным условием содержательной связности.

И все же говорящие очень часто прибегают к средствам структурной связности, а значит, на то есть существенные коммуникативные причины. По сути, отношение между когезией и когерентностью — это отношение между тем, чтó мы говорим, и тем, чтó мы имеем в виду. Можно сказать, что слушающие опираются на маркеры связности как на своего рода безусловные подсказки, помогающие им построить адекватную ментальную репрезентацию текста. Соответственно, умение эффективно использовать средства когезии становится важным и для говорящих: ведь им нужно, чтобы слушающие правильно их понимали.

Не менее важна роль когезии и для исследователя — особенно если он анализирует текст на неродном языке, а значит, не может опираться на свою культурную интуицию. При этом ему все равно нужно на чем-то основывать свои предположения о содержательной связности дискурса и каким-то образом строить его ментальную репрезентацию. В такой ситуации крайне полезно привлекать носителей языка и изучать культурные реалии, но немало информации можно извлечь и непосредственно из текста — анализируя содержащиеся в нем маркеры связности, т. е. средства когезии.

Если бы текст обладал только линейной структурой, в которой предложения «цепляются» одно к другому как вагоны поезда, понять, почему отрывок (8) не является хорошим текстом, было бы непросто. Но на самом деле у текста, помимо линейной, есть и иерархическая структура (см. Tomlin et al. 1997: 90). Подробнее этот вопрос мы обсудим в следующей главе.

Ключевые понятия

когезия (структурная связность)
описательные выражения, ссылающиеся на ранее упомянутые объекты
тождество
- повтор
- лексическая замена
- местоимения
- другие проформы
- замещение
- эллипсис

лексические связи
- гипонимия
- часть-целое
- коллокация

морфосинтаксические средства связности
- повтор грамматических значений
- эхоические повторы
- дискурсивно-прагматическая структура

Глава 7. Тематические единства и тематические разрывы

7.1. Тематические единства

В предыдущих главах, рассматривая различные свойства дискурса и дискурсивные явления, мы почти не затрагивали вопросы структуры. Напомним, что мы уже успели обсудить:

- типологию текстов (главы 1–4);
- содержательную связность и лежащую в ее основе ментальную репрезентацию текста (глава 5);
- средства когезии как формальные маркеры связности (глава 6).

При этом о структуре дискурса мы почти ничего не говорили — пожалуй, за исключением раздела 1.3, в котором речь шла о чередовании реплик в диалоге. Теперь настало время вплотную заняться этим вопросом.

Конечно, нет никакой нужды усматривать структуру там, где ее нет. Тем не менее в большинстве текстов действительно обнаруживаются следы некоторой глубинной организации. Даже если исключить из рассмотрения сугубо языковые сигналы, можно заметить, что «в большинстве [устных] нарративов есть места, где говорящий делает более долгую паузу, чем обычно, где более велика вероятность заминки или задержки в речи — и где собеседник чаще склонен издать какой-нибудь подбадривающий звук или прокомментировать услышанное» (Chafe 1987: 42f). В письменных нарративах используются другие маркеры границ — например, деление на абзацы и главы. В пьесах аналогичную роль выполняет смена сцен и действий.

При помощи подобных средств говорящий — осознает он это или нет — группирует предложения в текстовые единицы, которые мы в дальнейшем будет называть **тематическими единствами** (*thematic groupings*). Абзацные отступы и аналогичные сигналы наиболее явным образом показывают, что тексты действительно делятся на какие-то содержательные единицы[28]. Более того, в «крупных» текстах тематические

[28] В письменном тексте не все границы абзацев содержательно мотивированы. Некоторые из них — лишь дань условной традиции, согласно которой, например, необходимо начинать новый абзац при смене говорящего. В результате один и тот

единства нередко бывают вложены одно в другое и организуют иерархический порядок: главы состоят из абзацев, действия — из сцен и т. д.

Почему же так происходит? Почему нельзя считать, что текст просто состоит из предложений, сгруппированных в примерно одинаковые по длительности цепочки? Ответ на этот вопрос связан с базовыми принципами восприятия и обработки информации. Когда мы обрабатываем большие объемы информации, мы делим ее на **блоки** (*chunks*) — примерно так же, как мы поступаем с пищей, которую едим по кусочкам. Так мы справляемся со сложностью: «один блок занимает одну ячейку памяти, и это позволяет нам запоминать примерно одинаковое количество блоков — вне зависимости от того, сколько единиц низшего уровня задействовано при их построении» (Paivio, Begg 1981: 176). В продолжительном дискурсе неизбежно содержится много единиц информации, и говорящему проще поделить весь массив на блоки, с которыми можно работать по отдельности. Иными словами, объединение предложений в тематические единства отражает членение текста на глубинном, содержательном уровне[29].

7.2. Как мы делим на блоки?

Если бы смысл членения текста на блоки состоял только в том, чтобы подать материал «удобоваримыми порциями», границы блоков могли бы находиться в произвольных местах. В действительности, однако, это членение обусловлено не только объемом, но и содержанием текста. «В плане содержания подобные места устного нарратива [такие, где чаще встречаются паузы, заминки и т. д.] обычно характеризуются значительными изменениями в обстановке, времени, наборе персонажей, событий и т. п.» (Chafe 1987: 43).

Это легко объяснимо, если представить себе, что на части разбивается и ментальная репрезентация текста (в том числе, и нарратива). Каждая из таких частей характеризуется определенным местом, временем, набором действующих лиц, событий и, возможно, какими-то другими

же графический прием (красная строка) используется для разных целей. То же самое характерно и для других пунктуационных средств — точек, кавычек и т. д.

[29] Противопоставление содержательной и формальной организации текста, затронутое нами ранее в главе 6 при обсуждении содержательной и структурной связности (когерентности и когезии), разделяется многими авторами. В частности, в литературе можно встретить разграничения между референциальной и грамматической организацией (Pike, Pike 1982), между понятийной и поверхностной структурами (Longacre 1996), между содержательной организацией и отношениями когезии (Grimes 1975).

содержательными категориями. В итоге, хотя ментальная репрезентация связного текста по определению является единой структурой, в пределах отдельных ее частей могут иметься еще более тесные внутренние связи. И если бы мы могли каким-то образом проникнуть внутрь ментальной репрезентации, то между крупными ее частями мы бы заметили определенные разрывы.

Итак, членение текста на блоки необходимо для того, чтобы справляться с большим объемом информации; при этом оно во многом мотивировано наличием разрывов в содержательной связности. В следующем разделе мы внимательнее рассмотрим, как подобные разрывы проявляются в нарративных текстах.

7.3. Параметры тематической непрерывности в нарративе

В своей книге 1984 года Т. Гивон использует термины **тематическая непрерывность** (*thematic continuity*), характеризуя связный текст или часть текста, и **тематический разрыв** (*thematic discontinuity*) — для описания «значительных изменений», отмеченных У. Чейфом. В таблице (28) показано, как это противопоставление реализуется для четырех традиционно выделяемых в нарративе типов тематической связности (временнóй, пространственной, событийной и референциальной).

(28) **Параметры тематической непрерывности в нарративе** (на основе Givón 1984: 245)

Параметр	**Непрерывность**	**Разрыв**
время	описываемые события происходят одновременно или выстраиваются в последовательность с незначительными временны́ми интервалами	между описываемыми событиями имеются значительные временны́е интервалы, либо же они вовсе не выстраиваются во временну́ю последовательность
место	единое место действия или непрерывное перемещение (в случае движения)	отчетливая смена места
тип ситуаций	набор однотипных ситуаций: только события, только состояния, только разговор и т. д.	переход от одного типа ситуаций к другому

Параметр	Непрерывность	Разрыв
действующие лица	единый набор действующих лиц и их ролей по отношению друг к другу	отчетливое изменение набора действующих лиц и/или смена ролей

Говорящий обычно начинает новое тематическое единство в том месте, где происходит разрыв хотя бы одного (а чаще — нескольких) из представленных выше типов[30]. Внутри тематического единства, как правило, наблюдается непрерывность по всем четырем параметрам. Можно также считать, что появление нового тематического единства — это результат того, что говорящий оставляет одну часть ментальной репрезентации и переходит к другой (или даже создает эту новую часть).

7.4. Тематические единства и маркеры связности

В текстах различных дискурсивных типов как на границах, так и внутри тематических единств регулярно обнаруживаются те или иные маркеры связности. В подобных случаях для исследователя это становится формальным подтверждением членения, наличие которого он мог изначально предположить на содержательных основаниях. Ниже мы рассмотрим, какие маркеры чаще других служат сигналами наличия или отсутствия тематической непрерывности каждого из четырех типов, выделенных Гивоном.

Ключевым измерением нарратива является **время** (см. раздел 2.1.). События в повествовании обычно следуют друг за другом, поэтому небольшие изменения во времени с переходом от одного события к другому наблюдаются постоянно, в том числе и внутри одного тематического единства. А вот значительный временной сдвиг чаще всего указывает на начало нового тематического единства. По сути, членение нарративного текста на содержательные блоки в первую очередь обусловлено именно временем, а не каким-либо другим параметром тематической непрерывности. Поэтому словосочетания, выражающие время, особенно если они располагаются в начале предложения, часто маркируют переход к новому тематическому единству — см. пример (29):

[30] Разрыва по одному параметру может быть недостаточно для начала нового тематического единства. Например, при двойном контрасте (см. главу 11) обычно происходит смена темы, но обе части конструкции часто принадлежат к одному тематическому единству, а иногда даже входят в одно предложение. Между тем, когда мы только начинали обсуждать понятие тематического единства, мы говорили о том, что в стандартном случае оно должно состоять более чем из одного предложения.

(29) **Как только хорошо стемнело**, мы перелезли в школьный двор и незаметно подкрались к забитой двери. (*Приложение А, предложение 24*)

Еще один вид временно́го разрыва связан с **ретроспективным сдвигом**, при котором описываются события, предшествующие основной линии изложения. Во многих европейских языках ретроспективный сдвиг выражается при помощи глагольного плюсквамперфекта (например, Past Perfect, т. е. формы вида *had ...-ed*, в английском языке). В русском языке нет грамматического плюсквамперфекта и ретроспективный сдвиг по большей части маркируется лексическими способами (*еще раньше*; *за пять лет до того* и т. д.). В следующем примере временна́я рамка, предшествующая основному изложению, задается при помощи придаточного с союзом *когда* (важно, однако, понимать, что это далеко не единственное значение данного союза в русском языке; ретроспективная трактовка тут поддерживается общим содержанием предложения, а также до некоторой степени «предсказывается» появлением слова *оказывается*):

(30) Оказывается, **когда** мы бежали от сторожа, чувствуя, что вдвоем мы не успеем выбраться, он сообразил свернуть на чердачную лестницу и переждать там опасность. (*Приложение А, предложение 77*)

Почти столь же важна для повествования и смена **места**, которая может происходить как совместно с временны́м сдвигом, так и без него. В примере (31) предложение начинается с локативной группы *возле двери*:

(31) **Возле двери** криво нависал пролет запасной лестницы, ведущей на чердак. (*Приложение А, предложение 32*)

Словосочетания, выражающие время или место, особенно если они расположены в начале предложения, как в примерах (29) и (31), могут указывать на начало нового тематического единства. У этого факта есть следующее объяснение. В разных языках мира при помощи препозитивных синтаксических групп говорящие связывают последующее высказывание с предшествующим контекстом. Такая необходимость возникает только тогда, когда характер этой связи меняется или же нуждается в повторной актуализации. Отсюда следует, что препозитивные выражения часто обозначают начало новых тематических единств. В нарративе эту роль обычно играют препозитивные обстоятельственные группы. В то же время, если обстоятельственная группа расположена не в начале предложения, ее наличие не означает существенного тематического разрыва и, соответственно, не сигнализирует

о начале нового тематического единства (см. Levinsohn 2000: 14). Именно так обстоит дело в примере (32):

(32) Я ни на мгновение не останавливался **перед дверным проемом**, я просто вылился в него и очнулся, шлепнувшись **в лужу**. (*Приложение А, предложение 68*)

Препозитивные обстоятельственные (и не только обстоятельственные) группы будут подробнее рассмотрены в разделе 11.4.1.

Один из примеров **событийного** сдвига, который часто получает формальное выражение во многих языках, — это переход от передачи диалога к описанию событий, не связанных с речью. В примере (33) этот переход маркируется при помощи союза *и* и смыслового повтора в глаголе *сел*:

(33) — Оставь его в покое, — загремел он. — Чик уже, видно, от пуза наелся в Большом Доме! Что ему твоя курица! Чик —городской мальчик. Захочет есть — сам сядет к столу без наших церемоний. Просто так посиди, Чик, а я тебе что-нибудь расскажу такое, что ты и в кино не увидишь.

И Чик **сел** на скамейку, напротив низенького стола, за которым сидел дядя Сандро, а теперь присела и тетя Катя. (*Ф. Искандер. Чик чтит обычаи*)

В подобных случаях могут использоваться и другие начальные союзы: *затем*, *итак*, *так вот*, *короче* и т. д. Также похожим образом может маркироваться и переход от мыслей к действиям.

Другой часто встречающийся вид событийного сдвига — это чередование событий и других типов ситуаций. См., например, (34), где за событием проникновения в школу в отдельном абзаце следует описание увиденной героями обстановки:

(34) Днем мы зашли в школьный буфет вроде бы от нечего делать, а на самом деле приглядываясь, что к чему, что где лежит и как расположено.

Большая миска, переполненная гроздьями перевитых сосисок, стояла на подоконнике. В косых соборных лучах предзакатного солнца над миской струилось розовое сиянье. (*Приложение А, предложения 9–11*)

Безусловно, для развития дискурса также важны изменения в составе **действующих лиц** (*participants*). Способы упоминания действующих лиц в дискурсе будут рассмотрены в главах 16–18. Пока что просто отметим, что когда новое действующее лицо вводится в рассмотрение при помощи полной именной группы, это также может указывать на начало нового тематического единства — как, например, происходит в сказке о трех поросятах:

(35) Первый поросенок…
Второй поросенок…
Третий поросенок…

Наряду с действующими лицами в дискурсе также регулярно упоминаются **ПАССИВНЫЕ УЧАСТНИКИ** (*props*), в том числе — предметы обстановки. Пассивные участники (например, сосиски в примере (32)) никогда не выполняют значимых действий (см. Grimes 1975: 43ff). Действующие лица, напротив, играют в истории активные роли. Поэтому обычно ими становятся либо люди, либо олицетворяющие людей существа или явления (например, животные, наделенные человеческими качествами). Впрочем, нужно помнить, что не все одушевленные референты, упоминаемые в нарративе, являются его активными участниками. Способы упоминания действующих лиц и пассивных участников могут различаться, в том числе и в связи с членением текста на тематические единства; подробнее см. главы 16–18.

Рассмотрев четыре главных параметра тематической непрерывности, мы можем теперь перечислить основные формальные признаки тематических границ.

(36) **Типичные формальные признаки тематических границ**

В начале тематического единства часто обнаруживаются:

- препозитивные группы, в первую очередь — со значением времени, места или темы высказывания;
- специальные частицы и/или вводные слова (*так вот*, *и вот*, *короче*) или отсутствие обычной частицы и/или вводного слова;
- специальные коннекторы (например, *затем*, *итак*) или отсутствие обычного коннектора;
- полные именные группы (а не личные местоимения) при упоминании действующих лиц.

В начале или в конце тематического единства часто обнаруживаются:

- изменение времени/вида глаголов;
- оценочные высказывания (*Это было здорово*) и выражения с семантикой подведения итога (*Вот что они сделали*; *В итоге*; *Вот такие дела*).

В устном тексте между тематическими единствами часто обнаруживаются:

- паузы, маркеры хезитации, смена ритма;
- изменения частоты основного тона.

Как уже отмечалось, на границах тематических единств параметры связности могут повторно актуализироваться даже в тех случаях, когда тематическая непрерывность по этим параметрам не нарушена. Судя по всему, это может происходить по двум причинам. Во-первых, в текстах определенных жанров тематический разрыв может быть принято сопровождать повторной актуализацией одного из параметров — именно так обстоит дело с параметром времени в нарративе (см. выше). Во-вторых, говорящие часто используют начала тематических единств для повторной актуализации разного рода информации. В частности, в нарративных текстах действующие лица часто упоминаются посредством полных именных групп — даже если они уже были ранее представлены и вероятность референциальной неоднозначности невелика. Все это не должно нас удивлять, поскольку границы тематических единств — это те точки дискурса, в которых происходит переориентация сознания говорящего.

Тут следует привести следующую цитату из книги Чейфа:

> «Про каждую точку дискурса нельзя просто сказать, происходит в ней изменение ориентации или нет. Оно происходит постоянно, но в различной степени. Можно назвать две очевидные причины того, что изменение ориентации имеет градуальную природу. Прежде всего, ориентация включает в себя множество компонентов, и в каждой точке перехода может меняться разное количество компонентов: от одного или двух до всех сразу. Смена места, времени, действующих лиц и т. д. часто происходит совместно, но это не обязательно. Кроме того, отдельные компоненты ориентации сами градуальны: возможны более и менее значительные изменения в составе главных действующих лиц или в ситуации, на фоне которой происходит действие». (Chafe 1980: 45).

Точки, в которых происходит значительная переориентация, обнаружить легче всего; менее существенная переориентация выявляется сложнее. При этом довольно часто менее очевидные границы тематических единств проходят внутри единств более высокого уровня[31].

[31] «Дискурс, по своей организации, не является ни плоским, ни линейным — он иерархичен» и имеет «три уровня организации и порождения: уровень клаузы (локальный уровень), уровень абзаца (эпизодический уровень) и уровень всего текста (глобальный уровень)». Более того, три — это не окончательное число, поскольку «вложение единиц более низкого уровня в единицы более высокого уровня — это рекурсивный процесс крайне высокой продуктивности» (Tomlin et al. 1997: 66, 90).

7.5. Практические соображения

Формальные признаки тематических границ по большей части носят косвенный характер: навряд ли существует хотя бы одна языковая единица, значение которой описывается как ‘граница тематического единства’. Скорее, на формальные признаки можно опираться постольку, поскольку их появление неслучайным образом коррелирует с тематическими границами. Однако очевидно, что тут есть опасность: если мы будем выявлять формальные признаки на основании наличия границ, а границы — опираясь на формальные признаки, мы неизбежно впадем в логику порочного круга.

Возможное решение этой проблемы — опираться на большое количество независимых друг от друга факторов различной природы. С одной стороны, это интуитивные предположения о содержательном членении текста; с другой стороны — характерные для многих языков формальные свойства границ. И если эти факторы регулярно свидетельствуют в пользу одних и тех же гипотез о месте границ, значит, гипотезы заслуживают доверия.

Отсюда можно вывести следующую ориентировочную процедуру, полезную на начальном этапе сегментации текста на тематические единства.

(37) **Практические шаги при сегментации текста на тематические единства**

1) Опираясь на свою ментальную репрезентацию текста и языковую интуицию, сделайте первоначальные предположения о местах тематических разрывов.
2) Проверьте, обнаруживаются ли в этих местах формальные языковые признаки границ. Особое внимание обращайте на признаки, характерные для многих языков.
3) Если интуитивная сегментация и формальные признаки противоречат друг другу, уточните ваши первоначальные предположения о местах тематических разрывов и/или набор использованных формальных признаков.
4) Проверьте, работают ли выделенные вами формальные признаки границ в других текстах.

Ключевые понятия

тематические единства
содержательное членение на блоки
тематическая непрерывность и тематические разрывы
четыре параметра тематической непрерывности в нарративе

- время
  - ретроспективный сдвиг
- место
- типы ситуаций
- действующие лица и пассивные участники

препозитивные обстоятельственные группы

Глава 8. Построение диаграммы текста

Многое можно увидеть, если просто смотреть.

Йоги Берра,
знаменитый американский бейсболист

Текст — это сложное явление, обладающее многоаспектной организацией. В том случае если исследователь хочет обратить особое внимание на отдельные ее аспекты, весьма полезным может стать **построение диаграммы текста**. Под диаграммой мы понимаем такое визуальное представление текста, в котором наглядно демонстрируются интересующие исследователя характеристики. Обеспечить наглядность можно различными способами (можно, например, графически выравнивать однотипные элементы текста), но главная задача любой хорошо построенной диаграммы — служить удобным инструментом для анализа и понимания текста.

Отсюда, в частности, следует, что строить диаграммы можно по-разному — в зависимости от того, какие именно характеристики текста интересуют исследователя в конкретный момент. Кроме того, внешний вид диаграммы во многом обусловлен представлениями исследователя о том, как устроен интересующий его аспект организации текста. Когда вы будете самостоятельно работать над диаграммами, не стесняйтесь экспериментировать: чтобы «добраться» до интересующих вас явлений, вам, возможно, понадобится создавать собственные шаблоны визуализации или же модифицировать уже существующие.

В этой главе мы представим один из методов построения диаграммы текста, а также покажем, как при его помощи отображается членение текста на тематические единства. Описываемый метод, основанный на многолетнем опыте полевых исследований, специально разработан для первичного анализа дискурса (см. Longacre, Levinsohn 1978)[32].

---

[32] Разные исследователи дискурса могут предлагать свои методы построения текстовых диаграмм: см., например, использование «диаграмм Турмана» в главе 6 книги Grimes 1975.

8.1. Какой текст взять для начала?

Для тренировки построения диаграмм в качестве материала разумно взять образец нарративного жанра: обычно такие тексты легче поддаются анализу и в целом наиболее понятны. В то же время выбранный текст должен обладать и определенным уровнем сложности, поскольку именно анализ сложной структуры составляет суть вашей работы. Так, в тексте должно быть не менее двух основных действующих лиц[33], и он должен содержать описание некоторой проблемы или конфликта, а также ее разрешения.

По замечанию Дж. Граймса, «непротиворечивому анализу лучше всего поддаются редактированные тексты» (Grimes 1975: 33). В отредактированном тексте, предполагающем нормативное использование языковых средств, исследователь опирается на языковую компетенцию автора, а не на реальное употребление языка со всеми «смущающими» особенностями (случайные ошибки, неудачно подобранные слова и т. д.). Чаще всего редактированию подвергаются письменные тексты, но в принципе это может быть и затранскрибированный устный текст. При редактировании не следует искажать ментальную репрезентацию текста или устранять индивидуальные стилистические особенности. Поэтому редактором должен выступать член данного языкового сообщества, а по возможности — непосредственный автор текста[34].

Лучше всего, если автор текста обладает «репутацией человека, дискурс которого регулярно хотят слушать другие» (Grimes 1975, там же). В этом случае у вас будет еще одно основание считать, что выбранный текст выполнен на высоком уровне.

Прежде чем непосредственно приступить к работе, вам нужно будет «провести фактологическую проверку дискурса», т. е. «понять, кто чтó сделал по отношению к кому, а также, насколько это возможно, как каждое действие связано с другими действиями из ближайшего контекста» (Longacre, Levinsohn 1978: 111). Иными словами, вы должны произвести как внутреннюю, так и внешнюю контекстуализацию текста (см. раздел 5.2); в частности, у вас должна оформиться достаточно полная картина «текстового мира». Для этого надо будет получить перевод текста в свободной форме, а также уточнить те или иные детали у информантов. Так вы не только решите основную задачу, но и обогатите свои знания об изучаемой культуре.

---

[33] Подробнее об основных действующих лицах см. раздел 17.2.1.

[34] Конечно, исходная версия текста, содержащая разного рода ошибки и заминки, имеет самостоятельную исследовательскую ценность. В ней в более явном виде отражены когнитивные процессы, сопутствовавшие созданию текста, но зато не так очевидно качество исполнения текста.

8.2. Базовые элементы диаграммы

В диаграммах, представляемых в этой главе, для каждой синтаксической позиции используется отдельный столбец, а предложения отделяются друг от друга горизонтальными линиями. Соответственно, предполагается, что текст уже разбит на предложения, а внутри предложений определена структура составляющих. Впрочем, этот этап анализа можно производить и непосредственно в процессе построения диаграммы.

Итак, используя *горизонтальную* ориентацию страницы формата А4, в первую очередь разделите ее на следующие четыре столбца[35]:

Столбец 1 Коннекторы и элементы, смещенные влево[36].

Столбец 2 Препозитивные элементы, тесно связанные с основной клаузой

Столбец 3 Ядро клаузы; этот столбец в свою очередь разбит еще на 3–5 колонок, см. ниже.

Столбец 4 Элементы, смещенные вправо, а также адъюнкты, следующие за ядром клаузы.

Столбец 3 должен быть разбит на 3–5 колонок, среди них нужно таким образом выделить колонки для подлежащего и основного глагола, чтобы был соблюден наиболее нейтральный для данного языка порядок составляющих. Например, если в языке обычно используется модель S-V-IO-O[37], глагол непосредственно следует за подлежащим, а после глагола редко располагается более трех составляющих, тогда в столбец 3 стоит включить четыре колонки в следующем порядке:

S — V — (IO) — (O)

Страница целиком будет тогда разлинована следующим образом:

	столбец 1	столбец 2	столбец 3				столбец 4
идентификатор строки	коннекторы и смещенные влево элементы	препозитивные элементы	S	V	(IO)	(O)	постъядерные элементы

[35] Столбцы соответствуют универсальным синтаксическим позициям, выделенным в таких работах, как Dik 1978 и Van Valin 1993. См. дальнейшее обсуждение этих понятий в главе 11.

[36] Подробнее о смещении влево и смещении вправо см. раздел 11.4.

[37] Здесь и далее S означает подлежащее (*subject*), V — основной глагол (*verb*), O — прямое дополнение (*object*), IO — косвенное дополнение (*indirect object*). *(Прим. пер.)*

Когда в клаузе за глаголом следуют три составляющие, последнюю из них можно отмечать в столбце 4. Колонки IO и O также могут при необходимости использоваться и для других типов составляющих (например, для именных частей составного сказуемого или для подлежащих, расположенных справа от основного глагола). В свою очередь, все препозитивные элементы ядра отмечаются при такой схеме в столбце 2.

Если же нейтральным порядком слов в языке является S-IO-O-V, а между подлежащим и основным глаголом обычно располагается не более трех составляющих, тогда в столбце 3 нужно выделить 5 колонок:

	столбец 1	столбец 2	столбец 3					столбец 4
идентификатор строки	коннекторы и смещенные влево элементы	препозитивные элементы	S	(IO)	(O)		V	постъядерные элементы

НЕСКОЛЬКО ВАЖНЫХ ЗАМЕЧАНИЙ:

- Относительная ширина, порядок и количество столбцов и колонок зависят от свойств конкретного языка, а нередко и от жанровой принадлежности текста. Как показывает практика, для выбора оптимального метода требуется несколько подходов. Поэтому когда вы начинаете строить диаграмму для текста нового жанра, будьте готовы к тому, что первые пару страниц вам придется переделывать по несколько раз.
- Вам может захотеться использовать более широкий формат страницы и увеличить число столбцов. НЕ ПОДДАВАЙТЕСЬ этому желанию! Наш глаз не способен охватить текст шириной в бухгалтерскую книгу, а диаграмма должна быть наглядной.
- Финитные зависимые клаузы можно помещать либо в столбец 3 (т. е. считать их ядром клаузы), либо в соответствующий столбец для пред- или постъядерных элементов.

8.3. Принципы работы

Внося текст в подготовленную таблицу, следуйте следующим принципам.

1) Каждая клауза должна начинаться на новой строке.

2) Перед каждым новым предложением нужно провести горизонтальную черту.

3) Если при анализе текста вам помогает консультант, в таблице надо найти место для пословного (а при необходимости — и поморфемного) перевода на язык, понятный консультанту.

4) Нельзя менять порядок составляющих.

- Если какая-то составляющая появилась в тексте на «необычной» для себя позиции, это имеет смысл указать в «обычном» для этой составляющей столбце при помощи специальной метки, но саму составляющую нужно поместить в тот столбец, который соответствует ее реальному положению в тексте.

- Если составляющие не помещаются в имеющиеся столбцы (например, если между подлежащим и глаголом оказалось три составляющих, а столбцов предусмотрено только два), их нужно записывать друг под другом.

5) При помощи тире (—) нужно отмечать подразумеваемые, но не выраженные составляющие (в первую очередь — подлежащие и прямые дополнения).

6) Для передачи чужой речи нужно использовать подчеркивание или цветовое выделение.

7) В крайнем левом столбце необходимо указывать идентификаторы предложений и других текстовых единиц.

Если вы будете строить диаграмму в компьютерном редакторе, вам стоит также соблюдать следующие договоренности:

1) начинайте новую строку для каждой новой **клаузы**, но при этом не нарушайте нумерацию предложений;

2) используйте различное **форматирование**, чтобы различать:

- строки, в которых начинаются новые клаузы, от строк в которых начинаются новые предложения (во втором случае можно, например, делать больший межстрочный интервал);
- языковой материал и глоссы;
- передачу чужой речи и речь основного говорящего;

3) используйте **табуляцию** для выравнивания отмечаемой информации (например, о наличии или отсутствии сочинительных союзов, подлежащих, глаголов и т. д.).

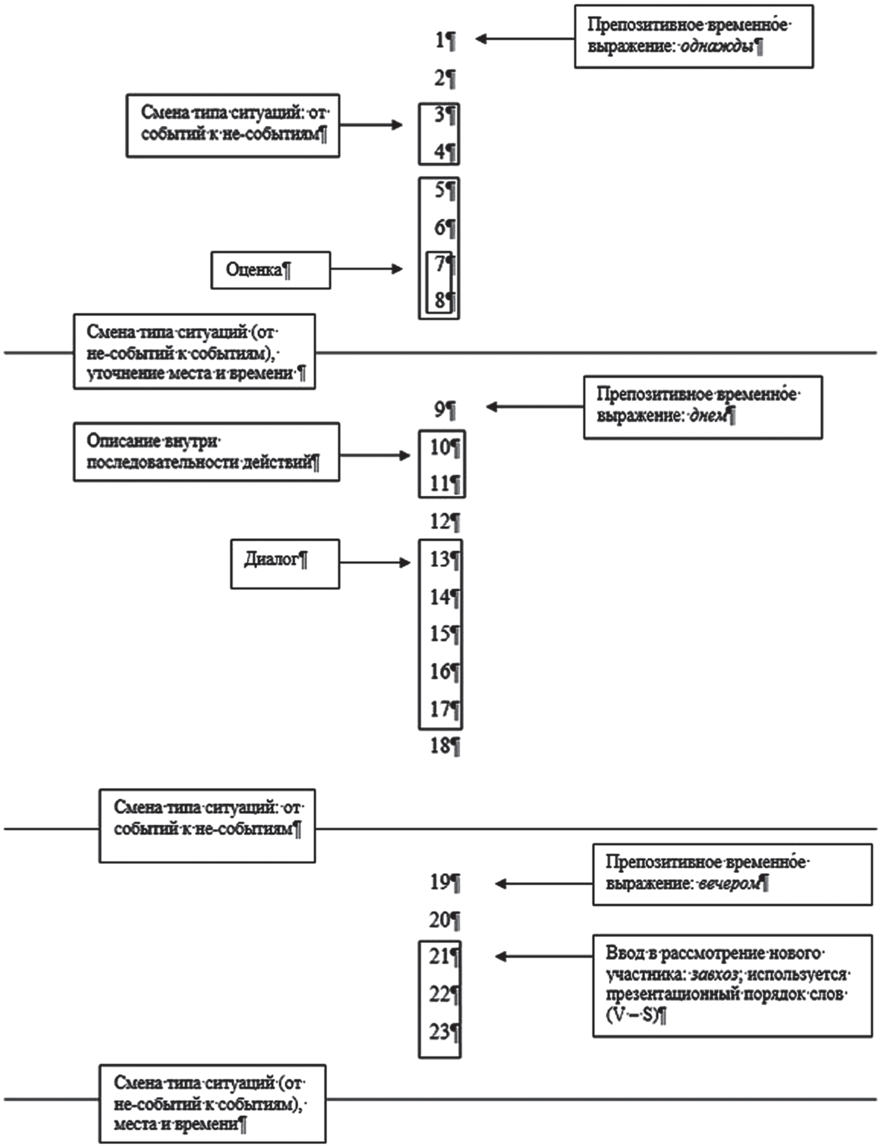
8.4. Обозначение тематических единств

Первое, что мы рекомендуем вам сделать при анализе текста, — это определить границы тематических единств. Это, пожалуй, самый важный этап анализа, поскольку многие другие особенности организации текста просто невозможно исследовать без учета тематических границ. Базовая диаграмма текста, принципы построения которой описаны выше, специально разрабатывалась таким образом, чтобы сделать возможным такой анализ.

Согласно процедуре (37) из раздела 7.5, первый шаг по обнаружению границ тематических единств — это выработка исходных интуитивных предположений. Проще говоря, вам нужно объединить между собой те предложения, которые, на ваш взгляд, «естественным образом» связаны между собой, и, наоборот, поставить границы в тех местах, где ощущаются «естественные» точки разделения дискурса (см. Longacre, Levinsohn 1978: 118).

Ниже, на схеме (38), показано, как может выглядеть примерный результат такого первого шага для отрывка 1–23 из приложения А. Предложения пронумерованы по вертикали. Номера предложений, естественным образом связанных между собой, помещены в рамки; рамки внутри рамок указывают на вложенность одних тематических единств в другие. При помощи горизонтальных линий отмечаются места ощутимых тематических разрывов. Наконец, слева и справа от основной таблицы расположены значимые языковые маркеры и дополнительные замечания.

(38) Примерный первоначальный анализ отрывка 1–23

Ваша следующая задача — применить шаги 2–4 процедуры (37), т. е. проверить, а при необходимости и уточнить эти первоначальные гипотезы. В частности, используйте набор формальных признаков тематических границ, рассмотренный в разделе 7.4 (список (36)).

Ключевые понятия
построение диаграммы текста

Глава 9. Еще раз о ментальных репрезентациях

99 % этой игры наполовину происходит в уме.

Йоги Берра,
знаменитый американский бейсболист

Ранее мы обращались к понятию ментальной репрезентации при обсуждении содержательной связности (глава 5) и тематических единств (глава 7). Но в действительности область применения этого понятия намного шире. В следующих шести главах мы рассмотрим, чем оно может быть полезным для понимания разнообразных явлений, возникающих на разных уровнях дискурсивной структуры. Перечислим эти явления и уровни в условном «возрастающем» порядке:

- уровень слов и словосочетаний: статус активации и референтный статус (глава 10);
- уровень предложения: дискурсивно-прагматическая структура (глава 11);
- уровень предложения и выше: виды информации, противопоставление переднего плана и фона (глава 12);
- уровень предложения и выше: семантические отношения между пропозициями (глава 13);
- уровень предложения и выше: передача чужой речи (глава 14);
- уровень крупных текстовых блоков: стандартные схемы организации текста (глава 15).

Чтобы перейти к обсуждению этих явлений, нам нужно получить более точное представление о ментальных репрезентациях. К сожалению, это не так просто: ведь проникнуть непосредственно в мозг и «увидеть» ментальные репрезентации невозможно. Мы можем лишь строить своего рода ментальные репрезентации ментальных репрезентаций — опираясь на данные психологических экспериментов и на языковой материал. В этой главе мы рассмотрим ряд базовых понятий, связанных с ментальными репрезентациями; на их основе в дальнейшем мы сможем проводить более глубокий анализ дискурса.

9.1. Что представлено в ментальной репрезентации

Как вы, возможно, уже догадались, ментальные репрезентации нужны не только для понимания дискурса. Это ключевой инструмент нашего познания, который «играет центральную роль при представлении [в сознании] объектов, положений дел, последовательностей событий, устройства окружающего мира, а также социальных и психологических действий ежедневной жизни» (Johnson-Laird 1983: 307f). Обобщая, можно сказать, что в ментальной репрезентации содержится представление о том или ином «положении дел»[38]. Дискурс, в свою очередь, нужен для того, чтобы «создавать репрезентации, сопоставимые с теми, которые возникают из непосредственного восприятия окружающего мира» (там же).

9.2. Иерархическая организация

Один из важных видов ментальных репрезентаций — это различные «наборы взаимосвязанных ожиданий» (Chafe 1987: 29), обусловленные нашим культурным опытом. Для описания таких структур мы будем использовать термин **схема**[39]. Пожалуй, главным свойством схем является их **иерархическое устройство**. Приведем цитату из статьи М. Адамс и А. Коллинза (отметим, что ее основные положения по большей части применимы не только к схемам, но и к другим видам ментальных репрезентаций):

> «Схемой называется описание определенного класса понятий, устроенное иерархическим образом: схемы более низкого порядка вкладываются в схемы более высокого порядка. На верхнем уровне иерархии располагается наиболее обобщенное представление, содержащее в себе обязательные характеристики всех элементов класса. Например, если речь идет о классе понятий ‘поход в ресторан’ (см. Schank, Abelson 1977), то на верхнем уровне соответствующей схемы будет представлена информация о том, что ресторан — это коммерческое заведение, в котором посетители платят деньги за то, чтобы им приготовили еду и убрали после них со стола. На следующем уровне иерархии находятся более конкретные схемы: например, посещение столовой, перекус в ресторане быстрого питания, поход в фешенебельный

[38] В ментальной репрезентации должны быть представлены и события, и состояния. «Положение дел» используется тут как родовой термин для этих двух категорий.

[39] В литературе также встречаются и другие термины: *скрипт*, *фрейм*, *сценарий* (см. Tannen 1979; Brown, Yule 1983: 236ff). Они используются как для описания того, что мы называем схемами, так и применительно к другим, близким, явлениям. Нередко это приводит к определенной путанице.

> ресторан и т. д. В целом, при движении вниз по иерархии число вложенных схем увеличивается, а сфера применения каждой из них сужается — вплоть до самого низкого уровня, на котором каждая схема применима лишь к одному набору уникальных перцептивных событий». (Adams, Collins 1979: 3)

В приведенной цитате обсуждается **таксономическая** иерархия ресторанов. Помимо этого элементы ментальной репрезентации могут вступать между собой в отношения вида **«часть — целое»**. Например, в ментальную репрезентацию похода в ресторан входят такие частные элементы, как ‘вход и усаживание за столик’, ‘заказ’, ‘прием пищи’ и ‘оплата и выход’. При этом, о каком бы типе иерархии ни шла речь, в конкретном рассказе о походе в ресторан всегда представлен набор «уникальных перцептивных событий», некоторые из которых могут и не входить в состав какой-либо стандартной схемы. Задача слушающего — подобрать для этих событий готовую схему или, если это необходимо, построить новую репрезентацию, которая будет учитывать все факты данного дискурса.

9.3. Концепты

Элементы, из которых состоят ментальные репрезентации, можно разделить на три категории: объекты, свойства и отношения (Johnson-Laird 1983: 398). **Объекты** (*entities*) обычно выражаются в языке при помощи существительных. Если изображать ментальную репрезентацию в виде математического графа, то объекты будут его **узлами** (de Beaugrande, Dressler 1981: 98ff). **Свойства** — это характеристики, которые приписываются объектам; их можно представить в виде присвоенных узлам меток. **Отношения** связывают объекты между собой, им соответствуют именованные ребра графа, названия которых обозначают роли соединенных ребрами узлов. Примерами отношений, в частности, являются различные события и действия. В качестве родового слова для объектов, свойств и отношений иногда используют термин **концепт**.

Внутри ментальной репрезентации концепты заполняют определенные **слоты** — позиции, которые могут занимать любые элементы из «спектра совместимых значений» (Adams, Collins 1979: 4). Например, в ресторанной схеме, скорее всего, будут слоты для официантов и барной стойки. До тех пор пока эти слоты не будут заполнены конкретными объектами, они будут оставаться незаполненными. Когда при описании конкретного похода в ресторан становится известно, что в нем есть барная стойка, соответствующий слот заполняется; если же оказывается, что стойки в данном ресторане точно нет, весь слот, по всей видимости, удаляется из ментальной репрезентации. Как отмечают Адамс и Коллинз (см. там же), «понимание конкретной ситуации или истории включает в себя

прикрепление ее элементов к подходящим слотам». Наконец, если мы не знаем, есть ли в данном ресторане барная стойка, соответствующий ей слот может быть сохранен в ментальной репрезентации, но остаться незаполненным. Слоты могут отличаться по тому, насколько вероятно их заполнение: например, в схеме посещения ресторана слот еды должен заполняться практически всегда, а такие слоты, как детская игровая площадка или живая музыка, — от случая к случаю.

9.4. Стратегии построения ментальной репрезентации

Когда мы знакомимся с текстом или воспринимаем некоторую ситуацию, мы стремимся построить ментальную репрезентацию. В этом процессе у нас есть выбор между двумя базовыми стратегиями: обработка поступающей информации может производиться либо снизу вверх, либо сверху вниз (см. Adams, Collins 1979: 5). При обработке **снизу вверх** мы начинаем строить ментальную репрезентацию с «уникальных перцептивных событий» и шаг за шагом обобщаем полученную информацию, стремясь придать ей связный смысл. Допустим, мы узнаём, что какие-то люди сидят за столиками и просят других людей принести им еду; далее мы замечаем, что производится оплата, что те, кто ест, не убирают за собой со стола и т. д. И только получив и проанализировав все отдельные факты, мы делаем вывод о том, что́ же именно происходит. Это чрезвычайно трудоемкий и «дорогостоящий» способ обработки информации, поэтому мы стараемся по возможности использовать противоположную стратегию — «сверху вниз». При обработке **сверху вниз**, получив определенный набор фактов, мы стремимся как можно быстрее выдвинуть предположение о происходящем («Так это же, наверное, ресторан!»). Иными словами, мы подбираем уже готовую схему, со всей ее внутренней структурой и незаполненными слотами, — и уже после этого начинаем проверять, насколько хорошо она согласуется с получаемыми на вход фактами. Не исключено, что эту предварительную схему придется несколько корректировать по ходу дальнейшей обработки, но даже в таком случае этот метод оказывается более экономным.

Итак, обрабатывая информацию сверху вниз, мы проверяем реальные факты на соответствие некоторой **ожидаемой структуре**. Откуда берутся такие структуры? Тут есть два основных источника: жизненный опыт (как личный, так и коллективный — последний мы называем культурой) и непосредственно воспринимаемый дискурс (см. Brown, Yule 1983: 235). Пример ожидаемой структуры, вытекающей из личного и культурного опыта, — это уже рассмотренная выше схема похода в ресторан. Но ожидания могут возникать и непосредственно из текста (или, в более общем случае, из воспринимаемой ситуации). Возьмем, к примеру, текст

нарративного жанра. Довольно часто, когда слушающий, использующий стратегию «сверху вниз», имеет в своем распоряжении только некоторую начальную информацию (например, что молодой человек повстречался с девушкой), он **прогнозирует** дальнейшее развитие событий, **исходя из имеющихся данных**. Прогнозы могут быть разными: как достаточно спекулятивными и умозрительными (может, они поженятся?), так и более осторожными и обоснованными (молодой человек заинтересуется девушкой, они снова встретятся и т. д.). В нарративе, судя по всему, существуют специальные стратегии организации дискурса, предназначенные для того, чтобы провоцировать слушающих на подобные прогнозы. Например, это касается стратегии повторов: первый поросенок из известной сказки построил дом и после этого что-то произошло, второй поросенок построил дом — и тоже должно что-то произойти и т. д. То, насколько будут оправданы ожидания слушающего, становится для него дополнительным источником интереса к воспринимаемому тексту.

Довольно часто источником ожидаемых структур являются одновременно и культурный опыт, и содержимое текста. В любом случае, чему бы ни были обязаны такие структуры, они используются слушающими как весьма мощные инструменты в построении ментальной репрезентации текста и поддержании интереса к нему.

Наиболее эффективно «обрабатывать данные одновременно и сверху вниз, и снизу вверх. Двигаясь снизу вверх, мы собираем информацию о подходящей схеме и заполнении ее слотов. При движении сверху вниз нам проще встроить новую информацию» в уже имеющуюся ожидаемую структуру (Adams, Collins 1979: 5).

Ключевые понятия

- схема
- иерархическая организация
  - узлы
- концепты
  - объекты
  - свойства
  - отношения/события
- стратегии построения ментальной репрезентации
  - снизу вверх
  - сверху вниз
    - ожидаемые структуры
    - прогноз, основанный на имеющихся данных

Глава 10. Статус активации, определенность и референтный статус

В главе 9 говорилось о том, что благодаря имеющемуся у нас личному и культурному опыту мы неосознанно строим разного рода схемы, которые в дальнейшем применяем при восприятии подходящих ситуаций. Отсюда следует, что «наш мозг содержит огромные объемы знаний и информации». В то же время разумно предположить, что «в каждый конкретный момент находиться в фокусе, или в некотором “активном” состоянии, может только очень малая часть этой информации» (Chafe 1987: 22).

Вот как идеи У. Чейфа описывает К. Ламбрехт:

> «Согласно Чейфу, каждый “концепт” [в том смысле, в котором мы определили это понятие в разделе 9.3[40]] может находиться в одном из трех **статусов активации**: он называет их **активным**, **доступным** и **неактивным**. **Активен** такой концепт, “который как бы освещен и находится в сознании человека в данный момент”. **Доступный** ... концепт “находится на периферии сознания, человек осознает его в фоновом режиме, но сознание на нем не сфокусировано”. **Неактивный** концепт “в данный момент хранится в долговременной памяти и не активен ни в фокусе, ни на периферии”». (Lambrecht 1994: 93f)[41]

Поскольку активные концепты «освещены в данный момент», про них иногда говорят, что они содержат в себе «данную информацию». Неактивные концепты, в свою очередь, в момент активации содержат «новую информацию». Рассмотрим следующий пример: *Вчера я видел Машу. Она передает привет.* Если в предшествующем разговоре Маша не упоминалась, то до момента произнесения первого предложения в сознании слушающего она представляла собой неактивный концепт (при этом говорящий подразумевает, что представление об упоминаемой им Маше все-таки содержится в долговременной памяти слушающего; иначе понимание было бы невозможным). В момент первого упоминания этот концепт становится активным.

Что же касается доступных концептов, то они бывают трех типов.

---

[40] Сам Ламбрехт называет концепты «ментальными репрезентациями референтов» (Lambrecht 1994: 94).

[41] Подробнее на эту тему см. Chafe 1987 и Lambrecht 1994: 93–100.

- Во-первых, концепт может стать доступным «в результате дезактивации, обычно после того, как на каком-то более раннем этапе он был активным» (Chafe 1987: 29). Например, *сосиски* в строке 43 приложения А являются доступным концептом, поскольку ранее этот же концепт был активным, но после этого был дезактивирован (сосиски до этого многократно упоминались в тексте, но в последний раз это было давно — в строке 15).
- Во-вторых, доступные концепты могут «входить в набор ожиданий, связанных с некоторой [задействованной] схемой» (там же). Например, в строке 6 приложения А впервые упоминается концепт ‘бумажные деньги’. Однако, поскольку ранее в тексте упоминаются *буфет*, *касса* и *мелочь*, а значит, уже задействована определенная схема, элементом которой являются и ‘бумажные деньги’, этот концепт оказывается доступным.
- Наконец, в-третьих, для некоторых концептов «их доступность обусловлена наличием во внетекстовом мире» (Lambrecht 1994: 99). Например, в предложении *Закройте, пожалуйста, дверь* концепт ‘дверь’ является доступным, если этот объект непосредственно видят участники коммуникации.

Статус активации концепта — один из примеров **когнитивного статуса**. В этой главе мы рассмотрим когнитивные статусы нескольких видов. Обсудив трехчастную классификацию статусов активации по Чейфу, мы затем перейдем к категории определенности (включая случаи обобщенной референции) и к референтному статусу.

10.1. Статус активации: три процесса

Для каждого из трех статусов активации (активного, доступного и неактивного) Чейф рассматривает пути его приобретения и стандартные способы языкового выражения. Тут задействованы три процесса: активация (включая повторную активацию), дезактивация и поддержание активного статуса[42].

При **активации** концепт переходит из неактивного или доступного статуса в активный.

- Активация *неактивного* концепта, в результате которой слушающему предъявляется «новая информация», «очевидно,

[42] В следующих параграфах мы немного перераспределили материал Чейфа таким образом, чтобы он лучше иллюстрировал три упомянутых процесса.

более затратна с точки зрения когнитивных усилий, чем какой-либо другой процесс» (Chafe 1987: 31). Для ее реализации говорящему необходимо использовать сильные языковые средства — например, произносить соответствующие слова с акцентированным ударением.

- Для активации *доступного* концепта обычно уже не нужны столь мощные языковые ресурсы. Тем не менее в этом случае требуется в явном виде упомянуть активированный концепт, а также — если в языке есть соответствующие средства — указать, что ранее этот концепт был доступным. Так, например, в английском и ряде других языков для этих целей используется определенный артикль.

Дезактивация концепта «вероятно, не требует никаких затрат»: говорящий просто позволяет ранее активированному концепту вернуться в неактивное состояние.

Поддержание активного статуса концепта — процесс, с точки зрения использования языковых средств промежуточный между активацией и дезактивацией[43]. До тех пор пока это не приводит к неоднозначности, этот процесс обеспечивается при помощи минимальных средств. Соответственно, «данные [уже известные] концепты характеризуются ослабленным произнесением», они часто выражаются местоимениями и могут подвергаться эллипсису (Chafe 1987: 26).

Несложно заметить, что объем языкового материала, необходимый для кодирования концепта, напрямую зависит от того, сколько когнитивных усилий затрачивается при реализации каждого из трех рассмотренных выше процессов. В частности, чем существеннее изменение когнитивного статуса концепта, тем более сильные языковые средства требуются для его кодирования. Мы еще вернемся к этому принципу в разделе 16.2.

В заключение этого раздела стоить упомянуть также введенное Чейфом **ограничение одного нового концепта**. По его наблюдению, в непринужденном устном нарративе «только один концепт может быть переведен из неактивного статуса в активный за время одной начальной паузы» (Chafe 1987: 31f). Это ограничение, однако, не распространяется на случаи активации *доступных* концептов. Кроме того, оно вовсе не работает в большом количестве письменных текстов, поскольку в них «трудно обнаружить что-либо напоминающее идейные [интонационные] единицы» (Chafe 1985b: 107).

[43] Поддержание *не*активного статуса концепта, разумеется, не представляет какого-либо интереса.

Вот какой пример сам Чейф приводит для иллюстрации ограничения одного нового концепта. Это фрагмент устного текста об университетском курсе; данные, доступные и новые концепты разнесены по разным колонкам, нумерация предложений взята из исходной работы.

(39) Пример из Chafe 1987: 32

	Данное	Доступное	Новое
4.		*everybody* 'все' *the instructor* 'этого учителя'	*loved* 'любили'
5.	(*he*) 'он' *guy* 'парнем'		*was a real old world Swiss* 'настоящим старомодным швейцарским'
6.	(*this*) 'это' *course* 'курс'		*was a biology* 'был по биологии'

10.2 Определенность

Во многих языках реализуется противопоставление между определенной и неопределенной референцией. Оно во многом связано с разграничением трех статусов активации, выделяемых Чейфом. Упоминая в речи **определенный референт**, говорящий предполагает, что слушающий сумеет однозначно его идентифицировать, т. е. найти в имеющейся у него на текущий момент ментальной репрезентации. В свою очередь, при упоминании **неопределенного референта** говорящий как бы указывает слушающему, что тот должен создать для этого референта новый слот в своей ментальной репрезентации (Chafe 1976: 55). Во многих языках (например, в английском) для разграничения определенных и неопределенных референтов используются артикли. В русском языке применяются другие языковые средства — и различия в определенности часто выводятся из контекста.

Влияние контекста значимо также и в тех языках, где различие между определенностью и неопределенностью обычно выражается грамматически. Например, в английском предложении *I saw* ***this big buck***

(‘Я увидел **этого/такого оленя**’), о (не)определенности выделенного выражения можно судить только на основании контекста[44].

В ряде языков вместо артиклей для указания на (не)определенность референта используется порядок слов. Например, в языке оджибве алгонкинской семьи, согласно исследованию Tomlin, Rhodes 1979, определенные именные группы обычно следуют за глаголом, а неопределенные — предшествуют ему. (Любопытно, что обычно считается, что в большинстве языков реализуется противоположный принцип[45].)

В некоторых языках различие между определенными и неопределенными референтами отмечается только в особых дискурсивных условиях. Например, в безартиклевом языке мбиа гуарани неопределенность обозначается только при вводе нового важного объекта. В этом случае перед соответствующим существительным ставится числительное со значением ‘один’ (см. также подраздел 17.2.1 далее).

10.3. Обобщенная референция

Когда говорящий использует обобщенную референцию, он имеет в виду целый класс объектов: например, ***Олени** — прекрасные животные***. Обобщенная референция имеет много общего с определенностью, поскольку говорящий ожидает от слушающего, что тот сумеет однозначно идентифицировать упоминаемый класс объектов. Довольно часто эти два типа референции выражаются в языке одинаковым грамматическим образом (см., например, английское ***The deer** is a beautiful animal*) и при помощи схожих синтаксических структур (так, во многих языках, включая русский, в высказываниях, содержащих тему и рему, у темы должна быть либо определенная, либо обобщенная референция). Впрочем, существуют и такие языки, в которых обобщенная референция выражается как частный случай неопределенности.

10.4. Референтный статус

Обращение к ментальной репрезентации важно не только для выявления (не)определенности выражения, но и для определения его референтного

---

[44] В английском языке указательное местоимение *this* может быть использовано для упоминания неопределенного референта в непринужденной речи, в частности, в шутках и анекдотах. *(Прим. пер.)*

[45] Так, в русском языке стандартным является порядок слов, при котором определенные именные группы появляются в начале предложения, а неопределенные — в конце: ср. *Оленя он так и не поймал* и *И тут он увидел оленя. (Прим. пер.)*

статуса. При этом если категория определенности связана с тем, ожидается ли от *слушающего* однозначная идентификация упоминаемого референта, то референтный статус указывает на то, стремится ли вообще *говорящий* упомянуть какой-либо конкретный референт. **Референтным** мы называем такой объект, который заполняет некоторый слот в ментальной репрезентации говорящего; в свою очередь, **нереферентный** объект не заполняет никакого слота. Например, все три варианта в английском предложении *I saw **a/the/this** big buck* являются референтными, поскольку говорящий имеет в виду какого-то конкретного оленя. То же верно и для русских аналогов *Я увидел **какого-то/ø/этого оленя***[46]. Если же говорящий, например, скажет *I went **deer-hunting*** или *Я занимаюсь **оленеводством***, то очевидно, что он не имеет в виду какого-либо конкретного животного.

Как и в случае с определенностью, референтный статус объекта не всегда однозначен. Например, английское предложение *I'm going to look for **a deer*** (и, в несколько меньшей степени, сходный русский пример *Пошли охотиться на **медведя***) допускает как референтную, так и нереферентную трактовку — в зависимости от того, имел ли говорящий в виду конкретное животное. В английском языке нереферентные выражения часто входят в состав сложных глаголов (***deer**-hunting*); в русском языке аналогичный процесс приводит к образованию сложных существительных вида *оленеводство*, *рыболовство* и проч.

Как и в случае с определенностью, существуют языки, в которых различие в референтном статусе выражается только при некоторых специальных обстоятельствах. Как следует из приведенных определений, определенные объекты всегда референтны: поскольку говорящий ожидает от слушающего, что тот сумеет однозначно идентифицировать некоторый объект, он должен и сам иметь в виду именно этот конкретный объект.

---

[46] Здесь и далее в этом разделе будут приводиться как английские, так и русские примеры. По возможности, это будут сопоставимые друг с другом примеры, однако нужно иметь в виду, что между английским и русским языками имеются значительные различия в способах выражения категории определенности. Поэтому для некоторых английских примеров подобрать точные русские эквиваленты просто невозможно. Заметим также, что само понятие референтного статуса в русскоязычной традиции принято относить не к *объектам*, а к *языковым выражениям* (в первую очередь — именным группам). Подробнее о референтных статусах в русском языке можно прочитать в работе Падучева 1985. *(Прим. пер.)*

10.5. Еще о статусе активации

Три статуса активации, предложенные Чейфом (активный, доступный и неактивный), получают то или иное формальное выражение во всех языках. Однако необходимо понимать, что границы между статусами могут быть нечеткими. С когнитивной точки зрения, у объекта может быть много разных степеней активации. Достаточно вспомнить, что после того как объект активируется, он вытесняется из сознания (если только говорящий не поддерживает его активный статус) — и это происходит не сразу, а постепенно. При этом, однако, когда мы упоминаем объекты в речи, мы должны выбирать из дискретного набора языковых средств (например, между полными именными группами и местоимениями). В конечном итоге, статус активации концепта — это в большей степени выбор индивидуального говорящего, чем объективный факт, устанавливаемый исследователем.

Ключевые понятия

статусы активации
- активные концепты («данная информация»)
- доступные концепты
- неактивные концепты («новая информация»)

когнитивный статус

процессы, затрагивающие статус активации
- активация
- дезактивация
- поддержание активного статуса

ограничение одного нового концепта

определенность
- определенный референт
- неопределенный референт

обобщенная референция

референтный статус
- референтный объект
- нереферентный объект

Глава 11. Дискурсивно-прагматическая структура предложения

Он заявил: — Я не вор. — Ударение на первом слове было таким незаметным, что, может быть, он и не собирался сказать дерзость.

Грэм Грин. *Суть дела*. Перевод Е. М. Голышевой и Б. Р. Изакова

Одно и то же семантическое (пропозициональное) содержание может быть выражено в предложении по-разному:

(40) Николай подоил корову.
Корову Николай подоил.
Николай подоил именно корову.
Это Николай подоил корову.
Корову подоил именно Николай.
Тем, кто подоил корову, был Николай.
Что Николай сделал с коровой, так это подоил ее.
Что Николай сделал, так это подоил корову.
Кого Николай подоил, так это корову.

В языке возможны любые из приведенных выше вариантов — и это еще не считая тех особенностей, которые вносит интонация и которые обычно не отмечаются в письменной речи. Зачем же нам нужно так много способов сказать, по сути, одно и то же? Дело в том, что говорящий может по-разному связывать элементы информации, содержащиеся в пропозиции, с тем, что уже известно слушающему, т. е. с его ментальной репрезентацией. Из-за этого различия и возникают разные виды **дискурсивно-прагматической структуры**. В процессе коммуникации говорящий направляет слушающего в том, как следует добавлять новый материал в ментальную репрезентацию. При этом семантическое содержание сказанного определяет то, *чтó* должно быть добавлено, тогда как при помощи дискурсивно-прагматической структуры говорящий указывает, *куда* должен быть добавлен новый материал и *как* его следует связать с уже имеющимися элементами ментальной репрезентации.

В частности, сообщая некоторую информацию, говорящий может либо просто указывать на что-то уже присутствующее в ментальной репрезентации слушающего, либо стремиться внести в эту репрезентацию те или иные изменения. С этого различия мы и начнем.

11.1. Фокус высказывания и его объем

При восприятии высказывания слушающему крайне полезно понимать, в чем состоит наиболее значимое, наиболее заметное изменение, которое он должен внести в свою ментальную репрезентацию. Ту часть высказывания, в которой содержится эта информация, мы будем называть его **фокусом**. Другими словами, фокус высказывания — это та его часть, в которой указывается, чтó, по мнению говорящего, слушающий должен в первую очередь изменить в своей ментальной репрезентации[47].

В фокусе обычно либо (а) добавляется новая информация, либо (б) вносятся изменения в некоторую ранее активированную пропозициональную структуру: один элемент меняется на другой или производится выбор одного из возможных вариантов. Отсюда следует, что фокус, как правило, содержит либо (а) новый, либо (б) контрастивный материал (Dik et al 1981)[48]. (В активированную пропозициональную структуру может добавляться и новый материал, но это не обязательно; понятие контраста обсуждается ниже в этой главе.) Фокус есть у каждого высказывания.

Рассмотрим пример (41):

(41) Твоя <u>дочь</u> только что убила МЕДВЕДЯ.

При помощи ЗАГЛАВНЫХ букв отмечается интонационное ядро высказывания (главное фразовое ударение в предложении), которое приходится на слово *медведя*. Подчеркиванием обозначается второстепенное фразовое ударение на слове *дочь*.

Объем фокуса в конкретном предложении может зависеть от контекста. Описывая эту зависимость, К. Ламбрехт (Lambrecht 1994) выделяет три типа фокуса. Если (41) служит ответом на вопрос *Что случилось?*, в фокусе оказывается все предложение целиком (**сентенциальный фокус**). При ответе на вопрос *Что случилось с моей дочерью?* в фокус попадает

---

[47] Тут мы берем за основу (хотя и не следуем им полностью) определения фокуса, представленные в работах К. Ламбрехта (информация, «посредством которой ассерция отличается от пресуппозиции»; Lambrecht 1994: 213) и С. Дика («наиболее значимая или заметная информация в данном контексте»; Dik at al. 1981: 42).

[48] Кроме того, в фокус может попадать и данная информация — например, когда говорящий неуверен, что был правильно понят.

предикатная группа *только что убила медведя* (**предикатный фокус**). Наконец, при ответе на вопрос *Кого только что убила моя дочь?* в фокусе находится только слово *медведь* (**аргументный фокус**). Подобная неоднозначность относительно объема фокуса в реальном предложении обычно проясняется при помощи контекста (см. Chomsky 1971: 199ff; Sperber, Wilson 1986: 202ff).

Типология фокусов, предложенная Ламбрехтом, хорошо описывает различия между ответами на три приведенных выше вопроса. Однако возможны и дополнительные вариации, связанные с порядком составляющих *внутри предикатного фокуса*. Соответственно, имеет смысл выделять в качестве фокуса составляющие меньшего объема. В связи с этим как альтернативу термину «предикатный фокус» мы будем использовать понятие «**рема**», а для обозначения более мелких фокусных составляющих будем говорить о «**собственно фокусе**», или просто «фокусе»; см. раздел 11.3.

11.2. Фокус, тема и членение предложения

В этом разделе мы рассмотрим предложения с разными типами членения (см. Andrews 1985: 77ff).

В предложениях с **тема-рематическим** членением под темой понимается то, о чем в первую очередь говорится в высказывании (Dik 1978: 130), рема же (в зависимости от контекста — либо вся целиком, либо некоторая ее часть) выступает фокусом. Например, если предложение (41) имеет тема-рематическое членение, то темой в нем является именная группа *твоя дочь*, а ремой — группа *только что убила медведя*, которая также составляет предикатный фокус. В большинстве языков в предложениях с тема-рематическим членением тема обычно предшествует реме (одно из исключений из этого правила — карибский язык хишкарьяна в Бразилии; см. Derbyshire 1985); при этом новые (неактивные) темы, по-видимому, не ставятся в конец предложения ни в одном языке (Gundel 1988: 229). Более подробное обсуждение темы ждет нас в подразделе 11.4.1.

Фокус и тема — это примеры **прагматических ролей** (см. Comrie 1989: 62), которые называются так по аналогии с семантическими ролями — такими как агенс и пациенс. Иногда их также называют прагматическими функциями (см. Dik 1978: 128) или прагматическими отношениями — по аналогии с отношениями грамматическими.

В **интродуктивных** (*presentational*) предложениях «вводятся объекты, семантическая роль которых в стандартном случае выражается при помощи подлежащего» (Andrews 1985: 80; см. также Lambrecht 1994: 39 и Givón 1990: 742ff). Именно на этот объект обычно приходится интонационное

ядро высказывания — как в предложении (42), в котором вводится в рассмотрение (активируется) объект ‘медведь’:

(42) Да тут был МЕДВЕДЬ!

Во многих, а возможно, и во всех языках существует такой тип интродуктивных предложений, в которых вводимая в рассмотрение именная группа следует за бытийным глаголом или глаголом возникновения.

Однако интродуктивные предложения не обязательно обладают какими-либо синтаксическими особенностями — см. (43):

(43) (Осторожно!) ДЫМОХОД падает!

В Cruttenden 1986 такие предложения называются *событийными*: привлекая внимание к подлежащему (*дымоход*), говорящий одновременно привлекает внимание и ко всему описываемому событию. Заметим, что и в (42), и в (43) интонационное ядро приходится на (смысловое) подлежащее, тогда как новой является вся представленная в предложениях информация[49].

В предложениях с членением типа «**ФОКУС — ПРЕСУППОЗИЦИЯ**» (см. Chomsky 1971: 199ff; Andrews 1985: 79f; Givón 1990, глава 16) только один концепт попадает в ассертивную часть высказывания, в то время как вся остальная информация оказывается в пресуппозиции[50]. При этом материал, попадающий в фокус, заполняет некоторый слот в уже активированной пропозициональной структуре. Предложение (41) будет иметь членение типа «фокус — пресуппозиция» при ответе на вопрос *Кого только что убила моя дочь*? В этом случае пресуппозицией будет структура вида ‘Твоя дочь только что убила *X*’, где *X* — это незаполненный слот в ментальной репрезентации.

В предложениях типа «фокус — пресуппозиция», как правило, обнаруживается аргументный фокус, а также особое синтаксическое, морфологическое или интонационное устройство (иногда это называется конструкциями с «маркированным фокусом», см. Crozier 1984)[51]. Если в языке имеется несколько различных конструкций с аргументным фокусом, они

---

[49] В русском языке предложения типа (43) часто используются в контексте обоснования; в них действуют специальные интонационные правила — см. Янко 2008: 118–125. *(Прим. пер.)*

[50] В данном случае понятие «пресуппозиция» используется скорее в прагматическом, чем в формально-логическом смысле. В утвердительных предложениях под прагматической пресуппозицией понимается та информация, которая будет принята слушающим без необходимости ее специально проговаривать (см. Givón 1984: 256).

[51] Такие конструкции иногда также называют конструкциями с «узким фокусом» и противопоставляют конструкциям с «широким фокусом»

используются в разных контекстах (Givón 1990: 704). Во многих языках элемент, соответствующий аргументному фокусу, просто выносится в абсолютное начало предложения и становится его интонационным ядром:

(44) фокус пресуппозиция

МЕДВЕДЯ убила твоя дочь

Конструкции вида (44) возможны не во всех языках, но для достижения такого же прагматического эффекта могут использоваться специальные синтаксические средства:

(45) --- фокус ------ пресуппозиция

Это МЕДВЕДЯ убила твоя дочь

Пример (45) представляет собой **расщепленное** (*cleft*) предложение: оно состоит из двух клауз, первая из которых содержит помещенный в фокус концепт. Согласно Дж. Гундел, «расщепленные конструкции есть во всех языках» (Gundel 1988: 231)[52].

Иногда на аргументный фокус указывает только интонация:

(46) --- фокус --- --- пресуппозиция ---

Твоя ДОЧЬ убила этого медведя.

Расположение фокуса в (46) определяется однозначным образом: хотя порядок слов тут такой же, как в (41), нестандартная позиция интонационного центра подсказывает единственную возможную интерпретацию.

Объем аргументного фокуса может быть и менее одного слова. Например, в (47) в фокусе оказывается один слог, тогда как вся остальная часть предложения является пресуппозицией:

(47) (Я сказал не «<u>под</u>нять»)

Я сказал «**ПРИ**нять».

Отметим, что пример (47) также иллюстрирует понятие контраста (см. ниже).

В предложениях типа «фокус — пресуппозиция» пресуппозиция, как правило, произносится со слабым ударением, поскольку обычно содержит данную (активную) информацию. Более того, она часто подвергается сокращению (или замене на местоименные единицы) или вовсе опускается:

(см. Cruttenden 1986: 81). Однако более удобной представляется принятая в настоящем пособии трехчастная классификация.

52 В частности, по-английски вряд ли можно сказать $^{?}$*A BEAR your daughter killed* (аналог конструкции (44)), зато можно добиться близкого прагматического эффекта при помощи расщепленной конструкции *It was a BEAR that your daughter killed. (Прим. пер.)*

(48) (Кто убил этого медведя?)

a. пресуппозиция -- фокус --

Это сделала твоя ДОЧЬ

b. --- фокус --- пресуппозиция

Твоя ДОЧЬ ø.

Фокус, в свою очередь, не может подвергаться эллипсису, поскольку в таком случае высказывание потеряло бы коммуникативный смысл.

11.3. Основные признаки фокуса

В русском, как и во многих других языках (см. Gundel 1988: 230), интонационное ядро (главное фразовое ударение в предложении) всегда приходится на фокусную составляющую. Интонация не используется для выделения фокуса лишь в очень немногих языках (по большей части, тональных)[53]. На письме фокус иногда выделяется при помощи курсива, подчеркивания или знака ударения (в русском языке). Впрочем, письменная речь в целом трудна для анализа в терминах дискурсивно-прагматической структуры: с одной стороны, в ней частично или полностью отсутствуют средства, используемые в устной речи, с другой стороны, информационная структура письменного текста обычно более сложна (см. Chafe 1985b: 111f).

Во многих языках немаркированной позицией для интонационного ядра является последняя лексическая единица высказывания (см. Cruttenden 1986: 82 для английского языка, Ковтунова 1976 для русского языка). Иногда говорящие специально перемещают элементы предложения в конец, чтобы на них упало главное фразовое ударение и стало понятно, что именно эти элементы входят в собственно фокус высказывания (Bolinger 1952)[54]. Это явление наблюдается и в русском языке — см. различие в порядке слов между (49a) и (49b):

---

[53] Есть данные, что не используют интонацию для выделения фокуса некоторые тональные языки Западной Африки: например, языки агем (см. Watters 1979: 138) и ифе (Маркита Клавер, личное сообщение). Известен и по крайней мере один нетональный язык, в котором фокус также не обозначается посредством интонации, — это бразильский язык хишкарьяна (см. Derbyshire 1985: 146).

[54] В более общей формулировке, чтобы элементы высказывания получали главное фразовое ударение, они могут помещаться настолько близко к (правому) концу предложения, насколько это позволяет синтаксис данного языка (Firbas 1964). Именно такие попадающие в фокус элементы Я. Фирбас называет *ремами*.

(49) a. Я дал книгу ИВАНУ.

b. Я дал Ивану КНИГУ.

В некоторых языках на фокус указывают специальные частицы. Так, например, обстоит дело в ифе (йорубоидный язык Того; пример приведен Маркитой Клавер в личном сообщении):

(50) ------- фокус -------

òngu	ní	dzé	ìfó-mi	é
3sg.EMPH	FOC	быть	старший.брат-1sg.POSS	DEF

'Это ОН мой старший брат'

В (50) частица *ní* указывает на то, что местоимение *òngu* 'он' находится в контрастном фокусе (т. е. упоминаемый человек противопоставляется кому-то еще).

Судя по всему, специальные единицы, сочетающиеся с аргументным фокусом (а потому — сигнализирующие о его положении), имеются во всех языках (см. Jackendoff 1972: 249; Givón 1990: 715). В русском языке примером такой единицы является фокусная частица *даже*:

(51) Даже ИВАН не хотел есть.

В большинстве языков существуют специальные конструкции, в которых аргументный фокус предшествует оставшейся части клаузы, играющей роль пресуппозиции. Примером такой конструкции является расщепленное предложение (45). Когда в конструкции такого рода аргументный фокус оказывается вне своей стандартной позиции в рамках клаузы, его называют **вынесенным вперед**; в этом случае фокусная составляющая маркируется особым расположением[55]. Таким образом, можно утверждать существование специальной **вынесенной позиции**, которая предшествует «**ядру**» клаузы (Van Valin 1993: 5). При этом вынесенные элементы все же входят в состав клаузы: например, они подчиняются общим правилам падежного маркирования. Кроме того, такие элементы могут играть не только роль фокуса, но и другие прагматические роли — к примеру, роль темы (см. ниже). Таким образом, вынесение вперед скорее связано с приоритетностью некоторого элемента, чем с выполнением им определенной прагматической роли.

[55] Вынесение фокусных составляющих вперед все-таки не является общеязыковой универсалией, как это иногда утверждается (см. Gundel 1988: 231; Givón 1990: 727). Исключениями тут являются мамбила и другие языки банту (Perrin 1994).

В некоторых языках допускается вынесение вперед сразу двух элементов: первый из них обычно является выделенной темой, второй — аргументным фокусом:

(52) a. **Майяские языки; в данном случае цутухили** (глагол в начале; см. Aissen 1992: 72 со ссылкой на Dayley 1985):

тема/отправная точка		--- фокус ----		
Ja	gáarsa	cheqe	ch'uu'	neeruutij.
DEF	цапля	только	рыба	есть

'Цапля ест только рыбу'

(буквально: 'Цапля, это только рыба, что она ест')

b. Язык **мбиа гуарани** (S-V-дополнение; Dooley 1982: 326):

---------- тема ---------			------ фокус----------	
yma-gua	kuery	ma	mombyry	ete
давно-NOM	COLL	граница	далеко	действительно
			i-kuai.	
			3-жить.PL	

'Древние люди жили очень далеко'

c. **Греческий койне** (VSO; Levinsohn 2000:37):

тема[56]	фокус	
Su	pistin	echeis
ты	вера	иметь.2sg
тема	фокус	
kago:	erga	echo:
и.я	дела	иметь.1sg

'Ты имеешь веру, я имею дела' (Иак. 2:18)

11.4. Общая структура

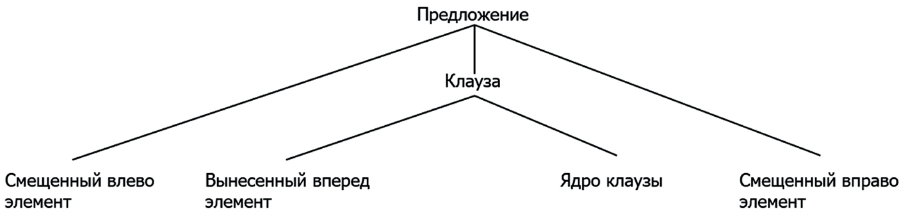
Рассмотренные выше три типа членения (тема-рематическое, интродуктивное и «фокус — пресуппозиция») — это примеры дискурсивно-прагматической конфигурации клаузы. В этом разделе мы обсудим некоторые другие элементы, важные с точки зрения дискурсивно-прагматической структуры, а именно смещенные элементы (Radford 1988: 530–533). Такие

[56] В греческом примере представлены контрастивные темы, см. ниже.

единицы находятся вне клаузы, но внутри предложения. Они отделены от клаузы как фонологически, так и синтаксически; они формируют отдельный интонационный контур; в некоторых случаях они лишены падежного маркирования (Van Valin 1993: 12ff).

В число элементов, **смещенных влево**, могут входить обращения, короткие ответы (*Да*, *Нет*), восклицания и некоторые виды отправных точек (см. подраздел 11.4.1). В число элементов, **смещенных вправо**, также могут входить обращения, а кроме того — вопросительные части расчлененных вопросов (*Не так ли?*) и так называемые «хвосты» (см. подраздел 11.4.2). Ниже представлена схема общей структуры предложения, в несколько измененном виде заимствованная из книги Van Valin 1993 (см. Dik 1978):

(53)

Смещенные элементы являются адъюнктами (обстоятельствами), а потому в каждой позиции их может быть более одного (Radford 1988: 532f).

11.4.1. Отправные точки

Под **отправной точкой** (термин введен в работе Beneš 1962, затем процитированной в Garvin 1963: 508) понимается начальный элемент предложения, часто вынесенный вперед или смещенный влево, который структурно связывает последующую клаузу или группу клауз с чем-то уже имеющимся в контексте (то есть с каким-то доступным фрагментом ментальной репрезентации слушающего)[57]. В отправной точке «задается пространственная, временная или референциальная рамка, внутри которой имеет смысл основная предикация» (Chafe 1976: 50)[58]. Отправная точка обращена назад, поскольку устанавливает место привязки дальнейшего материала внутри уже существующей ментальной репрезентации; но одновременно она обращена и вперед, так как именно дальнейшая часть предложения будет включена в ментальную репрезентацию посредством этой привязки.

[57] Отправной точкой может служить и тема предложения (см. Levinsohn 2000: 10–11), вне зависимости от того смещена она влево или лишь вынесена вперед (см. ниже).

[58] Сам Чейф использует тут термин «начальная точка» (*starting point*; см. Chafe 1987: 36).

В разделе 7.4 упоминалось, что в нарративе отправные точки, обозначающие время или пространство, часто указывают на начало нового тематического единства. Рассмотрим вновь примеры (29) и (31) из этого раздела:

(29) **Как только хорошо стемнело**, мы перелезли в школьный двор и незаметно подкрались к забитой двери. (*Приложение А, предложение 24*)

(31) **Возле двери** криво нависал пролет запасной лестницы, ведущей на чердак. (*Приложение А, предложение 32*)

Отправные точки, как и другие смещенные влево элементы, обычно имеют отдельный интонационный контур и произносятся со второстепенным фразовым ударением. В примере (29) за отправной точкой следует клауза с тема-рематическим членением, в примере (31) — интродуктивная клауза.

Пример (54) взят из севернокитайского языка (см. Li, Thompson 1976: 462). В нем начальная именная группа выступает в качестве референциальной отправной точки; следующая за ней клауза имеет тема-рематическое членение:

(54)	Реф. отправная точка		-- тема --	рема
	Neì-xie	sh**ù**mu	shù-shen	dà
	те	**деревья**	дерево-ствол	большой
	‘Те деревья, [у них] стволы большие’			

Дж. Айссен называет **внешними темами** именные группы, смещенные влево, и **внутренними темами** — темы, входящие в состав клаузы (Aissen 1992: 47). В ее терминах группа ‘те деревья’ в примере (54) является внешней темой, а ‘дерево-ствол’ — или внутренней темой, или подлежащим. В нашем пособии мы рассматриваем внешние темы как один из видов отправных точек.

И отправная точка, и тема содержат отсылки к некоторой доступной для слушающего информации — именно благодаря этому происходит привязка (ядра) клаузы к нужному участку ментальной репрезентации (см. Chafe 1987: 37; Lambrecht 1994: 162ff). В частности, в **теме** (будь то внешней или внутренней) содержится указание на конкретный узел ментальной репрезентации, с которым должна быть связана оставшаяся часть высказывания (см. Linde 1979: 345; Reinhart 1982: 24). Отсюда следует, что участок ментальной репрезентации, на который указывает отправная точка, должен легко обнаруживаться, т. е. быть доступным. Отметим, что доступностью характеризуются все отправные точки в приведенных выше примерах: *как только хорошо стемнело* в (29), *возле*

двери в (31) и *те деревья* в (54). Поскольку темы (а также отправные точки других типов) доступны, они обычно обладают определенностью или обобщенной референцией, но не неопределенностью (см. Gundel 1988: 231; Givón 1990:740). В результате, благодаря наличию этих (а также некоторых других) общих черт о внутренних темах и отправных точках иногда бывает удобно говорить как о единой категории[59].

В этой главе обсуждается **тема предложения**, а не то, что иногда называют **темой дискурса** (см. Reinhart 1982: 2). С содержательной точки зрения под темой дискурса понимается то, о чем идет речь в целом дискурсе или его существенной части; тогда как тема предложения — это некоторый объект, на который говорящий указывает как на что-то, о чем идет речь в конкретном предложении (см. Tomlin et al. 1997: 85), если, конечно, в предложении вообще есть такой объект. Свои темы могут быть у дискурсивных единиц разного уровня: у тематических единств, эпизодов, целых текстов (см. там же, 90); темы же предложения, естественно, всегда относятся к одному конкретному предложению.

С формальной точки зрения оба вида тем выражаются посредством референциальных выражений или иных структурных референциальных средств (в частности, нулевых единиц)[60]. Однако имеется и существенное различие. Тема дискурса, будучи однажды введенной в рассмотрение (активированной), может удерживаться в этом статусе при помощи минимальных формальных средств (см. главы 10 и 16–18) и без специальных требований к синтаксической структуре. Что же касается темы предложения, то она должна получать специальное выражение, указывающее на ее структурное отличие от соотносящейся с ней ремы. Структурное отличие подобного рода может описываться в разных терминах. Если говорить о линейном расположении составляющих, то предложение может состоять из двух частей — темы и ремы, между которыми часто обнаруживается интонационная граница, а также могут вставляться элементы, не имеющие закрепленной синтаксической позиции: например, частицы или парентезы. Несколько более тонкое различие наблюдается при анализе предложения в духе генеративного синтаксиса, когда

[59] «У тем также есть много общих свойств со “сценообразующими” выражениями, (…) в которых указывается пространственный и временной фон предложения» (Reinhart 1982: 169).

[60] В некоторых работах под «темой дискурса» или «глобальной темой» понимается не отдельный референт, а пропозиция — такая, в которой в том или ином смысле резюмируется содержание соответствующего дискурсивного фрагмента (см. van Dijk 1977: 131ff; Brown, Yule 1983: 68ff; Tomlin et al. 1997: 83ff). В настоящем пособии, однако, используется референциальное, а не пропозициональное понимание «темы дискурса».

подлежащее формирует непосредственную составляющую на уровне клаузы. В этом случае грамматическое подлежащее, отделенное от остальной части предложения на уровне «глубинной структуры», может считаться темой предложения, если соответствует когнитивному критерию, т. е. отсылает к доступному референту.

Один и тот же элемент может оказаться одновременно и темой дискурса, и темой предложения. Например, если тема предложения выделена специальными языковыми средствами, это может означать, что в ней же вводится новая тема дискурса. Если же, напротив, грамматическое подлежащее выражено безударным местоимением, аффиксом или референциальным нулем, то почти наверняка оно отсылает к ранее уже активированной теме дискурса. В свою очередь, если безударным местоимением, аффиксом или референциальным нулем выражен какой-то член предложения, отличный от подлежащего, то в нем, скорее всего, будет отсылка к теме дискурса, но не к теме предложения. Наконец, «новая» тема предложения, которая активируется только для этого предложения, не сможет считаться темой дискурса в сколько-либо полном смысле этого термина.

11.4.2. Хвосты

Хвостами называют смещенные вправо элементы, роль которых состоит в «уточнении или модификации целой предикации или некоторой ее составляющей» (Dik 1978: 153). Рассмотрим пример (55), взятый из книги С. Дика и снабженный русским переводом:

(55) a. ----- клауза ------ ---- хвост -----
He's a nice chap, your brother.
Он отличный парень, **твой брат**.

b. ------------------- клауза ---------------------- -----хвост-------
John gave that book to a girl, in the library.
Джон отдал эту книгу какой-то девушке, **в библиотеке**

c. ------------ клауза ----------- ----- хвост ----------
John won't even be invited, eh … Bill I mean.
Джона даже не пригласят, ээ … **то есть Билла.**

В (55c) говорящий использует хвост для самоисправления, в (55b) — чтобы уточнить свое высказывание постфактум (*afterthought*). Что же касается конструкций вида (55a), то во многих языках они являются стандартными и запланированными (см. Givón 1990: 760–762), что может быть результатом грамматикализации выражений с конечными

самоисправлениями. Так, в языке хишкарьяна, видимо, именно из хвостовых именных групп исторически возникли конечные подлежащие, играющие роль встроенных в клаузу тем (см. Derbyshire 1985: 103f):

(56) ---------- рема --------- --- тема ---
kuraha yonyhoryeno bïryekomo
поклон он.сделал.это **мальчик**
'Мальчик сделал поклон'

Хотя у хвостов (как и у других смещенных вправо элементов) есть отдельный интонационный контур, они обычно произносятся с ослабленным ударением.

11.5. Контраст

Как уже отмечалось выше, в фокусе обычно либо (а) добавляется новая информация, либо (б) вносятся изменения в некоторую ранее активированную пропозициональную структуру — посредством замены одного элемента на другой или выбора между возможными вариантами. Первая из этих функций фокуса проиллюстрирована, в частности, в примерах (42), (45) и (46). Вторая функция реализуется в случае **контраста**.

Суть контрастивного высказывания (далее — *C*) состоит в том, что оно отличается в одном или нескольких пунктах от некоторой ранее активированной пропозициональной структуры (далее — *P*). Если такое отличие одно, речь идет об **одиночном контрасте**; если их два или более — о **двойном** (или **множественном**) **контрасте** (терминология основана на Chafe 1976; в Dik et al. 1981 для второго типа конструкций используется понятие «параллельного контраста»). При любом типе контраста пункт/один из пунктов отличия от *P* становится фокусом *C*.

В случае **одиночного контраста** единственное отличие от *P* попадает в фокус *C* (см. Givón 1990: 699), причем фокус является узким. Соответственно, в *C* может либо меняться текущее заполнение некоторого слота в *P* (например, исправляется неточная информация), либо производиться выбор между возможными вариантами заполнения незаполненного слота. Так, в повторяемом ниже примере (47) в *C* меняется заполнение слота в *P*:

(47) Я сказал не «<u>под</u>нять», я сказал «**ПРИ**нять».

P для (47) можно представить в виде «Я сказал *X*-нять», где *X* — переменная объемом всего лишь в один слог. Текущее заполнение соответствующего слота — префикс *под*-, в *C* оно меняется на *при*-. Первая клауза в (47) произносится с особой интонацией, что указывает на наличие в ней предварительного, или вре́менного фокуса (см. Levinsohn 2000: 55–56).

В (57b) при помощи *C* производится выбор между возможными способами заполнения пустого слота:

(57) a. Это мой сын убил медведя или моя дочь?
(*P*: ‘*X* убил медведя’, где *X* = ‘мой сын’ или ‘моя дочь’)

b. (*C*) Твоя **ДОЧЬ**.

Отметим, что с формальной точки зрения узкий фокус в (57) такой же, как в примере (48) выше. Однако содержащийся в (48) ответ на вопрос «Кто убил медведя?» не может считаться контрастивным высказыванием: хотя соответствующая ему глубинная пропозиция и содержит пустой слот, для этого слота не приводится списка возможных вариантов заполнения. В (57) же, в свою очередь, производится выбор между элементами подобного списка[61].

В случае **двойного контраста** *P* содержит два заполненных слота, а в *C* приводятся другие варианты заполнения этих слотов. При этом одно из отличий *C* от *P* выбирается в качестве фокуса *C*, а другое обычно становится темой или другим видом отправной точки и произносится со второстепенным фразовым ударением или даже в рамках отдельного интонационного контура. В примере (58) представлена последовательность предложений на языке цоциль майяйской семьи (см. Aissen 1992: 49):

(58) a. ‘Жили-были мужчина и женщина, молодожены’.

b. ‘Муж уходит из дома, ходит, путешествует’.

c.

------ тема/отпр. точка	-------		---------- рема	------------
a	ti	antz-e	jun=yo’ont	a=xkom
TOP	DET	женщина-ENCL	счастливо	остается

‘Жена с радостью остается дома’.

В данном случае заполненные в *P* слоты — это субъект действия ‘муж’ и предикация ‘уходит из дома, ходит, путешествует’. *P* получает языковое выражение в предложении (58b), которое имеет такую же тема-рематическую артикуляцию, как и *C* в (58c). Общая для *P* и *C* пропозициональная структура — «*X* делает *Y*». Различие по *X* становится в *C* темой, различие по *Y* — фокусом (в данном случае, ремой). Для обоих слотов в *C* производится замена элементов, заполнявших слот в *P*.

---

[61] В иллюстративных целях приведены специально подобранные примеры. В реальной коммуникации границы между статусами активации могут быть нечеткими. Соответственно, нечеткой может быть и граница между одиночным контрастом и членением типа «фокус — пресуппозиция» с новой информацией в фокусе (см. Givón 1990: 703).

При двойном контрасте *P* необязательно имеет такую же дискурсивно-прагматическую организацию, что и *C* (см. Cruttenden 1986: 91). Более того, *P* может вообще не получать языкового выражения. Следующий пример взят из книги Chafe 1987:

(59) I can recall ... uh— ... a big undergraduate class that I had.

'Я вот припоминаю … ээ … как на один предмет в университете собралось много студентов.'

В (59) «говорящий противопоставляет свое понимание пониманию, которое было только что высказано предыдущим говорящим» (Chafe 1987: 27f). Пропозицию *P* тут можно сформулировать примерно следующим образом: «Ты, предыдущий говорящий, только что вспомнил что-то о своей жизни в колледже» (точные слова *P* не важны, поскольку, вполне вероятно, *P* и не получала языкового выражения). Пункты отличия *C* от *P* — 'ты' vs. 'я' и 'то, что вспомнил ты' vs 'то, что вспоминаю я'.

11.6. Формальные показатели общей структуры

Дискурсивно-прагматическая структура предложения выявляется частично на основании дискурсивно-прагматических данных, частично — на основании формальных языковых показателей. В этом разделе будут рассмотрены языковые показатели.

Фокус и пресуппозиция обладают интонационными характеристиками, которые во многом выводятся из статусов активации этих элементов предложения. Фокус находится в интонационном ядре высказывания, тогда как пресуппозиция произносится либо безударно, либо с незначительным ударением. Смещенные элементы, имеющие отдельный интонационный контур (и часто произносимые со второстепенным фразовым ударением), занимают промежуточное положение на шкале фонологической выделенности. С точки зрения дискурсивной значимости эти элементы, будучи обращенными как назад, так и вперед (см. выше, раздел 11.4.1), также располагаются между фокусом и пресуппозицией. Что же касается внутренних тем, то они — при наличии нужного статуса активации — иногда имеют собственный интонационный контур и второстепенное ударение.

Одна из функций интонационного контура состоит в указании на границы между составляющими. В этом случае довольно часто завершение интонационного контура сопровождается паузой. Паузы могут быть как абсолютными, так и заполненными тем или иным морфемным материалом (см. Cruttenden 1986:36 ff). Особый вид заполнителей

пауз — это **РАЗДЕЛИТЕЛИ** (*spacers*; см. Dooley 1990: 477ff). Обычно это короткие выражения, произносимые либо безударно, либо со слабым ударением; их лексическая сфера действия равняется целому предложению, они часто указывают на время, вид или наклонение. У разделителей может быть фиксированная позиция в предложении (например, после глагола), но они также могут располагаться между составляющими, которые выполняют разные дискурсивно-прагматические роли. В этом случае их присутствие помогает установить границы между такими составляющими. Так, довольно часто разделители непосредственно следуют за фокусом или темой/отправной точкой. В (60) показано, как в языке мбиа гуарани функцию разделителя выполняет модальная частица *je* 'по слухам', а также некоторые другие единицы (как и в (41), ЗАГЛАВНЫМИ буквами обозначается интонационное ядро, подчеркиванием — второстепенное фразовое ударение):

(60) a. [Предмет обсуждения — слова ястреба, который сказал мужчинам не запирать куриц. Они решили последовать этому указанию:]

-- тема --		------------- рема -------------	
uru	**je**	nha-mboty	eME
курицы	**по слухам**	1+2-запирать	PROH

'Что касается куриц, то давайте, как он сказал, не запирать их!'

b. (О длительном путешествии группы мбиа)

---------- фокус --------				--------- пресуппозиция ---------	
ka'aguy	aNHO	**tema**	**je**	o-axa	o-je'oivy
лес	только	**CONT**	**по слухам**	3-проходить	3-идти.PL

'Говорят, они шли только через лес'.

c. (Наш отец и его соперник были в пути. Соперник шел сзади, а…)

--- тема ---			------- рема -------	
nhande-ru	**ma**	**je**	o-o	tenoNDE
1+2-отец	**граница**	**по слухам**	3-идти	впереди

'Наш отец, говорят, шел впереди'.

В предложении (60a) частица *je* располагается между темой (вынесенное вперед прямое дополнение *uru* 'курицы') и ремой. В (60b)

сочетание *je* и аспектуальной частицы *tema* со значением длительности расположено между фокусом и пресуппозицией. В (60c) представлен стандартный для данного языка порядок слов SVO, но при помощи разделителей *ma* и *je* и второстепенного фразового ударения тема 'наш отец' выделена как отправная точка в конструкции с двойным контрастом. Важно отметить, что в значениях единиц *je* и *tema* нет информации о дискурсивно-прагматической структуре, на структурные границы указывает только их линейная позиция внутри предложения.

11.7. Маркированные и немаркированные структуры

Некоторые дискурсивно-прагматические конфигурации совместимы с широким кругом различных интерпретаций и потому становятся своего рода универсальными конструкциями, используемыми говорящими по умолчанию. Другие конфигурации, напротив, используются только для достижения особых дискурсивно-прагматических целей. Конфигурации первого типа называются **немаркированными**, конфигурации второго типа — **маркированными**[62]. В немаркированных конфигурациях реализуется «автоматический» режим передачи информации: каждый новый элемент добавляется в ментальную репрезентацию обычным, предсказуемым способом. В маркированных конфигурациях реализуется скорее «ручной» подход, который используется, когда передача информации приобретает нестандартный характер. Это происходит, например, если входящую информацию нужно добавить в какое-то новое место внутри ментальной репрезентации; или если говорящий полагает, что в ментальную репрезентацию слушающего вкралась ошибка, которую необходимо исправить; и т. д. (см.Givón 1982).

Часто утверждается, что универсальной немаркированной конфигурацией является тема-рематическое членение (см. Lambrecht 1994: 126). Однако в ряде недавних исследований было показано, что существуют языки, для которых это не так: например, оджибве (Tomlin, Rhodes 1979), юте (Givón 1983: 141–214), сенека (Chafe 1985a)

[62] Как правило, маркированные конфигурации используются только в главных клаузах (хотя см. Green 1976, где отмечено, что это ограничение может зависеть от языка, типа конструкции и дискурсивно-прагматических условий). Соответственно, если в языке происходит то или иное морфосинтаксическое изменение, мотивированное дискурсивно-прагматическими факторами, сначала оно проявляется только в главных клаузах и лишь потом (да и то не всегда) — в подчиненных клаузах.

и другие (см. Payne 1992: 6). Судя по всему, в некоторых языках самой распространенной конфигурацией является членение типа «фокус — пресуппозиция».

По мнению М. Митун, это межъязыковое различие имеет более глубокие корни. Языки, подобные английскому, она называет **синтаксически ориентированными**: линейный порядок составляющих в них обычно регулируется грамматическими правилами, тогда как лежащие вне грамматики динамические факторы порождения оказывают на него влияние лишь изредка. (Такие языки также называют языками с жестким, или строгим, порядком слов.) По данным Митун, в таких языках немаркированным членением действительно является тема-рематическое, с подлежащим в роли темы (Mithun 1987: 325). Соответственно, для синтаксически ориентированных языков с начальным подлежащим немаркированная тема-рематическая конфигурация реализуется в формате «подлежащее — сказуемое». Прочие конфигурации оказываются в таких языках маркированными и используются только для достижения особого эффекта. В их числе — интродуктивные конструкции и членение типа «фокус — пресуппозиция». В эту же категорию попадает и то, что Митун называет **тема-рематической структурой с маркированной темой**. В конструкциях такого типа при помощи тех или иных языковых средств теме приписывается роль отправной точки. В частности, этого можно достичь посредством выноса темы вперед, как в предложении (61):

(61)	тема/отпр. точка	------- рема --------
	The <u>bear</u>,	your DAUGHTER killed.
	‘Медведя убила твоя дочь’	

В этом примере роль темы (и отправной точки) играет вынесенное вперед прямое дополнение *the bear*, обособленный характер которого выражается при помощи интонации, а в английской письменной речи — также и посредством запятой[63].

В языках, в которых тема/отправная точка и так занимает начальную позицию в предложении, маркирование темы может осуществляться посредством ее произнесения в отдельном интонационном

[63] В русском языке, как известно, порядок слов более гибкий, чем в английском, поэтому, возможно, русское предложение *Медведя убила твоя дочь* (с аналогичной тема-рематической структурой) не должно считаться маркированным. В целом, в терминологии Митун, русский ближе к прагматически-ориентированным языкам (см. ниже), хотя и не является типичным образцом такого языка. *(Прим. пер.)*

контуре, второстепенного фразового ударения и разделителей (60c). Конструкции с маркированной темой используются прежде всего в ситуации двойного контраста (см. выше), а также при смене подтемы в пределах ранее определенного референциального поля; в обоих случаях происходит переключение между узлами синтаксической структуры (см. Aissen 1992: 76f). Стандартный порядок слов в конструкциях с маркированной темой — «тема — рема», и это естественным образом согласуется с тем, что тема в них также играет роль отправной точки.

В **прагматически-ориентированных** языках (языках со свободным, или гибким, порядком слов) линейный порядок составляющих в меньшей степени определяется синтаксическими правилами, но значительно больше зависит от дискурсивно-прагматических факторов. Не совсем понятно, можно ли вообще выделить в подобных языках некоторую немаркированную, нейтральную дискурсивно-прагматическую конфигурацию. Наиболее подходящий кандидат — это обычно такая конфигурация, в которой составляющие расположены в «убывающем по значимости порядке» (Mithun 1987, там же), например, когда фокус предшествует пресуппозиции.

Во всех прагматически ориентированных языках, которые исследовала Митун, глагол согласуется со всеми актантами и часто составляет целую клаузу. В свою очередь, в тех языках, в которых глагол согласуется только с некоторыми актантами или не может формировать целую клаузу, порядок слов не бывает настолько же гибким (см. Mithun 1987: 324f).

11.8. Конфигурации и их дискурсивные функции

То, что языки действительно различаются между собой по тем параметрам, которые отметила в своей работе Митун, становится все более очевидным. Однако столь же очевидно и то, что во многих языках имеются хорошо предсказуемые взаимосвязи между дискурсивно-прагматическими конфигурациями и дискурсивными функциями. Некоторые из наиболее универсальных соотношений такого рода представлены в таблице (62) (см. Andrews 1985; Gundel 1988; Givón 1990):

(62)

Конфигурации	**Стандартные дискурсивные функции**
отправная точка	• начало тематического единства • двойной контраст
немаркированная тема + рема	• поддержание установленной темы
маркированная тема/ отправная точка + рема	• смена подтем • двойной контраст
интродуктивная конструкция	• ввод в рассмотрение приоритетных единиц
фокус + пресуппозиция	• одиночный контраст • добавление новой единицы информации в имеющуюся структуру
хвост	• пояснение, уточнение постфактум

Ключевые понятия

дискурсивно-прагматическая структура предложения

фокус

- объем фокуса
- при тема-рематическом членении: предикатный фокус, или рема
  - внутри ремы: собственно фокус
- в интродуктивных конструкциях: аргументный фокус, сентенциальный фокус
- при членении типа «фокус — пресуппозиция»: аргументный фокус
  - маркированный фокус
  - расщепленное предложение

тема

- тема дискурса
- тема предложения

прагматические роли

набор синтаксических позиций в предложении

- элементы, смещенные влево — элементы, вынесенные вперед — ядро клаузы — элементы, смещенные вправо

отправная точка

- внешняя тема
- начальные обстоятельственные группы

хвосты

контраст

- одиночный контраст
- двойной контраст

маркированные и немаркированные структуры

- маркированная тема/отправная точка + рема

тип информации в фокусе: новая vs. контрастивная

разделители

синтаксически ориентированные vs. прагматически ориентированные языки

- языки с жестким/строгим порядком слов
- языки со свободным/гибким порядком слов

дискурсивные функции, стандартные для дискурсивно-прагматических конфигураций

Глава 12. Информация переднего плана и фоновая информация

12.1. Передний план vs. фон

Представьте, что вы льете воду на неровную поверхность. На каких-то участках этой поверхности вода будет на некоторое время собираться и почти не разливаться в стороны, но затем она внезапно прорвется и свободно потечет дальше. Нечто похожее происходит и в ментальной репрезентации. В одних отрывках текста содержатся комментарии относительно уже произошедшего, информация, при помощи которой слушающего подготавливают к тому, что произойдет, или же вспомогательные сведения по ранее упомянутому вопросу. В таких местах происходит заполнение или консолидация некоторого участка ментальной репрезентации, но не добавление в нее новых значимых участков. В других же отрывках текста содержится информация, при помощи которой ментальная репрезентация будет развиваться в новых направлениях.

Под **передним планом** и **фоном** понимаются такие части текста, которые, соответственно, приводят или не приводят к расширению основного каркаса ментальной репрезентации. Если бы существовал только передний план, в ментальной репрезентации текста его содержание было бы представлено в целом адекватно, но излишне схематично. Наличие фоновой информации, в свою очередь, облегчает процессы внутренней и внешней контекстуализации (см. раздел 5.2).

У фона и переднего плана имеются языковые корреляты. Это признаки **переходности** — в том смысле (более широком, чем способность глагола иметь прямое дополнение), в котором этот термин понимается в известной статье П. Хоппера и С. Томпсон. При таком понимании переходность становится скалярной категорией, а на степень переходности влияют различные морфосинтаксические факторы (см. Hopper, Thompson 1980: 252), представленные в следующей таблице. Высокая степень переходности соотносится с передним планом нарратива, низкая степень переходности — с фоном.

(63) Шкала переходности клаузы (*А* = агенс, *О* = объект)[64]

Параметр	**Высокая степень переходности**	**Низкая степень переходности**
УЧАСТНИКИ	не менее двух участников, в том числе — *А* и *О* *Я увидел человека*	один участник *Я упал*
ДИНАМИКА	действие *Я обнял Олю*	не-действие *Мне нравится Оля*
АСПЕКТ	предельный глагол *Я это съел*	непредельный глагол *Я это ем*
ТОЧЕЧНОСТЬ	точечное значение *Я это пнул*	продолжительное значение *Я это нес*
КОНТРОЛЬ *А* НАД СИТУАЦИЕЙ	есть контроль *Я написал твое имя*	нет контроля *Я забыл твое имя*
УТВЕРДИТЕЛЬНОСТЬ	утверждение *Я это сделал*	отрицание *Я этого не делал*
МОДАЛЬНОСТЬ	реальная *Я это сделал*	ирреальная *Я бы это сделал*
АГЕНТИВНОСТЬ	у *А* — сильная способность воздействия *Петр напугал меня*	у *А* — слабая способность воздействия *Картина напугала меня*
ВОВЛЕЧЕННОСТЬ *О*	*О* полностью вовлечен в ситуацию *Я выпил молоко*	*О* вовлечен в ситуацию не полностью *Я выпил немного молока*
ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ *О*	*О* индивидуализирован *Ваня выпил это пиво*	*О* не индивидуализирован *Ваня выпил пива*

[64] Таблица взята из работы Hopper, Thompson 1980; для английских примеров приведены русские соответствия. То же верно и для примера (64) далее. *(Прим. пер.)*

Рассмотрим следующий пример (ср. Hopper, Thompson 1980: 253):

(64) a. Борис любит пиво.

b. Борис вырубил Глеба.

Предложение (64b) обладает намного более высокой степенью переходности, чем (64a), поскольку в нем описывается действие, глагол является предельным[65] и имеет точечное значение, а объект (*Глеб*) полностью вовлечен в ситуацию и сильно индивидуализирован (обладает конкретной референцией, одушевленностью и выражен именем собственным). В связи с этим Хоппер и Томпсон предполагают, что у (64b) больше шансов оказаться на переднем плане, чем у (64a).

Тем не менее, хотя в целом между морфосинтаксической переходностью и информацией переднего плана в нарративе существует взаимосвязь, между каждым отдельным параметром переходности и выносом информации на передний план можно установить лишь частичную корреляцию: связь может оказаться непрямой и в большей степени объясняться другими факторами (см. DeLancey 1987: 54f)[66].

12.2. События

Противопоставление фона и переднего плана является бинарным. В работе Grimes 1975 было предложено учитывать более тонкие различия — по крайней мере, для нарративных текстов.

Как отмечает Дж. Граймс, «при анализе дискурса в первую очередь нужно разграничить события и не-события» (Grimes 1975: 35). По сути, это то же различие между передним планом и фоном, но реализованное исключительно в условиях нарратива[67]. Под **событием** понимается действие или происшествие, появление которого в тексте приводит к расширению основой структуры ментальной репрезентации. У события есть четкие временные и пространственные рамки; события в рассказе обычно представлены в определенной временной последовательности[68].

[65] Предельными называются глаголы, которые описывают события с «очевидной конечной точкой» (см. Crystal 1997: 347).

[66] Еще одно осложнение картины отмечается в Callow 1974: «Материал, выполняющий фоновую функцию в нарративе, может оказаться тематическим в ... других типах дискурса» (с. 56). Обсуждение этого вопроса см. в Levinsohn 2000: 169.

[67] Тут может использоваться и другая терминология: тематическое vs. нетематическое, основное vs. второстепенное, каркас vs. поддержка.

[68] При определении переднего плана в нарративе исследователи обычно обращают особое внимание либо на строгую временну́ю последовательность (см. Thompson 1987), либо на понятия важности и заметности (см. Dry 1992).

В приложении А можно обнаружить, в частности, следующие события: *днем мы зашли в школьный буфет* (9), *у меня у самого потекли слюнки* (16), *мы вышли из школы* (18).

События в нарративе складываются в то, что иногда называют его **событийной линией** (или фабулой, основной линией изложения, временнóй линией). Событийная линия находится на переднем плане и составляет основной каркас для внутренней контекстуализации.

Иногда полезно различать два вида событий: главные (*primary*) и второстепенные (*secondary*) (терминология заимствована из Huisman 1973). **Главные события** в целом обладают большей информационной заметностью, **второстепенные** — меньшей. Конкретные проявления этого различия могут зависеть от особенностей языка. Так, например, в папуасском языке ангатаха вид события отражен в глагольной форме (см. Huisman 1973: 30f). Впрочем, во многих языках это различие не получает систематического выражения[69].

12.3. Не-события

Помимо событий, в нарративе встречаются различные несобытийные элементы. В Grimes 1975 выделяется шесть типов не-событий: ориентация участников, описание обстановки, объяснение[70], оценка, ирреальный дискурс, перформативная информация. Эти категории не являются взаимоисключающими: элементы информации, содержащиеся в тексте, могут выполнять сразу несколько дискурсивных функций и принадлежать одновременно к нескольким типам. Достаточно часто — особенно в искусно составленных письменных текстах — разные типы информации сосуществуют в рамках одного высказывания.

Ориентация участников состоит в представлении (первичном или повторном) или описании действующих лиц. Возможна ситуация, при которой ориентация дается прежде, чем становится понятной значимость соответствующих участников для повествования. Для главных героев ориентация часто дается в самом начале рассказа. В приложении А примерами ориентации участников могут служить выражение *мой кумир с его цебельдинским опытом* в предложении 8 (повторное указание на важные характеристики

[69] Подытоживающие высказывания, которые располагаются в конце или в начале тематического единства, могут содержать в себе как второстепенные события, так и не-события. При этом они в любом случае обычно представлены в качестве информации заднего плана.

[70] Граймс называет этот тип не-событий *фоновой информацией*, но такое употребление может привести к путанице, поскольку в нашем пособии используется более широкое понимание этого термина.

героя рассказа) и представление нового участника в предложении 21: *При школе жил завхоз, исполняющий одновременно обязанности сторожа.* Подробнее о способах упоминания действующих лиц см. главы 16–18.

При **описании обстановки** указываются время, место или прочие обстоятельства, сопутствующие некоторым событиям. См., например, предложения 32–33 приложения А: в них описывается путь, который нужно было преодолеть героям от двери школы до буфета; или предложения 10–11, содержащие описание миски с сосисками. Во втором из этих примеров заметно, что в описание обстановки могут входить не только базовые обстоятельства события, но и «психологической обстановки, приближающей будущее нарративное событие» (Ochs 1997: 196).

В **объяснении**, или комментарии, дополнительно поясняется, чтó, а также, возможно, почему, происходит. Такие пояснения могут быть необходимы как для внутренней, так и для внешней контекстуализации. Пример объяснения в приложении А представлен в предложениях 6 и 7, в которых дается обоснование некоторым деталям плана героев по проникновению в школьный буфет.

В **оценке** выражается внешняя контекстуализация нарратива: «Суть повествования ... зачем оно было нужно, и чтó хочет этим сказать рассказчик» (Labov 1972: 366). Также возможна и более локальная оценка, в которой говорящий выражает свое отношение к какому-то конкретному нарративному элементу. Различаются **прямая** оценка, в случае которой рассказчик как бы «прерывает повествование, обращаясь к слушателю и объясняя ему, в чем суть» (Labov 1972: 371), и **косвенная** оценка, которая выражается через слова или поступки действующих в тексте лиц. Косвенная оценка — более тонкий, а потому часто и более эффективный инструмент. В приложении А можно обнаружить случаи как прямой оценки (см., например, *интересно* в предложении 7 или *к сожалению* в 23), так и косвенной (*обеспозвоноченный страхом* в 31, целиком предложение 78).

В **ирреальном дискурсе** (Граймс использует тут термин *параллельная (collateral)* информация) речь идет о чем-то, что уже или еще не произошло, — в противопоставление реально имевшим/имеющим место событиям. Ирреальный дискурс обычно реализуется в виде отрицания (*того-то и того-то не произошло*) или описания потенциального события. Во вторую категорию входят вопросы (*могла ли она убежать?*), планы/желания (*он хотел убежать*), а также указания на конфликт/препятствие (*ему не давала убежать веревка*). Потенциальные события являются мощным средством поддержания структурной связности: направленные вперед текста, они подогревают интерес слушателя к тому, чтó в итоге произойдет. Примеры ирреального дискурса в приложении А содержатся, в частности, в предложениях 1 (*Юра предложил мне ограбить школьный буфет*), 71–72 (*Неужели его сторож поймал? Но почему, если так, я ничего не слышал?*).

Перформативная информация (см. Grimes 1975, глава 5) касается различных аспектов ситуации, в которой производится текст, в особенности — отношений между говорящим и слушающим. Эта информация выражается, когда говорящий упоминает себя в первом лице и обращается к слушающему, используя второе лицо. Сюда же относятся такие элементы текста, как мораль, вывод или толкование, которые также могут быть оценками. Пример подобного рода из приложения А — это заключительное предложение 80: *Вот какой он был, мой давний товарищ Юра Ставракиди!*

12.4. Формальные признаки переднего плана/фона

Между формой языковых выражений и принадлежностью описываемой в них информации к переднему плану/фону можно обнаружить некоторые неслучайные связи. Эти связи не бывают абсолютными, но даже в таком виде они ценны для исследователя. Ниже мы рассмотрим, как противопоставление переднего плана и фона реализуется в грамматической категории аспекта, в различии между главными и подчиненными клаузами и при передаче чужой речи.

Глагольный **аспект** входит в набор параметров переходности, предложенный Хоппером и Томпсон (см. таблицу (63)); подробнее дискурсивные свойства этой категории рассматриваются в Hopper 1982. Одно из аспектуальных различий — это противопоставление **перфектива** и **имперфектива**. Согласно определению из Crystal 1997, «в перфективном аспекте … ситуация рассматривается как единое целое, безотносительно ее потенциальной временнóй структуры; … в имперфективном аспекте … внимание обращено на внутреннюю временнýю структуру ситуации» (с. 283). В русском языке перфективу часто соответствует **совершенный вид** глагола, имперфективу — **несовершенный**. Так, во фрагменте 40–45 приложения А в предложениях 40, 42, 44 и 45 используются глагольные формы совершенного вида (*подошли*, *надавил*, *расширилась*, *приник*, *повернул*, *пригласил*, *заглянул*, *увидел*), а в предложениях 41 и 43 — формы несовершенного вида (*проникала*, *смотрел*, *пытался*). При помощи совершенного вида в этом фрагменте кодируется информация переднего плана, при помощи несовершенного вида — фоновая информация.

В **подчиненных клаузах** чаще всего выражается фоновая информация (см. Givón 1984: 314; Thompson 1987); тогда как информация, передаваемая в главных клаузах, может быть как в фоне, так и на переднем плане. Тут, впрочем, есть два осложняющих обстоятельства: во-первых, «во многих языках отсутствует четкая морфосинтаксическая граница между сочинительными и подчинительными конструкциями» (Givón 1990: 848); во-вторых, если подчиненная клауза располагается после главной, она

также может выражать информацию переднего плана (см. Thompson 1987: 451). Так, например, в постпозитивном придаточном *когда он … спрыгнул возле меня* (приложение А, предложение 75), судя по всему, содержится информация переднего плана. В английском языке аналогичными свойствами обладают постпозитивные придаточные, вводимые союзами *as* и *when*[71]: в них обычно представлена информация, которая по крайней мере не уступает в значимости той, которая содержится в главных клаузах (Levinsohn 1992)[72].

При **передаче чужой речи** выражается информация трех видов: акт говорения, содержание речи и упоминаемое в речи событие. Акт говорения может как обладать, так и не обладать событийностью (см. раздел 14.2), тогда как содержание речи обычно к событиям не относится. Например, в предложении 17 приложения А акт говорения представлен как событие (см. глагольную форму совершенного вида *шепнул*), а содержание речи (призыв к действию) относится к ирреальному дискурсу. Что же касается упоминаемого события (отказа одного из героев от активных действий до наступления вечера), то оно входит в набор главных событий рассказа, но при этом не получает явного выражения в тексте: о том, что друг автора последовал его совету, читатель догадывается из контекста. Как отмечает Граймс, между содержанием передаваемой речи и последующей реализацией упоминаемого в речи события часто имеется подобная подразумеваемая связь (см. Grimes 1975: 69f).

12.5. Случаи маркирования

Основное содержание текста, как правило, **не маркируется** с точки зрения приоритетности. Иными словами, описания событий переднего плана или событий, входящих в основную линию изложения, обычно не содержат никаких специальных маркеров. Однако в некоторых случаях предложение может быть дополнительно выделено, т. е. **маркировано** как выражающее особо значимую информацию переднего плана. Возможно и обратное маркирование: некоторые предложения содержат специальные сигналы фоновой, второстепенной информации.

Выделение высказывания обычно связано с тем, что оно имеет особую значимость для развития повествования или для его оценки. Для выделения используются специальные языковые средства. В частности, это некоторые вынесенные вперед элементы предложения (см. *и вдруг*

[71] В русском языке похожее поведение демонстрируют постпозитивные причинные придаточные, вводимые союзом *потому что*. *(Прим. пер.)*

[72] Д. Болинджер предлагает вообще не относить такие клаузы к подчиненным (см. Bolinger 1977: 517).

в предложении 62 приложения A), а также эмоционально окрашенные выражения (например, *хватает* в 63, *взрывной волной* в 65, *дикий и точный конь страха* в 67). В том же фрагменте приложения A дополнительный эффект напряжения, выделяющий описываемые события, создается при помощи сложного синтаксиса в предложении 65. Во многих языках для выделения ключевых событий используются полные именные группы (см. Levinsohn 2000: 140)[73].

Что же касается специальных указаний на фоновый характер информации, то они могут использоваться в том случае, если без них клауза воспринималась бы как содержащая информацию переднего плана. Подобную функцию, например, может выполнять союз *тогда как*, который, впрочем, не так часто встречается в нарративе. В греческом койне аналогичную роль играл союз *mén*: его появление в повествовании сигнализировало о том, что текущее событие выступает фоном по отношению к последующим (см. Levinsohn 2000: 170–71).

Ключевые понятия

передний план vs. фон
переходность
типы информации в нарративе
- события
  - главные и второстепенные события
- не-события
  - ориентация участников
  - описание обстановки
  - объяснение
  - оценка
    - прямая vs. косвенная
  - ирреальный дискурс
  - перформативная информация

формальные признаки переднего плана/фона
- перфектив vs. имперфектив (совершенный vs. несовершенный вид)
- подчиненные клаузы
- передача чужой речи

выделение

---

[73] См. предложение 12 приложения A: *Юра с такой сентиментальностью уставился на это видение*... где использование полной именной группы *это видение*, возможно, также указывает на особую значимость происходящего. *(Прим. пер.)*

Глава 13. Оформление связей между пропозициями

На худой конец, не так уж сложно сделать выбор между «и» и «но». Уже много труднее отдать предпочтение «и» или «потом». Трудности возрастают, когда речь идет о «потом» и «затем». Но, конечно, самое трудное определить, надо ли вообще ставить «и» или не надо.

Альбер Камю. *Чума.* Перевод Н. М. Жарковой

В учебниках по построению текста начинающим авторам обычно советуют писать так, чтобы содержащиеся в тексте пропозиции образовывали иерархический порядок. На верхних уровнях иерархической структуры в таком случае будут содержаться обобщенные описания (резюме) крупных блоков, которые мы назвали в главе 7 тематическими единствами. На нижних же уровнях — если иерархия достаточно подробна — будут находиться единицы, близкие к отдельным предложениям и клаузам текста. Соответственно, под **пропозицией** как раз и понимается семантический коррелят клаузы (см. Crystal 1997: 313).

Пропозиции, составляющие содержание дискурса, связаны между собой не только общими иерархическими (как, например, в оглавлении или в плане текста), но и конкретными **семантическими отношениями**. Рассмотрим пример (65) — перевод на русский язык отрывка из журнала *Scientific American*, проанализированного У. Манном и С. Томпсон (Mann, Thompson 1987: 13ff):

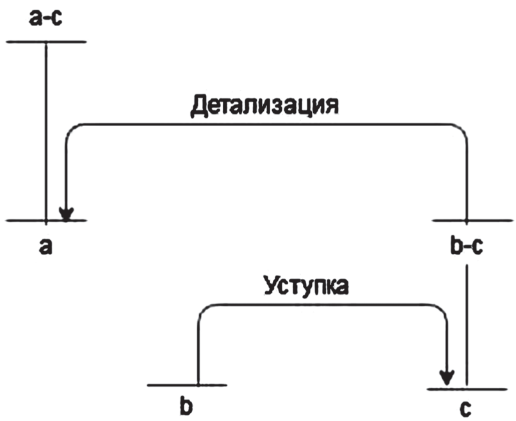
(65) Заглавие: Диоксин

a. Опасения, что это вещество вредно для здоровья и окружающей среды, видимо, не обоснованы.

b. Хотя диоксин и токсичен для некоторых животных,

c. нет свидетельств того, что он оказывает какой-либо серьезный длительный эффект на человека.

d. Анализ:

Диаграмму (65d) следует понимать следующим образом. Пропозиции *b* и *c* образуют единицу, в которой детализируется пропозиция *a*. В свою очередь, внутри этой единицы *b* играет роль уступки по отношению к *c*. При этом, если уступка выражена в (65) при помощи союза *хотя*, то значение детализации не получает явного языкового выражения. Наличие между *a* и *b-c* некоторого семантического отношения подразумевается ввиду соположения соответствующих предложений в тексте.

В литературе предложено множество списков и классификаций семантических отношений, см., в частности Beekman, Callow, Kopesec 1981; Grimes 1975; Hobbs 1985; Larson 1984; Longacre 1996 (глава 3); Mann, Thompson 1987. Рекомендуем читателю самостоятельно ознакомиться хотя бы с одной из этих работ[74].

В некоторых работах в определение семантического отношения входит параметр относительной приоритетности. Например, Манн и Томпсон, указывают, что для многих отношений

> «один из элементов пары [ядро] более важен для авторского замысла, чем второй [сателлит]... Если из исходного текста удалить элементы, используемые только в качестве сателлитов, полученный текст останется связным, а его содержание будет похожим на содержание оригинала, образуя нечто вроде его конспекта» (Mann, Thompson 1987: 31f).

Так, при помощи стрелок в (65d) отмечено, что детализируемый элемент (пропозиция *a*) важнее детализирующего (блок *b-c*), а основное утверждение (c) — важнее уступки (*b*). Подобные различия

[74] О применении теории риторической структуры Манна и Томпсон на русском материале см., в частности, Кибрик, Подлесская (ред.) 2009 (глава 10). Там же можно найти русские названия семантических отношений, используемые в диаграмме (65d). *(Прим. пер.)*

в приоритетности, судя по всему, тесно связаны с различием между передним планом и фоном, которое мы обсуждали в разделе 12.1.

13.1. Предпочтительный порядок следования пропозиций в языках правого и левого ветвления

В своей основополагающей работе Дж. Гринберг продемонстрировал, что в языках существует неслучайная связь между стандартным взаиморасположением глагола и прямого дополнения и базовым порядком слов в некоторых других синтаксических группах (Greenberg 1963). Например, если в языке дополнение обычно следует за глаголом (VO, правое ветвление), то в нем скорее будут *пред*логи, вспомогательные глаголы будут предшествовать смысловым глаголам, а именные вершины — определяющим их придаточным. Если же в языке дополнение обычно предшествует глаголу (OV, левое ветвление), то в нем, наоборот, более вероятны *после*логи, а также расположение вспомогательных глаголов после смысловых и именных вершин — после определительных придаточных[75].

Как обнаружил Дж. Робертс, эта корреляция распространяется и на порядок следования в тексте пропозиций, находящихся в отношении «неравной приоритетности» (Roberts 1997: 20). В прототипических языках правого ветвления предпочтительным оказывается порядок, при котором пропозиция, обладающая бóльшим приоритетом, стоит в начале, тогда как для языков левого ветвления характерен противоположный порядок[76]. Например, причинная клауза обычно следует за главной пропозицией в языках правого ветвления и предшествует ей в языках левого ветвления. Аналогичным образом, если некоторое утверждение поддерживается пропозицией с отрицанием, эта пропозиция следует за основным утверждением в языках правого ветвления, но предшествует ему в языках левого ветвления. См. следующий пример, в котором сначала приводится стандартное для русского языка расположение пропозиций (VO), а затем — то расположение, которое было бы характерно для языка левого ветвления (OV).

[75] Уточнение выводов Гринберга можно найти в Dryer 1992.

[76] В прототипическом языке правого ветвления вершинные составляющие обычно предшествуют зависимым; в прототипическом языке левого ветвления вершины, напротив, обычно следуют за зависимыми. См. также Levinsohn 1999. Впрочем, даже в прототипических языках левого ветвления достаточно распространена ситуация, при которой обстоятельственное причинное придаточное следует за вершинной пропозицией (Син Ча Хван, личное сообщение).

(66)	**VO**	**главная пропозиция:**	Мы решили купить дачу:
		положительная причина:	мы любим возиться с землей,
		отрицательная причина:	а не проводить все лето в городе.
	OV	**отрицательная причина:**	Мы любим не проводить все лето в городе,
		положительная причина:	а возиться с землей.
		главная пропозиция:	Поэтому мы решили купить дачу.

Как правило, когда соблюдается предпочтительный в данном языке порядок следования пропозиций, семантическое отношение между ними может не получать специального выражения; если же в языке допускаются изменения в порядке следования пропозиций, отношения между ними должны быть выражены явным образом. Так, в примере (66) при стандартном для русского языка порядке причинная связь выражена эксплицитно, а при обратном порядке используется коннектор *поэтому*.

13.2. Некоторые указания на тип семантического отношения

Даже когда тип семантического отношения между пропозициями не выражен явным образом, в тексте часто присутствуют явления, позволяющие сузить круг возможных интерпретаций (см. Blakemore 1987, 1992: глава 8). Ниже мы рассмотрим четыре явления подобного рода: интонацию, линейный порядок, опору на ожидаемые структуры и специальные слова. Заметим, что сюда не относятся интонационные и синтаксические явления (в частности, соположение клауз), которые указывают лишь на наличие какого-то подразумеваемого автором семантического отношения, но никак не раскрывают его суть.

При помощи **интонации** иногда можно передать конкретное семантическое отношение, но бывает и так, что одно и то же интонационное оформление совместимо с различными интерпретациями. Вот, например, что будет, если в следующих трех предложениях прочитать начальные клаузы с восходящей интонацией, а конечные — с нисходящей:

(67) a. Пришел, увидел, победил. (последовательность)
b. Утром деньги — вечером стулья. (условие)
c. Один за всех, и все за одного! (объединение)

Как видно, восходящая интонация совместима с отношениями последовательности, условия и объединения, но при этом непосредственно не выражает ни одно из них.

На интерпретацию семантического отношения может влиять и **порядок следования** клауз. Так, в Healey, Healey 1990 (с. 224) была отмечена корреляция между расположением обстоятельственных придаточных клауз и семантическими отношениями, связывающими их с главными клаузами в греческом койне. Придаточные клаузы, выражающие время и большинство логических отношений, в 86 % случаев располагались перед главными клаузами. В свою очередь, клаузы, выражающие детализацию, а также логические отношения способа и следствия, в 79 % случаев следовали за своими главными клаузами. Таким образом, линейный порядок клауз может ограничивать круг возможных семантических интерпретаций.

Ожидаемые структуры, о которых шла речь в разделе 9.4, представляют еще один возможный источник интерпретации семантических отношений — равно как и других аспектов коммуникации. В этом случае интерпретация оказывается предопределенной нашими знаниями о мире. Рассмотрим, к примеру, фрагмент 71–72 приложения А: *Неужели его сторож поймал? Но почему, если так, я ничего не слыхал?* В 71 выдвигается некоторое предположение, которое ставится под сомнение в 72. Это семантическое отношение выводится, в первую очередь, из наших знаний о мире: вместе с автором мы предполагаем, что если бы сторож действительно поймал Юру Ставракиди, за этим бы последовали те или иные шумные события (ругань сторожа, включение сигнализации, приезд милиции и т. д.). Однако ничего из этого, судя по всему, не произошло, а значит, исходное предположение, скорее, не подтверждается.

13.3. Коннекторы

Самый очевидный способ указать на характер семантического отношения между пропозициями — это оформить отношение при помощи того или иного сегментного средства. В первую очередь для этого используются специальные слова — коннекторы, в том числе **союзы**.

Иногда союзы явным образом указывают на конкретное семантическое отношение — см., например, уступительное значение, выраженное союзом *хотя* в (65b). Однако довольно часто при помощи союза задается лишь некоторое обобщенное представление о типе отношения, конкретное наполнение которого слушающий восстанавливает при помощи контекста.

Хороший пример подобного рода — это союз *но*. В приложении А *но* встречается 10 раз. Наиболее общее его значение — это противопоставление ожиданиям слушающих, сложившимся после предыдущей пропозиции (см. предложения 49, 53, 72). В то же время в некоторых контекстах *но* может получать дополнительные смысловые оттенки: например, несоответствие одной детали обстановки другой (предложение 20) или резкий переход от статичного положения к активным действиям (предложение 59)[77].

13.3.1. Маркеры объединения

При использовании ряда коннекторов говорящие, по сути, ничего не сообщают о конкретном семантическом отношении между пропозициями. Например, именно таково поведение английского союза *and* ('и'). Рассмотрим следующие предложения[78]:

(68) a. I like her, and she likes me. (взаимность)

Я люблю ее, **и** она любит меня.

b. I hit her, and she hit me. (последовательность)

Я ударил ее, **и** она ударила меня.

c. She apologized, and now I'm happy. (результат)

Она извинилась, **и** теперь я доволен.

В скобках после предложений примера (68) приведены наиболее вероятные интерпретации семантических отношений между клаузами. Тем не менее ни одно из этих отношений напрямую не выражается при помощи *and* (см. Blakemore 1987: 111ff).

Но все же в *and* содержится определенная инструкция слушающему: связываемые этим союзом пропозиции должны быть **объединены**. Другими словами, *and* представляет собой **прагматический коннектор** (см. там же), функция которого — побудить слушающего объединить поступивший на вход материал и в дальнейшем обрабатывать его совместно.

---

[77] В этом отношении русский союз *но*, по всей видимости, используется иначе, чем английский *but*. Союз *but*, как отмечается в Blakemore 1987, 1992, выражает лишь общее значение «обманутого ожидания», но не более специфические значения уступки, контраста и т. п. О значениях русских союзов *но*, *а*, *и* можно прочитать в Урысон 2011. *(Прим. пер.)*

[78] Английские примеры приведены с переводом на русский язык, причем в переводах для наглядности использован союз *и*. Надо, однако, понимать, что русское *и* не является полным эквивалентом английского *and*: в частности, в предложениях (68a) и (68b) более естественно вместо *и* употребить другой союз — *а*. *(Прим. пер.)*

13.3.2. Маркеры добавления

Маркеры **добавления** могут выполнять различные функции. Одна из них состоит в том, что слушающему предлагается найти некоторую **параллельную пропозицию**, к которой нужно присоединить пропозицию, снабженную маркером. Именно в этой функции используется единица *та* ‘также’ в предложениях 6 и 8 текста на языке тьяп в приложении В. Пропозиции, связанные при помощи таких маркеров, не обязательно непосредственно примыкают друг к другу. Так, например, в приложении А в предложении 63 используется наречие *снова*, которое отсылает к параллельной пропозиции, выраженной десятью строками ранее — в предложении 53. В любом случае, в фокусе второй пропозиции обычно оказывается то, чем она отличается от первой (параллельной).

В некоторых языках действуют довольно жесткие правила, касающиеся того, чтó к чему можно присоединить при помощи маркеров добавления. Например, это может регулироваться положением маркера[79]. Другая возможность — это существование в языке двух разных маркеров, один из которых используется для добавления нового подлежащего, другой — для добавления нового сказуемого. В таких языках в примерах вида *Коля хорошо разбирается в компьютерах. Даша* + (‘тоже’) вместо знака + будет употребляться маркер первого типа, а в примерах вида *Коля силен в спорте. Он* + (‘также’) *хороший лингвист* — маркер второго типа. О других различиях между маркерами добавления см. Spreda 1984.

Маркеры добавления могут использоваться не только для связи с параллельной пропозицией, но и при присоединении пропозиции, противоположной по смыслу. В таких случаях достигается прагматический эффект **уступки**: *Он увидел, что человек лежит на краю дороги.* + (‘и все же’) *Он не остановился, чтобы помочь.*

В некоторых языках маркеры добавления могут также использоваться для **подтверждения** предыдущей пропозиции. В (69) приведены переводы примеров из работ Blass 1990 и Follingstad 1994, для каждого коннектора в скобках указано его значение.

(69) a. Он сказал ей сделать это.
+ (‘и она так и сделала’) она сделала[80].

---

[79] В греческом койне союз *kaí* использовался как маркер добавления в том случае, если непосредственно следовавшая за ним составляющая присоединялась к аналогичной составляющей из предыдущей клаузы или предложения (см. Levinsohn 2000: 100).

[80] См. также предложение 13 в приложении В.

b. A: Зимпеали —дагари[81].

B: + ('в самом деле') это так; я его знаю.

c. Он не хочет останавливаться.

+ ('даже') ни на минуту.

Наконец, иногда маркеры добавления употребляются вместо маркеров объединения — в тех случаях, когда добавляется информация, **отличная по значимости**. Примеры этого рода обсуждаются в приложении B, см. также Levinsohn 2000: 108–9.

13.3.3. Маркеры развития

Если коннекторы типа английского *and* и некоторые маркеры добавления используются для того, чтобы слушающий связывал информацию воедино, то ряд других союзов выполняют противоположную функцию — а именно, указывают на то, что слушающему следует *продвинуться к следующему пункту*. Мы будем называть такие коннекторы **маркерами развития**, поскольку во вводимых при их помощи фрагментах текста содержится новое развитие сюжета или значимой для автора аргументации[82].

В языках с базовым порядком слов SOV, в которых перед главным глаголом могут располагаться сразу несколько подчиненных клауз[83], к концу подчиненной клаузы часто присоединяется тот или иной маркер развития. В этом случае он выполняет функцию разделителя, а также обозначает место перехода к развитию сюжета, содержащемуся в следующей клаузе. В свою очередь, отсутствие такого маркера или его замена на маркер добавления сигнализирует о том, что в следующей клаузе будет продолжена текущая тема. Так, в первом предложении рассказа на языке суруаха (араванская семья, Бразилия) маркер развития *na* добавляется к концу клауз, за которыми следует переход к новому этапу истории:

[81] Дагари (дагааба, дагати) — группа народов Западной Африки, обитающих в Гане и Буркина-Фасо. *(Прим. пер.)*

[82] Как отмечается в Blass 1993, информация, вводимая при помощи маркера развития, «значима сама по себе», т. е., возможно, даже вне связи с предыдущим контекстом.

[83] Р. Лонгейкр использует для таких конструкций термин «цепочечные структуры» (см. Longacre 1985: 263ff). В них часто присутствуют маркеры «переключения референции» (см. Andrews 1985: 115), т. е. единицы, указывающие, совпадает ли подлежащее (или, реже, топик) данной клаузы с подлежащим (топиком) предыдущей клаузы.

(70) Я засеял поле и
поскольку солнце припекало,
вместо того чтобы полежать + *na*
я искупался в реке и
вернулся;
не успел я прилечь + *na*
прогремел гром.

В (70) при помощи маркера *na* отмечается, что клаузы *я искупался в реке* и *прогремел гром* описывают новые этапы в развитии рассказа.

Маркеры развития также могут прикрепляться к начальным словам предложения — это служит указанием на то, что в предложении содержится новое развитие сюжета или обсуждения. Кроме того, маркерами такого рода могут быть снабжены референциальные выражения, если упоминаемые в них действующие лица будут вовлечены в дальнейшее развитие (см. Levinsohn 1976)[84]. Обе эти возможности реализованы в следующем отрывке из народной сказки на инганском кичуа (кечуанский язык в Колумбии; пример взят из Longacre, Levinsohn 1978: 112), где к концу подчиненной клаузы или к именной группе присоединяется маркер развития *ka*:

(71)

1. В это время	теща + *ka*	пошла, плача, к месту, где она закопала фрукт.
2. Придя + *ka*,	(она)	сказала: «Вот где похоронен ребенок».
3. Сказав это + *ka*,	(она)	убежала, чтобы повеситься.
4. В это время	отец + *ka*	раскопал могилу.
5. Отбросив землю,	(он)	обнаружил только фрукт.
6.	(Он)	сказал: «О, нет! Теперь мне все понятно».
7. Сказав это + *ka*	(он)	пошел за ней следом.

В строках 1 и 4 присоединение маркера *ka* к подлежащему сигнализирует о том, что ближайшее развитие истории будут обеспечивать действия соответственно тещи и отца. В строках 2 и 3 при помощи *ka* фоновая

[84] Также маркеры развития сочетаются со смещенными влево темами (отправными точками) — в том случае, если за ними следует фоновый комментарий («отступление») (там же).

информация, содержащаяся в зависимых клаузах, отделяется от последующего развития, находящегося на переднем плане. Отдельно стоит отметить строку 5. В ней благодаря отсутствию маркера *ka* информация об обнаружении отцом фрукта воспринимается не как новое развитие сюжета (по-видимому, это связано с тем, что слушатель и так знает, что́ будет найдено), а как часть того же «блока развития» (см. Levinsohn 2000: 275), что строки 4 и 6.

В языках правого ветвления маркерами развития обычно выступают или союзы (например, греческое *de*, см. Levinsohn 2000: 72), или приглагольные частицы. Так, в отрывке текста на нигерийском языке тьяп, приведенном в приложении B, между подлежащим и главным глаголом могут располагаться как маркер развития *kàn*, так и два маркера добавления *kìn* и *ma*.

Как правило, маркеры развития появляются в нарративе только после того, как описана обстановка истории. В этом отношении показательно продолжительное вступление, которое предшествует первому использованию маркера *kàn* в приложении B.

Ключевые понятия

пропозиция
семантические отношения между пропозициями
предпочтительный порядок пропозиций в языках правого и левого ветвления
указания на семантические отношения
- интонация
- линейный порядок клауз
- ожидаемые структуры

сегментные средства (в том числе, союзы)
- подкрепляющие
- противопоставляющие

прагматические коннекторы
- маркеры объединения
- маркеры добавления
  - параллелизм
  - уступка
  - подтверждение
  - выделение/сдвиг на задний план
- маркеры развития

Глава 14. Передача речи

«Что толку в книжке, — подумала Алиса, — если в ней нет ни картинок, ни разговоров?»
Льюис Кэрролл. *Алиса в стране чудес.*
Перевод Н. М. Демуровой

При передаче речи в тексте часто используются другие структурные принципы, чем при упоминании нарративных событий. Например, стандартные правила кодирования смены подлежащего (см. главу 17) могут не распространяться на случаи смены говорящего в передаваемом диалоге. Кроме того, глаголы, вводящие чужую речь, нередко употребляются в несовершенном виде или вовсе не спрягаются.

Впрочем, для начала определимся с некоторыми терминами.

Под **ориентирующей ремаркой** (*speech orienter*) мы понимаем выражение, в котором указывается, кто является автором и адресатом передаваемой речи[85]. В зависимости от базовых свойств языка или других факторов ориентирующая ремарка может предшествовать передаваемой речи (см. пример (a) ниже), следовать за ней (b), располагаться от нее по обе стороны или даже вклиниваться внутрь речи (c). Кроме того, ориентирующая ремарка может опускаться, как в примере (d).

(a) Я ему говорю: «Ты не плачь, Егор, не надо». (*В. Распутин. Прощание с Матерой*)

(b) — Не могу, — сказал он, передохнув, когда мы остановились в коридоре у окна. (*Приложение А, предложение 13*)

(c) «Я жалею, что не знала вашего отца, — сказала она погодя. — Он, должно быть, был очень добрым, очень серьезным, очень любил вас». (*В. Набоков. Защита Лужина*)

---

[85] В Longacre 1996 (с. 89) в этом же смысле используется словосочетание «формула цитирования» (*quotation formula*). Также в англоязычной литературе встречаются термины «поля цитирования» (*speech margin, quotation margin*) и «ярлык цитирования» (*quote tag*). Отметим, что ориентирующие ремарки также могут относиться к вербализации мыслей — см. предложение 70 и следующие за ним 71–72 в приложении А.

(d) — А ты сон, что ль, видал?
— Видал. (В. Шукшин. Я пришел вам дать волю)

Замкнутым мы называем такой разговор, в котором автор и адресат каждой новой реплики выбираются из числа авторов и адресатов предшествующих реплик. Примером замкнутого разговора может служить отрывок (72) — русский перевод фрагмента текста на камерунском языке мофу-гудур (Pohlig, Levinsohn 1994: 89): в нем странник и дети по очереди обращаются друг к другу.

(72) a. Он сказал им: «Дети, что вы делаете?»
b. «Мы сидим здесь и сторожим», — ответили дети.
c. «Что вы сторожите?»
d. «Мы сторожим овец и коз».
e. Они спросили странника: «Ты вор?»
f. «Что? Разве я такой человек, который будет красть у детей?»

В свою очередь, отрывок (73), взятый из того же текста, *не* является замкнутым разговором, поскольку адресат второй реплики (муж) не совпадает с автором первой реплики (странником).

(73) a. Странник сказал: «Пожалуйста, дайте мне копыто (козы)! Я только погрызу его; есть не буду … я ведь не ел уже три дня».
b. Женщина сказала своему мужу: «Ну дай это ему!»

Ориентирующие ремарки во многом зависимы от типа передаваемого разговора. Например, в мофу-гудур, после того как все участники замкнутого разговора определены, ориентирующие ремарки могут опускаться — до тех пор, пока не меняется направление разговора (как случилось в (72e)). В момент же, когда разговор перестает быть замкнутым, ориентирующая ремарка становится обязательной — см. (73b).

14.1. Способ передачи речи

При передаче чужих слов одним из основных является различие между **прямой**, **косвенной** и **полупрямой речью**. В прямой речи автор выражается при помощи местоимения первого лица, а адресат — при помощи местоимения второго лица: *Иван*$_i$ *говорит: «Я*$_i$ *тебя вижу»*. В косвенной речи (например, *Иван*$_i$ *сказал, что он*$_i$ *видит ее*) для указания на автора и адресата используются другие средства: в частности, местоимения третьего лица[86], а также (в случае с автором) специальные **логофорические местоимения**

[86] В русском языке тут часто используются референциальные нули: мы скорее скажем *Иван*$_i$ *сказал, что ø*$_i$ *видит ее. (Прим. пер.)*

(см. Perrin 1974; Anderson, Keenan 1985: 302–304)[87]. В полупрямой речи применяется смешанная техника. Например, в языках Западной Африки распространена стратегия, при которой адресат выражен местоимением второго лица (прямой способ), а автор — логофорическим местоимением (косвенный способ): получается что-то вроде *Иван*$_i$ *сказал LOG*$_i$ *тебя видит*.

Выбор между прямой и косвенной речью может быть обусловлен *целью*, которую преследует говорящий, передавая чужие слова, — в частности, тем, хочет ли он, чтобы слушающий считал, что речь передается дословно. Как отмечается в Li 1986, в европейских языках, когда говорящий прибегает к прямой речи, он «стремится к тому, чтобы слушающий воспринимал форму передаваемой речи, ее содержание и сопутствующую невербальную информацию (жесты, мимику) как принадлежащие исходной речи». При косвенной речи, напротив, «говорящий может выражать свое отношение к передаваемой речи через ее форму (например, интонацию) и сопутствующую невербальную информацию, комментируя таким образом ее содержание» (с. 38 и далее).

В некоторых языках факторы, определяющие выбор между прямой и косвенной речью, носят преимущественно *синтаксический* характер, например:

- предложения определенных типов (например, вопросительные предложения) могут передаваться только в форме прямой речи;
- если речь передается в подчиненной клаузе, то может использоваться только косвенная или полупрямая речь;
- если в передаваемой речи упоминаются ее автор или адресат, то также может использоваться только косвенная или полупрямая речь.

В других языках на выбор способа передачи речи влияют *дискурсивно-прагматические* факторы, как то:

- **Приоритетность** передаваемой речи. Например, в языке бафут (Камерун) стандартным способом передачи является полупрямая речь. Прямая речь используется при выделении, а косвенная — для передачи фоновой информации (см. Mfonyam 1994: 195).

[87] В некоторых языках при использовании косвенной речи может меняться время глагола; см., например, английский аналог приведенного русского примера: *John said he could* (а не *can*) *see her*.

- Относительный **статус** участников. Высказывания наиболее значимых действующих лиц («VIP», см. главу 17) передаются посредством прямой речи, слова прочих действующих лиц — при помощи косвенной или полупрямой речи.
- Близость к **кульминации**. Например, в языках, в которых в стандартном случае требуется использовать ориентирующие ремарки, опущение ремарок (переход к сценическому способу передачи речи) может быть сигналом надвигающейся кульминации повествования (см. Longacre 1996: 43).

14.2. Информационный статус передаваемой речи

Передача разговора в нарративе, как правило, не является самоцелью. Обычно рассказчики прибегают к цитированию, чтобы затем перейти к описанию основных событий, которые и формируют передний план повествования. Кроме того, если в передаваемом разговоре содержится несколько высказываний, они редко рассматриваются как отдельные события. С формальной точки зрения это может выражаться в ориентирующих ремарках — при помощи одного или нескольких из следующих трех способов.

- В ориентирующей ремарке может использоваться глагол несовершенного вида (имперфектив) или какой-нибудь другой показатель, обычно маркирующий *фоновую информацию* (см. главу 12).
- Маркеры развития (см. главу 13), которые способны присоединяться к описанию событий, не относящихся к передаваемой речи, могут не сочетаться с ориентирующими ремарками. Иными словами, передача речи не интерпретируется как новое развитие в повествовании.
- Для устных текстов особенно характерна передача речи в формате *смежных пар*, состоящих из инициирующего и закрывающего ходов (см. главу 1). Наиболее типичны пары вида «вопрос — ответ», «наблюдение — оценка», «предложение — реализация предложения (часто невербальная)»[88]. В некоторых языках ориентирующие ремарки при первой части таких смежных пар могут стоять в препозиции, а при второй части — в постпозиции; см. пример (74) с вопросно-ответной парой:

[88] Для последнего вида Р. Лонгейкр использует формулы «предложение — ответ» (“*proposal-response*”) и «предложение — выполнение» (“*proposal-execution*”).

(74) Я спросил: «Который час?» (ИХ)

«Четыре», — ответил он. (ЗХ)

Возможна и противоположная ситуация, при которой передаваемая речь интерпретируется как событие переднего плана. В первую очередь это касается случаев передачи таких речевых явлений, как споры, дискуссии или судебные разбирательства.

14.3. Смена направления в передаваемом разговоре

В некоторых случаях один из участников диалога, вместо того чтобы развивать в своей реплике тему предшествующего разговора, меняет его направление, реализуя встречный ход (см. главу 1). Как правило, такие ходы получают то или иное специальное выражение.

Например, в греческом койне стандартным сигналом смены направления в передаваемом разговоре выступал глагол *apokrínomai*, который обычно переводится как 'отвечать'. См. пример (75) (Деян 9: 10–14), где в (75d) содержится возражение на высказанное в (75c) поручение (предложение). В греческом тексте в (75d) используется как раз глагол *apokrínomai*.

(75) a. Господь в видении сказал ему: Анания!

b. Он сказал: я, Господи.

c. Господь же сказал ему: встань и пойди на улицу, так называемую Прямую, и спроси в Иудином доме Тарсянина, по имени Савла…

d. Анания **отвечал**: Господи! я слышал от многих о сем человеке, сколько зла сделал он святым Твоим в Иерусалиме...

Если в языке существуют маркеры развития, они с большой вероятностью будут использоваться как раз при смене направления в передаваемом разговоре. Кроме того, при упоминании автора встречного хода часто используются полные именные группы — даже если на основании прочих факторов более уместным было бы местоимение (см. главу 17).

В языках, в которых разговор передается при помощи смежных пар, встречный ход обычно маркируется как *начало* новой пары, а не как завершение пары, начатой предшествующим вопросом или каким-либо другим инициирующим ходом. Отрывок (75) в языках подобного рода мог бы выглядеть примерно следующим образом (ср. расположение ориентирующей ремарки в (76b) и в (76d); препозиция ремарки маркирует начало новой смежной пары):

(76) a. Господь в видении сказал ему: Анания! (ИХ)

b. Я, Господи, — **ответил он**. (ЗХ)

c. Господь же сказал ему: встань и пойди на улицу, так называемую Прямую, и спроси в Иудином доме Тарсянина, по имени Савла… (ИХ)

d. Анания **сказал**: Господи! я слышал от многих о сем человеке, сколько зла сделал он святым Твоим в Иерусалиме… (ВХ/ИХ)

Ключевые понятия

ориентирующая ремарка
замкнутый разговор
способ передачи речи
- прямая речь
- косвенная речь
- полупрямая речь
    - логофорические местоимения

информационный статус передаваемой речи
смежные пары
- вопрос — ответ
- наблюдение — оценка
- предложение — реализация

встречный ход

Глава 15. Стандартные механизмы организации текста

Как мы убедились в главе 9, на когнитивном уровне действуют стандартные механизмы организации текста — ожидаемые структуры, в частности схемы, или фреймы (см. раздел 9.4). Стандартные модели существуют и для организации текста уже на уровне готового языкового произведения. В этой главе мы рассмотрим подобные модели на примере нарративных текстов.

Стандартные механизмы организации текста могут быть как универсальными, так и свойственными только конкретным языкам и культурам. Возможен и третий вариант: стандарты могут распространяться на разные языки, но при этом меняться в зависимости от жанра (см. главу 2) или модуса текста (см. главу 4). В этой главе мы проиллюстрируем все перечисленные возможности; при этом, однако, стоит иметь в виду, что исследования в данной области пока находятся на начальной стадии.

15.1. Нарративная схема

В Brewer 1985 для описания стандартных шаблонов, в соответствии с которыми организовано содержание нарративных текстов, используется термин «нарративная схема»[89]. У. Лабов выделил следующие элементы нарративной схемы для «цельнооформленного» устного рассказа, основанного на личном опыте (Labov 1972: 363):

- резюме
- ориентация
- усложнение
- оценка
- результат, или разрешение
- кода

В конкретных рассказах могут встречаться «сложные последовательности этих элементов и вложения одних элементов в другие» (там же);

[89] Р. Лонгейкр употребляет термин *анатомия сюжета*, оговариваясь при этом, что «нечто аналогичное сюжету влияет и на форму ненарративного дискурса» (Longacre 1996: 34).

также возможны нарративы, не включающие в себя некоторые из представленных элементов. Обсудим их по порядку.

15.1.1. Резюме

Под «резюме» понимаются два вида элементов нарративной схемы: заголовок/собственно резюме и вступление (см. *opening* в Brewer 1985; *aperture* в Longacre 1996: 34).

Некоторые истории начинаются с **заголовков** — коротких (часто — меньше предложения) выражений, под которыми эти истории известны. В терминологии Лабова примерно такую же функцию выполняет **резюме** — «одна или две клаузы, в которых кратко излагается содержание всей истории» (там же). В Grimes 1975 (с. 266) приводится пример заголовка/резюме в языке айорео (Боливия): «Как-то раз я убил ягуара». Заголовки, разумеется, широко распространены в письменных текстах, но данных о том, насколько они характерны для устной традиции, нет.

Чего не скажешь о «стандартизированных **вступлениях**», которые «используются в историях по всему миру» (Brewer 1985: 179), хотя и могут быть обусловлены жанром. Так, в русской сказочной традиции в качестве вступления часто употребляются формулы *Жили-были...* или *В тридевятом царстве, в тридесятом государстве...*; при рассказе анекдотов — зачины вида *А вот есть такой анекдот*. Индейцы племени клакамас (северо-запад США) в качестве стандартного вступления, содержащего также и описание обстановки, используют фразы вида «Он жил там» (Tedlock 1972: 123, цитируется в Brewer 1985: 179). В то же время в письменной традиции стандартные вступления, как правило, отсутствуют (Brewer 1985: 184).

15.1.2. Ориентация

В **ориентации** при стандартной схеме описывается обстановка истории (время, место, прочие обстоятельства), а также представляются действующие лица (см. раздел 12.3). Пример ориентации содержится в первых предложениях сказки «Сивка-бурка»:

> Жил-был старик, у него было три сына. Старшие занимались хозяйством, были тороваты и щеголеваты, а младший, Иван-дурак, был так себе — любил в лес ходить по грибы, а дома все больше на печи сидел.

Использование ориентации характерно для устных текстов — по крайней мере, в некоторых жанрах. Что же касается письменной традиции, то тут ситуация иная: «в современной [западной] прозе стало принятым опускать начальную обстановку [т. е. ориентацию], распределяя соответствующую информацию по всему тексту» (Brewer 1985: 185).

15.1.3. Усложнение

Под **усложнением**, или **закручиванием сюжета**, понимается последовательность событий, приводящая к результату/разрешению. Этот элемент встречается практически в каждой истории, хотя и тут возможны исключения. В приложении А усложнением можно считать предложения 1–65[90].

15.1.4. Оценка

Оценку как вид несобытийной информации мы уже обсуждали в разделе 12.3. В ней выражаются чувства и отношение говорящего к содержанию истории. Оценка может производиться либо прямо (через речь самого рассказчика), либо косвенно (через речь или поступки действующих лиц). Интересен вопрос о том, локализуется ли оценка на определенном участке текста. Согласно наблюдениям Лабова, в устных рассказах жителей черных кварталов Нью-Йорка оценка регулярно появляется перед разрешением, хотя и не всегда формирует отдельное тематическое единство (Labov 1972: 368ff). Нечто подобное происходит в предложениях 58–59 приложения А. Используя оценки такого рода, рассказчик временно приостанавливает описание развития действий, настраивает слушателя на ожидание разрешения истории (см. 15.1.5 ниже) и побуждает его к эмоциональному отклику. Как отмечает Лабов, «при искусном исполнении [оценки] … разрешение истории становится значительно более мощным» (Labov 1972: 374). Впрочем, даже если за оценкой и закрепляется какая-то конкретная позиция в нарративной схеме, она обычно встречается и в других местах истории — см., например, предложения 7–8 в приложении А.

15.1.5. Результат/разрешение

Результат, или **разрешение**, — это часть истории, в которой завершается ее усложнение. Здесь дается ответ на вопрос: «Что же в конце концов произошло?» Считается, что тот или иной способ разрешения конфликта реализуется практически во всех народных сказках (см. Fischer 1963: 237). Термин «разрешение», однако, совершенно не обязательно подразумевает «счастливый конец». «Плохие» концовки характерны не только для все большего количества письменных нарративных текстов: «ряд историй, принадлежащих к устным традициям, с точки зрения западного читателя заканчиваются “плохо”» (Brewer 1985: 183ff). Функция разрешения — не представить «счастливый конец» истории, а скорее подтвердить взгляд рассказчика на мир, каким бы этот взгляд ни был.

---

[90] В приложение представлен фрагмент текста, взятый не из начала рассказа. Поэтому неудивительно, что в этом фрагменте отсутствуют заголовок, резюме и ориентация. (*Прим. пер.*)

В пределах разрешения часто можно выделить **кульминацию** истории. В словаре Ожегова кульминация определяется как «точка наивысшего напряжения, подъема, развития». Кульминации часто непосредственно предшествуют те или иные риторические приемы, позволяющие замедлить развитие истории и создать ожидание близкой кульминации. К числу таких приемов относится ввод фоновой информации, в том числе оценки (см. выше), и использование техники *head-tail* для связи между предикациями (см. раздел 4.1).

Еще одна часть, выделяемая внутри разрешения, — это **развязка**, т. е. событие или группа событий, которые продвигают повествование от кульминации по нисходящей и в которых разъясняется конечный итог истории (см. Longacre 1996: 37). В приложении A развязкой можно считать предложения 76–79.

15.1.6. Кода

Кода, или **эпилог**, — это заключительная, несобытийная часть повествования, в которой «делается тот или иной обобщающий комментарий к истории, подводится ее итог или сообщаются сведения о судьбе героев после разрешения» (Brewer 1985: 183); например, *И жили они долго и счастливо*. В коде также может содержаться объяснение описанных ранее фактов, мораль или подытоживающая оценка (см. предложение 80 в приложении A). Использование коды характерно для многих устных традиций: так, в Brewer 1985 приводятся описания стандартных код (состоящих из различных наборов элементов) в индейских языках клакамас и шошоне, африканских языках лимба и ханга, в шерпском языке (Непал). И хотя в современной западной письменной традиции не считается модным подытоживать историю или снабжать ее явно выраженной моралью, «в некоторых случаях используются эпилоги, в которых сообщаются дополнительные сведения о развитии событий после разрешения основного конфликта» (Brewer 1985: 186).

В абсолютном конце истории может обнаруживаться стандартное **заключение**, или **концовка**. В устных традициях «стандартные концовки используются крайне широко» (Brewer 1985: 183). Это могут быть как простые формулы вида «Вот и всё» (например, именно такие используются в гуарани), так и более сложные, красочные выражения — наподобие вот такого: «Пусть у тебя в сарае станет больше паразитов, а у меня в загоне — больше коров» (пример из кенийского языка камба, приводится в Finnegan 1970: 380 и цитируется в Brewer 1985). В западных письменных текстах в качестве стандартной концовки прежде использовалось слово *Конец*, но теперь это большая редкость (Brewer 1985: 186).

Можно заметить, что отдельные элементы нарративной схемы естественным образом связаны с определенными типами информации (см. главу 12):

- в ориентации в первую очередь описывается обстановка и представляются действующие лица;
- усложнение и разрешение истории состоят из событий;
- оценка локализуется в одноименном элементе нарративной схемы;
- в резюме и коде содержится подытоживающая информация.

Нарративные схемы можно считать отражением наиболее продуктивных моделей распределения фоновой информации и информации переднего плана в рассказе; при этом в некоторых случаях нет оснований считать, что говорящий осознанно опирается на ту или иную схему (а не просто следует некоторой продуктивной модели). В других случаях, когда мы наблюдаем повышенную регулярность использования одной и той же модели, можно говорить о ее закреплении в качестве нарративной схемы.

15.2. Модели повторов

Помимо нарративных схем подвергаться стандартизации могут и другие аспекты организации повествования. Так, в устных историях часто реализуются стандартные **модели повторов**. Вот что пишет об этом У. Брюэр:

> «Крайне частая характеристика устных традиций — это повторение типов персонажей (три брата, три чудовища и т. д.). Количество повторов варьируется в разных культурах. У северо-западных индейцев клакамас это пять (Jacobs 1959: 224), у навахо — четыре (Toelken 1981: 167), в западной устной традиции — три, как, например, в «Трех медведях» (см. Olrik 1965 (1909): 133)». (Brewer 1985: 181)

Повторяться могут не только типы персонажей, но и эпизоды: «главный герой может сначала произвести одно действие, а затем — следующее, похожее на первое» (Brewer 1985: 182). Судя по всему, в устных традициях есть немало стандартизированных моделей повторов.

15.3. Стандартные механизмы в устных и письменных традициях

В устных традициях в целом чаще, чем в письменных, используются стандартные вступления и концовки. С чем это может быть связано? По мнению Брюэра, устному рассказчику необходимо провести четкую

границу между своей историей и обычным разговором: ведь в его распоряжении нет книжной обложки, реализующей эту задачу в письменной традиции (см. Brewer 1985: 189). В некоторых вступлениях такая граница проводится с максимальной наглядностью — как, например, в следующем примере на языке ашанти (Гана): «Нет, мы не имеем в виду, мы не имеем в виду [что то, что мы сейчас расскажем, — правда]» (Rattray 1969: 55).

Стандартные модели повторов в устных рассказах, возможно, нужны для того, чтобы способствовать плавности речи рассказчика и разгрузить память как говорящего, так и слушающего (Brewer 1985: 189f). Практически то же самое верно и для нарративных схем.

Вне зависимости от их происхождения или логического обоснования стандартные механизмы организации дискурса можно представить в виде своего рода шаблонов. Распознав подобный шаблон в тексте, слушающий сразу же использует его для построения ментальной репрезентации сверху вниз (см. раздел 9.4), а последующий материал легко добавляет в нужное место репрезентации. Неудивительно, что слушающие используют все имеющиеся возможности для сокращения затрат при построении ментальных репрезентаций.

Ключевые понятия

- нарративная схема
    - заголовок или резюме
    - вступление
    - ориентация
    - усложнение, или закручивание сюжета
    - оценка
    - результат, или разрешение
        - кульминация
        - развязка
    - кода или эпилог
        - заключение, или концовка
- модели повторов
- стандартные механизмы в устной и письменной традициях

ГЛАВЫ 16–18. СПОСОБЫ УПОМИНАНИЯ ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦ

Глава 16. Основные понятия референции

Понимать, как в дискурсе устроено упоминание действующих лиц и прочих объектов, важно по двум причинам. С одной стороны, слушающему (или исследователю дискурса) нужно знать, кто совершает какие действия по отношению к кому. С другой стороны, автор дискурса должен сам заботиться о том, чтобы эти сведения были понятны слушателям или читателям. Это непростая задача, ведь в языках действуют различные модели референции. Хорошая новость состоит в том, что во всех этих моделях отображаются уже знакомые нам модели познания и дискурсивной организации.

В этой и следующей главах мы рассмотрим основные модели референции в нарративе. В дальнейшем, отталкиваясь от нарратива, вы сможете самостоятельно анализировать тексты других жанров.

16.1. Языковые средства референции

Т. Гивон предложил получившую широкую известность шкалу языковых средств референции (Givón 1983: 18):

(77) **Шкала полноты референциальных выражений**

МАКСИМАЛЬНАЯ ПОЛНОТА:	полные именные группы
	ударные/независимые местоимения
	безударные/связанные местоимения («согласование»)
МАКСИМАЛЬНАЯ РЕДУКЦИЯ:	нулевая анафора

(Под **нулевой анафорой** понимается отсутствие какого-либо явного референциального выражения, в том числе согласовательного маркера.)

Можно считать, что в (77) представлена своего рода шкала языковой значимости, которая иконическим образом соответствует информационной значимости. Это согласуется с общим принципом, по которому языковая значимость нарастает с увеличением значимости информационной (см. там же и Givón 1990: 969). Позже мы рассмотрим конкретные

проявления этой тенденции, но сначала нужно разобраться, как языки различаются между собой в реализации шкалы (77).

Основной параметр различия — это то, какие референциальные средства с большей степенью редукции, чем полные именные группы, доступны в данном языке.

- В языках изолирующего строя, разумеется, полностью или почти полностью отсутствуют согласовательные маркеры. В прочих языках глагол может согласовываться с различным (от одного до трех) количеством аргументов.
- В так называемых pro-drop-языках (языках с опущением личных местоимений; применительно к этой ситуации также применяется приведенный выше термин «нулевая анафора») часто отсутствуют независимые личные местоимения. В языках типа английского, напротив, независимые местоимения широко используются.
- Языки существенно различаются между собой в том, какой набор информации выражается при помощи местоимений и согласовательных маркеров. В одних языках может кодироваться только лицо, в других — лицо, число, род или класс существительных, отношение говорящего к упоминаемому участнику (гонорифический статус) и проч.

Отсюда следует, что конкретное наполнение шкалы (77) различно для разных языков. Тем не менее та или иная версия этой шкалы — с общими закономерностями — реализуется во всех языках.

16.2. Функции референциальных систем

В любом языке система референциальных выражений должна реализовывать три функции.

(78) Три функции референциальной системы

Семантическая функция: избегать неоднозначности в определении референтов.

Дискурсивно-прагматическая функция: указывать статус активации и приоритетность референтов или выполняемых ими действий.

Функция обработки дискурса: преодолевать разрывы в потоке информации.

Точная идентификация референтов, которая реализуется в рамках **семантической функции**, — понятие относительное: в действительности референты крайне редко идентифицируются при помощи безусловно однозначных выражений. Так, в начале отрывка из приложения А (не являющегося абсолютным началом текста) друг рассказчика упомянут по имени — *Юра*. В дальнейшем для обозначения этого же референта также используются выражения *мой кумир, он* и *мой давний товарищ Юра Ставракиди*. Цель автора состоит не в том, чтобы отличить данный референт от всех теоретически возможных других (в конце концов, Юрой зовут многих людей), а в том, чтобы отличить его от других *практически* возможных в данной ситуации референтов. Адресат, в свою очередь, сканирует текущее состояние своей ментальной репрезентации в поисках возможных для данного выражения референтов — и выбирает тот из них, который в наибольшей степени подходит к сказанному (с точки зрения применяемой схемы или какой-либо иной ожидаемой структуры, см. раздел 9.4). Неудивительно, что когда с имеющимся контекстом согласуются сразу несколько референтов, языковое выражение становится более конкретным[91]. В целом, семантический аспект референции предсказывает, что *объем кодирующего материала в референциальном выражении будет возрастать с увеличением риска неоднозначности*[92]. Как правило, при обработке клаузы слушающему достаточно получить «достоверные данные» только об одном актанте: прочие участники ситуации могут быть идентифицированы на основании сочетаемостных ограничений и контекста.

В соответствии с **дискурсивно-прагматической функцией** объем кодирующего материала зависит от статуса активации референта или его приоритетности: *чем выше статус активации, тем меньше требуемый объем кодирующего материала* (см. раздел 10.1). В традиции анализа нарратива принято говорить, что действующие лица «вводятся», «остаются на сцене» и «удаляются со сцены»; после удаления они могут в какой-то момент быть «введены заново» или «возвращены на сцену».

---

[91] Согласно Grimes 1975 (с. 261, 269), в каждый момент повествования активными обычно могут быть не более трех действующих лиц.

[92] Стоит отметить, что это не единственная причина использования развернутых референциальных выражений. Так, употребляя в заключительном предложении приложения А именную группу *мой давний товарищ Юра Ставракиди*, автор, по всей видимости, не стремится устранить какую бы то ни было неоднозначность. Скорее, речь идет о достижении особого художественного эффекта, связанного с дополнительной оценкой в рамках коды (см. раздел 15.1). (*Прим. пер.*)

Используя более общую терминологию из раздела 10.1, можно сказать, что действующие лица активируются (в том числе — повторно), поддерживаются в активном статусе и дезактивируются (см. Chafe 1987; Givón 1990: 915). Активация обычно производится при помощи полной именной группы. Если речь идет о приоритетном для текста действующем лице, это может отражаться в дискурсивно-прагматическом оформлении этой именной группы: она часто оказывается в фокусе или составляет интонационное ядро интродуктивного предложения (см. пример (42) в главе 11). Для поддержания действующего лица в активном статусе достаточно минимального кодирования: согласования или местоимений. Наконец, дезактивация обычно не требует каких-либо специальных языковых средств: см. предложения 73–74 приложения А, в которых частичная дезактивация референта 'Юра' происходит за счет того, что этот персонаж попросту не упоминается. Отсюда следует, что центральные персонажи истории (см. раздел 17.2.1.), будучи однажды активированными, в дальнейшем обычно кодируются при помощи минимального языкового материала, тогда как для упоминания референтов, играющих в истории лишь кратковременную роль (в частности, многих пассивных участников), могут использоваться полные именные группы.

В целях облегчения **ОБРАБОТКИ ДИСКУРСА** *объем кодирующего материала обычно увеличивается при разрывах информационного потока*. В нарративе разрывы такого рода встречаются на границах тематических единств (см. главу 7), а также иногда при переключении между типами информации (например, от событий к не-событиям, см. главу 12)[93]. В таких точках для упоминания референтов обычно используются более полные языковые выражения.

Таким образом, каждая из трех рассмотренных выше функций референциальной системы иллюстрирует общую иконическую тенденцию, представленную на шкале (77).

Рассмотрим два примера. Согласно Givón 1983 (с. 141–214), в языке юте на выбор референциального выражения влияет его положение внутри тематического единства: начальное, срединное или конечное. Для последовательностей предложений с повторяющимся подлежащим реализуется следующая модель:

[93] Впрочем, в Fox 1987 (с. 163 и далее) приводятся примеры, в которых переключение между типами информации, судя по всему, не оказывает влияния на способ упоминания референтов.

(79) Референциальные выражения в предложениях с повторяющимся подлежащим в языке юте

в начале тематического единства:	полная именная группа
в середине тематического единства:	референциальный нуль
в конце тематического единства:	независимое местоимение

Эта модель согласуется с описанными выше функциями референциальной системы. После разрыва в информационном потоке на границе между тематическими единствами часто происходит повторная актуализация действующих лиц (см. раздел 7.4) — и потому неудивительно, что в этих местах используются полные именные группы. В середине тематического единства, пока действующие лица поддерживаются в активном статусе, требуется минимальное кодирование. Наконец, некоторое увеличение в объеме кодирующего материала в конце тематического единства связано с тем, что там обычно описываются события, реализующие основную задачу всего тематического единства; а такие события обладают повышенной приоритетностью. Аналогичные модели распределения референциальных средств внутри тематических единств используются и в других языках.

Как отмечает Б. Фокс, в английском языке «полные именные группы используются для указания на начало новой нарративной единицы» (Fox 1987: 168). Автор приводит следующий пример:

(80) ...She was in at least ten, maybe twenty fathoms of water. Then what was she standing on? For, there was no question that she was standing on something. She drained water from her mask and put her face down and saw that the manta had come beneath her and had risen, like a balloon, until it rested just at her feet.

Did it want something? Was it injured again? Paloma took a breath and knelt on the manta's ... (*Peter Benchley. The Girl of the Sea of Cortez*)

При первом упоминании героини во втором абзаце можно было бы использовать личное местоимение *she*: указание на действующее лицо было бы столь же однозначным, как и в предшествующем контексте. Однако употреблено имя собственное *Paloma*. Отметим, что эта же модель применена и в русском переводе:

(80a) …Она была не менее чем в десяти — двадцати саженях от берега. Но что же тогда у нее под ногами? Она вылила воду, набравшуюся в маску, опустила лицо в воду и увидела, что

манта-рэй подплыл к ней снизу и потом поднялся вертикально, как воздушный шарик, пока не коснулся ее ног.

Неужели ему что-то нужно? А вдруг он опять ранен? **Палома** набрала в легкие воздуху и опустилась на колени на спине манта-рэя... (*Питер Бенчли. Девушка из моря Кортеса*. Перевод М. Красавина)

Ключевые понятия

шкала полноты референциальных выражений
- нулевая анафора

три функции референциальной системы
- семантическая
- дискурсивно-прагматическая
- функция обработки дискурса

Глава 17. Стратегии референции

В главе 16 мы рассмотрели языковые средства референции и функции референциальных систем. В этой главе речь пойдет о том, как именно эти функции реализуются в дискурсе. Мы рассмотрим два типа **стратегий референции**: последовательные (или ретроспективные) стратегии и VIP-стратегии[94]. Во всех языках применяется и тот, и другой тип стратегий, но степень предпочтения одного типа перед другим, судя по всему, может существенно различаться.

17.1. Последовательные, или ретроспективные, стратегии

Существует несколько видов последовательных, или ретроспективных, стратегий референции. Все они характеризуются тремя общими чертами. Во-первых, они преимущественно нацелены на идентификацию референтов, выраженных языковыми средствами, находящимися на шкале полноты (77) ниже полных именных групп. Во-вторых, как следует из термина *ретроспективные* (*look-back*, см. Givón 1983: 13), в рамках таких стратегий идентификация референтов производится на основе того, какие референты упоминались недавно (возможно, с некоторыми ограничениями: например, в расчет принимаются только референты в роли подлежащего). В-третьих, в последовательных стратегиях не учитывается фактор дискурсивной организации (Fox 1987: 158).

Как отмечает Дж. Граймс, при **последовательной стратегии** «референция [языкового выражения, отличного от полной именной группы] обычно определяется на основе ближайшего слева подходящего слова» (Grimes 1978 viii). Под «подходящим словом» или синтаксической группой понимается антецедент, который имеет совпадающие с данным референциальным выражением значения грамматических категорий (например, числа и рода), соответствует данной пропозиции с точки зрения одушевленности и допустим в рамках текущей ожидаемой структуры.

При **субъектно-ориентированной последовательной стратегии** референт подлежащего главной клаузы (если он не выражен полной именной группой) отождествляется с референтом подлежащего предыдущей главной

[94] Это базовое противопоставление заимствовано нами из Grimes 1978 (с. vii-viii); там для того, что мы называем VIP-стратегией, используется термин «тематическая стратегия».

клаузы. Этот принцип един для всех упоминаемых референтов, в том числе для зайца и пса из отрывка (81):

(81) «Заяц и пёс», субъектно-ориентированная последовательная стратегия

1. Однажды **заяц** пришел и заговорил с псом.
2. **Он** сказал псу: «Зажарь нам на обед одного из твоих щенков!»
3. **Пёс** отказался.
4. **Заяц** спросил **его**: «Почему же ты не зажаришь?»
5. **Пёс** ответил: «…»

Субъектно-ориентированная последовательная стратегия может применяться в английском (см. Fox 1987: 162, 170f) и в русском языках. При отсутствии других значимых факторов (а также при совпадении рода) подлежащее, выраженное местоимением, кореферентно подлежащему предшествующей клаузы:

(82) Федор Павлович, который сам дал слово усесться на стуле и замолчать, действительно некоторое время молчал, но с насмешливою улыбочкой следил за своим соседом Петром Александровичем и видимо радовался его раздражительности. **Он** давно уже собирался отплатить ему кое за что и теперь не хотел упустить случая. (*Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы*)

В примере (82) выделенное местоимение *он* отсылает к Федору Павловичу, т. е. к референту предшествующего подлежащего (а не, например, к Петру Алексеевичу, т. е. к референту предшествующего дополнения). Если же происходит смена подлежащего, необходимо использовать полную именную группу (в примере (83) местоимение *он* в первом предложении отсылает к референту ‘Литвинов’):

(83) **Он**$_i$ вдруг очутился перед скамейкой, увидал возле нее чьи-то ноги, повел вверх по ним глазами… Ноги эти принадлежали человеку, сидевшему на скамейке и читавшему газету; человек этот оказался Потугиным. **Литвинов**$_i$ издал легкое восклицание. (*И. А. Тургенев. Дым*)

Как пишет Б. Фокс, большой процент накопленных данных о референции в разных языках можно объяснить, опираясь на последовательные референциальные стратегии[95]. Однако только их, по ее мнению,

[95] Фокс следующим образом подытоживает данные из Givón 1983: «Во впечатляющем по объему материале из нескольких неродственных языков обнаружилось, что местоимения используются в случаях, когда расстояние до предыдущего упоминания референта мало (при этом между ними

недостаточно: из описанных выше правил существует множество исключений, кроме того, в последовательных стратегиях не учитываются факторы дискурсивной структуры. См. также близкие наблюдения в Tomlin 1987: 456.

17.2. VIP-стратегии

При **VIP-стратегии**[96] «один референт выделяется среди других при первом упоминании, а в дальнейшем для указания на него используется особый набор единиц, вне зависимости от того, сколько других объектов было упомянуто непосредственно перед этим» (Grimes 1978: viii). Если применить VIP-стратегию к тексту «Заяц и пёс», выделив пса в качестве VIP, то получится нечто вроде (84), где при помощи *X* обозначено некоторое языковое средство выражения особого статуса этого референта:

(84) **«Заяц и пёс» с** VIP **стратегией**

1. Однажды заяц пришел и заговорил с **псом-**Х.
2. Заяц сказал Х-у: «Зажарь нам на обед одного из твоих щенков!»
3. Х отказался.
4. Заяц спросил Х-а: «Почему ты не зажаришь?»
5. Х ответил: «…»

Действующее лицо может получать статус VIP как на глобальном уровне (для всего текста), так и на локальном уровне (в рамках отдельного тематического единства). Каким бы ни был этот уровень, релевантная часть текста оказывается в некотором смысле посвященной этому действующему лицу: соответствующий фрагмент ментальной репрезентации будет особым образом привязан к VIP. И эта структурная особенность ментальной репрезентации чаще всего будет не просто сводиться к некоторой общей идее приоритетности одного референта, а иметь конкретные языковые проявления. Как и в других случаях, нас интересуют именно такие языковые модели, ведь они, как правило, отображают определенные содержательные категории.

не вклиниваются другие референты), в то время как полные именные группы используются, когда расстояние более значительно (и/или есть вклинивающиеся референты)» (Fox 1987: 158).

[96] В данном случае VIP расшифровывается как Very Important Participant, т. е. ‘очень важное действующее лицо’. (*Прим. пер.*)

17.2.1. Главные и второстепенные действующие лица, глобальные VIP

Подобно тому как в некоторых языках проводится различие между главными и второстепенными событиями (см. раздел 12.2), существуют также языки, в которых на глобальном текстовом уровне действуют разные модели референции для главных и второстепенных действующих лиц (заметим, что ни к одному из этих типов не относятся пассивные участники, см. раздел 7.4). Под **главными действующими лицами** (*major participants*) понимаются такие, которые активны на протяжении большей части повествования и играют в нем ведущие роли; второстепенные действующие лица (*minor participants*), в свою очередь, активируются ненадолго и затем утрачивают активацию. К главным действующим лицам часто применяется особая модель референции, а также особый способ первого упоминания.

Для того чтобы ввести в рассмотрение главных действующих лиц, часто используются специальные интродуктивные формулы, в случае со второстепенными действующими лицами этого не происходит. Под **интродуктивными формулами** (*formal introductions*) мы понимаем языковые средства, при помощи которых говорящий сообщает слушающему, что тому не только необходимо активировать новое действующее лицо, но также и нужно быть готовым в дальнейшем строить вокруг этого лица существенную часть ментальной репрезентации. Этот приоритетный статус может быть передан как на пропозициональном уровне (например, при помощи интродуктивной конструкции), так и на уровне отдельного концепта (в частности, посредством того или иного показателя неопределенности).

Как мы помним из раздела 11.2, в интродуктивных предложениях новый референт оказывается в фокусе и ему обычно предшествует бытийный глагол. Иными словами, для активации референта и указания на его приоритетный статус в этом случае используется целая пропозиция. Действующие лица, введенные в рассмотрение подобным образом, обычно играют в дальнейшем повествовании важную роль.

(85) Мбиа гуарани

a.

Yma	je	o-iko	mokoi	ava-kue.
давно	говорят	3-быть	два	мужчина-COLL

‘Давным-давно жили двое мужчин’

b.

Ha’e	kuery	ma	je	o-mba’e-apo	petei
3.ANA	COLL	граница	говорят	3-вещь-делать	один

jurua	pe.
не.индеец	DAT

‘Они работали вместе на одного не-индейца’.

В (85) за интродуктивным предложением (a) следует (b), в котором представленный до этого референт становится темой. Таким образом, только что созданный узел ментальной репрезентации сразу же начинает использоваться приоритетным образом.

Для ввода главных действующих лиц, помимо интродуктивных предложений, могут также употребляться различные неактивные предложения с глаголами типа ‘иметь’. В примере (86) реализовано тема-рематическое членение, а вводимые в рассмотрение сыновья попадают в фокус:

(86) Греческий койне (Лк. 15:11):

anthro:pos	tis	eichen	duo huious
человек	некоторый	имел	два сына

‘У одного человека было два сына’

Как уже обсуждалось в разделе 10.2, при упоминании неопределенного референта говорящий указывает слушающему, что тот должен создать новый слот или новый узел в своей ментальной репрезентации. Во многих языках существуют способы выразить значение неопределенности таким образом, чтобы слушающий понимал, что создаваемый им объект будет претендовать на приоритетную позицию. Так, довольно часто для представления главных действующих лиц используются специальные слова со значением ‘один, некоторый’ (см. Hopper, Thompson 1984: 719). Это можно наблюдать и в примерах (85b) (*petei* ‘один’) и (86) (*tis* ‘некоторый’).

Впрочем, если главное действующее лицо уже хорошо известно слушающим, нужда в интродуктивных формулах часто отпадает:

(87) Мбиа гуарани

nhande-ru	tenonde	yvy	o-nhono
1+2-отец	впереди	земля	3-класть

‘Наш первый отец создал землю’.

Иногда модель референции в языке устроена так, что среди главных действующих лиц выделяется **глобальный VIP**[97]. Будучи введенным в рассмотрение, глобальный VIP в дальнейшем обычно упоминается при помощи минимальных — и при этом практически одних и тех же — языковых средств. Например, в языке мамбила (бантоидный язык с носителями

[97] Мы будем считать, что в тексте не может быть более одного глобального VIP. Иногда вместо глобального VIP используют термин *главный персонаж*, однако в этом случае скорее имеют в виду не особенности референциальной стратегии (важные для нашего понимания VIP), а приоритетную роль в развитии сюжета.

в Нигерии и Камеруне) глобальные VIP после ввода в рассмотрение упоминаются при помощи нулевой анафоры, если они играют роль подлежащего, и при помощи местоимения третьего лица единственного числа *bú* в остальных случаях (см. Perrin 1978: 110).

(88) a. Neye woh tohtoh da, heh tull **bú**.
Человек брать птица которая дать положить к.нему
'Человек взял ту птицу и отдал ее ему'.

b. **ø** ndi ka eh seh.
идти еще с этим
'Он ушел с ней'.

c. **ø** nda baneh a mi neye deh a.
идти PTCP LOC дом человек некоторый DIR
'Он пошел к дому некоторого человека'.

d. Mun a neye dehne whe dehneneh.
Ребенок POSS человек сидеть плакать CONT
'Ребенок человека сидел и плакал'.

e. **ø** jia me a ndia, "..."
сказать мать к так
'Он сказал матери: «…»'

f. Me jia **bú** a, "..."
мать сказать ему к
'Мать сказала ему: «…»'

g. **ø** jia ma a, "..."
сказать мать к
'Он сказал матери: «…»'

В то время как «главное действующее лицо [в нашей терминологии, глобальный VIP] после ввода в рассмотрение маркируется минимальными средствами ... для прочих действующих лиц при каждом новом упоминании используются существительные» (Perrin 1978: 110f, там же см. о некоторых исключениях из этого правила). Так, референт 'мать' на протяжении всего отрывка (88) упоминается при помощи полной именной группы.

Иногда для глобальных VIP зарезервировано отдельное местоимение, но так бывает редко.

Представление **второстепенных действующих лиц** обычно выполняется при помощи полных именных групп, но без использования интродуктивных формул. Такие действующие лица часто бывают активны только на протяжении некоторого фрагмента повествования.

17.2.2. Локальные VIP

Даже если в тексте нет глобального VIP, у отдельных тематических единств может обнаруживаться свой **локальный VIP**. Такое действующее лицо иногда называют тематическим для данного единства (см. Grimes 1975). Выразить этот статус можно различными языковыми средствами; ниже мы рассмотрим два возможных способа.

Первый способ состоит в том, чтобы практически в каждом предложении своего тематического единства локальный VIP играл роль темы или подлежащего. Иногда для реализации этого способа требуется прибегать к пассивизации или другим операциям по изменению валентной структуры. Примеры можно найти в некоторых араванских языках Бразилии, где тематическое действующее лицо регулярно составляет тему или **синтаксическую ось**[98] предложения. Ниже показано, как мог бы выглядеть текст «Заяц и пёс» в таком языке (условный префикс *O*- указывает на то, что синтаксической осью является дополнение основного глагола):

(89) «Заяц и пёс»: адаптация для одного из араванских языков

1. Однажды заяц пришел и заговорил с **псом**.
2. Заяц *O*-сказал: «Зажарь нам на обед одного из твоих щенков!»
3. **Ø** отказался.
4. Заяц *O*-спросил: «Почему ты не зажаришь?»
5. **Ø** ответил: «…»

На статус пса как локального VIP указывает то, что на протяжении предложений 2–5 этот референт составляет синтаксическую ось и упоминается при помощи анафорического нуля.

Другой способ отличить локального VIP от других действующих лиц используется во многих африканских языках. Он предполагает, что локальный VIP оказывается единственным активированным референтом, в выражение которого НЕ входит определяющее слово (как, например, указательное местоимение ‘тот’ в следующем примере):

[98] Синтаксической осью (*pivot*) называется такое грамматическое отношение, маркирование которого внутри клаузы (чаще всего — на глаголе) связано с приданием ему привилегированного синтаксического статуса (Van Valin 1993: 56ff).

(90) «Заяц и пёс»: адаптация для языка кааба (Центральноафриканская Республика)

1. Однажды тот заяц пришел-и-заговорил с **псом**.
2. Он сказал: «Зажарь нам на обед одного из твоих щенков!»
3. В-то-время **пёс** отказался.
4. В-то-время тот заяц спросил: «Почему ты не зажаришь?»
5. В-то-время **пёс** ответил: «…»

В завершение приведем следующие четыре наблюдения:

- Если в повествовании есть как глобальный, так и локальные VIP, глобальный VIP чаще всего не совпадает ни с каким локальным — даже в тех отрывках, в которых он принимает непосредственное участие.
- Возможно частичное использование локальных VIP: в одних тематических единствах они встречаются, в других нет — и тогда там применяется последовательная стратегия референции.
- Во время кульминации повествования локальными VIP могут стать все главные действующие лица, либо ни одно из них[99].
- В конкретном языке локальные VIP могут встречаться преимущественно в устной форме.

Понятие локального VIP может быть включено в более широкую категорию **центра внимания**. Так, есть основания полагать, что в английском языке в каждый момент времени в центре внимания может находиться только один активный концепт. По мнению Ш. Линде, только концепт, помещенный в центр внимания, может быть выражен при помощи местоимения *it* (Linde 1979). Рассмотрим примеры (91) и (92), взятые из описания квартир:

(91) And the living room was a very very small room with two windows that wouldn't open and things like that. And it looked nice. It had a beautiful brick wall.

Гостиная же оказалась крохотной комнатой на два окна, которые и не открывались, и так далее. А выглядела **она [*it*]** симпатично, и у **нее [*it*]** была красивая кирпичная стена.

[99] В таких случаях, возможно, будет использоваться последовательная стратегия, а для указания на приоритетность говорящие будут прибегать к более полным языковым средствам.

(92) You entered into a tiny hallway and the kitchen was off that.

Далее следовал малюсенький коридор, а кухня была в конце **него** [***that***].

Как полагает Линде, оба использования *it* в (91) связаны с тем, что местоимение отсылает к объекту, находящемуся в центре внимания (в данном случае — к гостиной). В свою очередь, в (92) используется другое местоимение, *that*, — и это объясняется тем, что оно указывает на коридор, тогда как говорящий уже поместил в центр внимания новый объект — кухню. Безусловно, подобные тонкие наблюдения нуждаются в дальнейшей проверке, однако необходимо признать, что ни замена *it* на *that* в (91), ни обратная замена в (92) практически невозможны (по крайней мере, тексты становятся весьма странными). При этом активный статус референта ‘коридор’ не может быть подвергнут ни малейшему сомнению.

17.3. Как описывать референциальные системы

В конкретном языке при выборе референциального выражения стратегии референции, описанные в этой главе, могут вступать в сложные взаимодействия с базовыми функциями референциальных систем, рассмотренными в разделе 16.2. Удобный способ справиться с этой сложностью состоит в том, чтобы разбить описание референциальной системы на два уровня: отдельно разобрать стандартную модель и отдельно — особые случаи.

- **Стандартная модель** референции используется при отсутствии разного рода смущающих факторов: значимых тематических разрывов, неожиданностей и прочих осложнений.
- **Особые случаи** реализуются при наличии дополнительных факторов такого рода.

Опираясь на такой формат описания и устанавливая порядок применения правил, можно учесть большое количество вариантов. Судя по всему, во многих языках стандартной моделью будет тот или иной тип последовательной стратегии, а VIP-стратегии будут составлять особые случаи. И это, с одной стороны, объясняет статистическую значимость последовательных стратегий, отмеченную в Fox 1987 (с. 159), а с другой стороны, позволяет рассмотреть исключения и принять во внимание дополнительные факторы.

В (93) представлено упрощенное описание правил кодирования подлежащего в английском языке; см. также разбор текста на языке мофу-годур в разделе 18.2.

(93) **Кодирование подлежащего в английском языке, упрощенная версия**
(Fox 1987)

Стандартная модель: • Если подлежащее то же, что и в предыдущей клаузе, используй местоимение. Особые случаи: • В начале нового тематического единства используй полную именную группу. • и т.д. …

В разных языках используются разные стратегии референции, а в пределах одного языка могут наблюдаться существенные вариации, связанные с жанром, индивидуальным стилем и модусом (устным vs. письменным), т. е. с типами текстов, рассмотренными в главах 1–4. В следующей главе мы представим возможную методику исследования моделей референции.

Ключевые понятия

стратегии референции
- последовательные (ретроспективные) стратегии
- VIP-стратегии
  - глобальные стратегии
    - главные и второстепенные действующие лица
    - глобальные VIP
  - локальные стратегии
    - локальные VIP
    - центр внимания
- стандартная модель/особые случаи при описании референциальной системы

Глава 18. Методика исследования моделей референции

Чем больше мы уверены в законе, тем нам яснее, что при вмешательстве новых факторов изменится и результат.
Клайв Льюис. *Чудо.* Перевод Н. Л. Трауберг

В этой главе мы опишем методику, позволяющую определить, какие факторы влияют на объем кодирующего материала, используемого говорящими конкретного языка при упоминании действующих лиц. Методика включает в себя восемь шагов[100]. Перечислим их по порядку в формате инструкции.

18.1. Определите набор способов упоминания действующих лиц

Составьте список различных способов упоминания действующих лиц в исследуемом языке. Чаще всего эти способы можно сгруппировать в четыре категории на основании объема кодирующего материала — те самые категории, которые составляют шкалу полноты референциальных выражений по Гивону (см. раздел 16.1).

Ниже в (94) мы рассмотрим в качестве иллюстрации нашего подхода текст на языке мофу-гудур (Камерун). В этом тексте представлены все четыре категории: нулевая анафора (отсутствие какой-либо именной группы, ниже обозначается символом –––), безударные местоимения (далее мы будем называть их глагольными префиксами и суффиксами), ударные местоимения (PN) и существительные с определительными словами или без них[101]. Глагольные префиксы в мофу-гудур обязательны и указывают на единственное (3Sg) либо множественное (3Pl) число подлежащего. Исключение составляют звукоподражательные глаголы (идеофоны) — они употребляются без префиксов.

[100] По большей части изложение в этой главе следует работе Levinsohn 1994 (с. 112–120). Впрочем, шаги 4 и 5 подверглись определенной модификации.

[101] О функциях определительных слов см. Pohlig, Levinsohn 1994. В таблице в разделе 18.2 мы не отмечаем наличие определительных слов, которые употребляются для локального выделения референтов.

18.2. Занесите данные об упоминаниях в тексте действующих лиц в таблицу

Начинать изучение способов упоминания действующих лиц лучше с текста от третьего лица, отвечающего критериям, которые были описаны в разделе 8.1. В таблице необходимо предусмотреть отдельные столбцы для упоминания подлежащих и несубъектных членов предложения.

В приведенной ниже таблице (94) всего пять столбцов. В первом столбце отмечается номер предложения, за ним следует необязательная колонка, в которой записываются межпропозициональные коннекторы и разделители (SP; см. раздел 11.7). В двух следующих столбцах указываются способы упоминания соответственно подлежащего и не-подлежащего (используются обозначения, описанные в разделе 18.1). В частности, если не-подлежащее выражено исключительно при помощи глагольного суффикса, это явным образом указывается в соответствующем столбце. В последнем столбце приводится свободный перевод оставшегося в клаузе материала. Сюда же включается содержание цитируемой речи, поскольку та занимает вложенную позицию в общей структуре повествования. Идеофоны обозначаются при помощи восклицательного знака.

(94)

№	**Коннекторы**	**Подлежащее**	**Не-подлежащее**	**Свободный перевод**
1		странник [1]		3Sg-быть
2a		жена DEF [2]		3Sg-не найти что-то;
2b		PN [1]		3Sg-не найти что-то.
3	затем	голод	(суффикс) [1]	3Sg-поражать-3Sg.
4a	потом	––– [1]		3Sg-идти
4b		––– [1]		3Sg-путешествовать.
5a		––– [1]		3Sg-идти
5b	SP	––– [1]	сидящие дети [3]	3Sg-видеть.
6		––– [1]	(суффикс) [3]	3Sg-обратиться-к.3Pl, «Что вы делаете?»
7		дети [3]	(суффикс) [1]	«Мы сидим здесь сторожим», 3Pl-отвечать-3Sg таким образом.

№	Кон-нек-торы	Подлежащее	Не-подлежащее	Свободный перевод
8		––– [1]	––– [3]	––– «Что вы сторожите?»
9		––– [3]	––– [1]	––– «Овец и коз».
10		––– [3]	странник DEF [1]	3Pl-отвечать: «Ты вор?»
11a		––– [1]	––– [3]	––– «Стану ли я красть у детей?
11b				Эй ты, как ты вытираешь руки?»
12		ребенок [3a]	––– [1]	3Sg-сказать: «Я их вытираю вот так».
13		––– [1]		––– «Эй ты, ты и дома так делаешь?»
14a		ребенок [3b]	––– [1]	3Sg-сказать: «Я вытираю вот так»,
14b		––– [3b]		показывая, как глухонемой.
15		странник [1]		3Sg-сказать: «Эй ты, как ты вытираешь руки?»
16		––– [3c]	––– [1]	––– «Отец дает мне мыло».
17		странник [1]	ребенку DEF [3c]	3Sg-сказать: «Пойдем к тебе домой!»
18	потом	––– [1/3c]	с ребенком DEF [3c]	3Pl-идти к их дому.
19a		––– [1/3c]		3Pl-идти к их дому
19b	SP	человек тот [4]	коза [5]	зарезать! 3Sg-зарезать.
20		––– [4]		3Sg-сказать: «Пришел странник».
21	потом	женщина та[6]	(суффикс глагола) [1/4] мясо это [5]	3Sg-приготовить-для.3Pl
22	потом	––– [1/4/6?]	(суффикс глагола) [5]	3Pl-съесть-3Sg
23		странник [1]		3Sg-сказать: «Пожалуйста, дайте мне копыто!»

№	Коннекторы	Подлежащее	Неподлежащее	Свободный перевод
24		женщина та [6]	мужу [4]	––– «Тогда дай ее ему!»
25		муж DEF[4]	(суффикс глагола) [6]	3Sg-обратиться-к.3Sg: «Как я могу дать ему только копыто?»
26		женщина та [6]		3Sg-сказать: «Я иду к реке».
27		муж DEF [4]	для странника [1]	встать! чтобы идти 3Sg-искать что-то
28a		странник SP [1]	в кухню	на цыпочках! входить!
28b		––– [1]	копыто [5]	3Sg-украсть.
29a		––– [1]	копыто [5]	3Sg-украсть
29b		––– [1]	(суффикс глагола) [5a]	3Sg-скрипнуть-3Sg
29c	SP	Муж женщины той [4]		вернуться!
29d		женщина та [6]	от реки	вернуться!
30	затем	стыд	(суффикс глагола) [4/6]	3Sg-наполнить-3Pl
31		странник [1]	(суффикс глагола) [4/6]	3Sg-обратиться-к.3Pl: «Только оставьте мне копыто...!»
32		история DEF		3Sg-закончиться.

18.3. Проставьте номера референтов

Каждому референту, упоминаемому в тексте более одного раза, нужно присвоить номер. В таблице все упоминания (в том числе и нулевые) размечаются при помощи этих номеров.

Так, в (94) нумеруются следующие референты: [1] странник, [2] его жена, [3] дети, [3a]/[3b]/[3c] каждый из детей по отдельности, [4] отец детей, [5] коза/ее мясо, [5a] приготовленное копыто козы, [6] мать детей.

18.4. Опишите контекст каждого упоминания

Сначала нужно выяснить, в каком контексте упомянуто каждое *подлежащее*. Определите, какой из следующих случаев реализован в каждом предложении/каждой клаузе:

(95) S1 подлежащее данной клаузы совпадает с подлежащим предыдущей клаузы/предыдущего предложения

S2 референт, выраженный подлежащим, в предыдущем предложении был адресатом передаваемой речи (в замкнутом разговоре, см. главу 14)

S3 референт, выраженный подлежащим, в предыдущем предложении выполнял роль, отличную от подлежащего и от адресата передаваемой речи

S4 референт, выраженный подлежащим, не выполнял в предыдущем предложении ни одну из ролей, перечисленных в пунктах S1–S3

В (96) представлены примеры каждого из четырех случаев — в качестве иллюстрации взяты русские предложения, основанные на тексте (94) из мофу-гудур. Подлежащие, упомянутые в соответствующих контекстах, выделены полужирным шрифтом.

(96) S1 Странник вошел на кухню. **Он** украл копыто.

S2 Мальчики спросили странника: «Ты вор?» **Он** ответил…

S3 Голод поразил странника. **Он** отправился на поиски еды.

S4 Тогда их наполнил стыд. **Странник** сказал им…

Как правило, контекст S1 также применим к ситуациям, когда подлежащее и другой член предшествующего предложения в новом предложении формируют единое подлежащее во множественном числе. Так, в примере (97) *они* указывает одновременно на странника и на мальчика. Чаще всего такие случаи оформляются в языке так же, как обычные контексты с совпадением подлежащего.

(97) S1 Странник сказал мальчику: «Пойдем к тебе домой». **Они** пошли.

Каждое подлежащее текста нужно разметить значениями S1, S2, S3 или S4 — в зависимости от контекста, в котором оно упомянуто. Вот, например, как будет выглядеть разметка подлежащих в первых семи предложениях текста (94) (обозначение INTRO используется для первого упоминания референта):

(98) 1 INTRO
2a INTRO
2b S4
3 INTRO
4a S3
4b-6 S1
7 S2

Следующий шаг — это определение контекстов, в которых упоминаются референты, *не являющиеся подлежащими*. Тут возможны следующие варианты:

(99) NS1 в предыдущем предложении референт играет ту же несубъектную роль, что и в данном предложении

NS2 в данном предложении референт выступает в качестве адресата речи, а в предыдущем предложении был субъектом (говорящим) передаваемой речи

NS3 в предыдущем предложении референт играет роль, отличную от описанных в NS1 и NS2

NS4 референт не выполнял в предыдущем предложении ни одну из ролей, перечисленных в пунктах NS1–NS3

В (100) приведены русифицированные примеры на эти четыре случая, основанные на тексте (94). Несубъектные элементы, упомянутые в соответствующих контекстах, выделены полужирным шрифтом.

(100) NS1 Он украл копыто. Когда он украл **копыто**...

NS2 Он сказал им… Дети ответили **ему**…

NS3 Тогда их наполнил стыд. Странник сказал **им**…

NS4 Странник сказал: «Дайте мне копыто!» Женщина сказала **своему мужу**…

Каждый несубъектный элемент текста нужно разметить значениями NS1, NS2, NS3 или NS4— в зависимости от контекста, в котором он упомянут. Например, для первых десяти предложений текста (94) разметка будет выглядеть вот так:

(101) 3 NS3
5b INTRO
6 NS3
7-9 NS2
10 NS1

18.5. Сформулируйте предварительные правила стандартного кодирования для каждого контекста

Для каждого контекста, описанного в разделе 18.4, нужно сформулировать правило стандартного кодирования. Вы можете как опираться на статистические подсчеты, так и исходить из общего анализа имеющихся данных.

Ниже приводятся предварительные формулировки правил стандартного кодирования для текста на мофу-гудур (94) — под NP понимается совместное использование существительного (с определительными словами или без них) и обязательного глагольного префикса, см. раздел 18.1.

(102)	S1	нулевая анафора (с глаголами-идеофонами)
		глагольный префикс (в других случаях)
	S2	NP
	S3	NP[102]
	S4	NP

Правила стандартного кодирования для несубъектных элементов предложения в мофу-гудур в данной главе не рассматриваются.

18.6. Ищите случаи нестандартного кодирования

Для каждого упоминания референта в тексте нужно указать, соответствует ли оно правилу стандартного кодирования. Если нет, надо различать случаи, в которых объем языкового материала меньше стандартного и больше стандартного.

Например, для первых семи предложений текста (94) упоминания референтов в роли подлежащего будут размечены следующим образом:

(103)	2b	S4:	меньше стандарта
	4a	S3:	меньше стандарта
	4b-6	S1:	стандарт
	7	S2:	стандарт

В 2b подлежащее выражено меньшим, чем в стандартном случае, объемом языкового материала: для контекста S4 стандартным кодированием является существительное/именная группа, тогда как в 2b использовано

[102] В тексте (94) единственный случай контекста S3 представлен в клаузе 4a, в которой подлежащее выражено лишь глагольным префиксом. Однако контекст S3, как правило, не может кодироваться меньшим объемом языкового материала, чем S2.

местоимение. Аналогичная ситуация наблюдается и в 4a: по стандартному правилу в контексте S3 должна использоваться именная группа, в тексте же подлежащее выражено только глагольным префиксом.

Рассмотрим теперь причины, по которым объем языкового материала может отличаться от стандартного.

18.6.1. Объем меньше, чем в стандартном случае

Чаще всего кодирование референта меньшим, чем в стандартном случае, объемом материала происходит по одной из трех причин: референт является VIP (см. раздел 17.2), на сцене присутствует только одно главное действующее лицо или же описывается повторяющийся набор событий.

Как следует из (103), в тексте (94) меньший, чем стандартном случае, объем материала используется при упоминании подлежащего в клаузах 2b и 4a. Кроме того, в предложениях 8, 9, 11, 13 и 16 отсутствуют ориентирующие ремарки, тогда как по стандартному правилу в контексте S2 автор передаваемой речи должен выражаться при помощи именной группы.

Не исключено, что редуцированное кодирование в 2b и 4a связано с тем, что упоминаемый референт ('странник') является VIP, а других главных действующих лиц на сцене нет (упоминаемая в 2a жена странника в дальнейшем не участвует в повествовании). Что же касается предложений с опущенными ориентирующими ремарками, то тут можно различать две диалогические ситуации.

- В предложениях 6–11a представлен замкнутый разговор (см. главу 14) между странником и группой детей. После того как все участники разговора определены, ориентирующая ремарка используется только тогда, когда разговор меняет направление, т. е. в предложении 7. При отсутствии ориентирующей ремарки определить говорящего помогает глагольный субъектный префикс, который в мофу-гудур согласуется по числу с подлежащим.
- В предложениях 11b–16 содержатся три структурно параллельные смежные пары (см. главу 1 и раздел 14.2), в каждой из которых задействованы странник и один из детей (каждый раз — разный). Поскольку во всех случаях говорит только один человек, глагольных префиксов для идентификации говорящего недостаточно. Можно заметить, что ориентирующие ремарки опускаются только в предложениях 13 и 16. Чтобы понять, почему в этих предложениях ориентирующие ремарки опущены, а в других нет, по всей видимости, нужно исследовать большее число примеров с подобными повторяющимися диалогическими моделями.

18.6.2. Объем больше, чем в стандартном случае

Процедуру, аналогичную описанной в разделе 18.6.1, нужно применить и для примеров, в которых объем кодирующего материала оказывается больше, чем в стандартном случае. Как правило, такие примеры обнаруживаются непосредственно после разрывов дискурсивной связности, а также в контексте информационного выделения (см. Levinsohn 2000: 140).

В (104) представлен пример из еще одного текста на языке мофу-гудур. В предложении 104b для упоминания референта 'вождь' в контексте S1 (подлежащее совпадает с подлежащим предыдущей клаузы) используется именная группа, тогда как в стандартном случае ожидается только глагольный префикс (см. раздел 18.5). Причина такого избыточного кодирования — временной разрыв между предложениями 104a и 104b, на который указывает начальное обстоятельство *однажды*.

(104)	a.	После этого	— [вождь]	3Sg-положить-3Sg [птица]
	b.	Однажды	вождь	3Sg-уйти
		на ее место.		
		в поле.		

18.7. Уточните формулировки раздела 18.5

После того как будут определены факторы, влияющие на отклонения от стандартных правил кодирования, вам, возможно, придется уточнить формулировки этих правил. Например, если окажется, что в контексте S3 объем кодирующего материала часто превосходит предсказанный стандартным правилом, правило стоит уточнить. В новую редакцию можно включить указание на то, что объем кодирующего материала зависит в том числе и от количества действующих лиц, присутствующих на сцене. На выходе может получиться примерно такая формулировка: «Если референт, играющий в предыдущей клаузе несубъектную роль, в новой клаузе становится подлежащим и при этом на сцене присутствует только одно главное действующее лицо либо это лицо взаимодействует с некоторым второстепенным действующим лицом, то...»

18.8. Обобщите причины отклонений от стандартного случая

Все упоминания референтов, не вписывающиеся в стандартные правила, следует признать особыми случаями. Для каждого такого случая необходимо предложить содержательную мотивацию, а затем обобщить

полученные данные. Например, как уже было отмечено в разделе 18.6, увеличение объема кодирующего материала часто связано с разрывом дискурсивной связности и с информационным выделением, а уменьшение объема кодирующего материала — с упоминанием действующего лица со статусом VIP.

Ключевые понятия

набор способов упоминания действующих лиц
таблица упоминаний референтов
отслеживание референтов
контексты упоминания референтов
предварительные правила кодирования для каждого контекста
отклонения от стандартных правил кодирования
- меньше кодирующего материала, чем в стандартном случае
- больше кодирующего материала, чем в стандартном случае

уточнение формулировок стандартных правил кодирования
причины отклонений от стандартных правил

ПРИЛОЖЕНИЕ А.
ФРАГМЕНТ РАССКАЗА «МОЙ КУМИР»

Отрывок рассказа Фазиля Искандера «Мой кумир»

1. Однажды Юра предложил мне ограбить школьный буфет.
2. И хотя до этого мы ни разу не грабили школьные буфеты, я почему-то согласился быстро и легко.
3. Никаких угрызений совести мы не чувствовали, потому что это была чужая школа и притом для грабежа очень удобная, потому что была расположена рядом с нашим домом.
4. Нас соблазнили сосиски, которые, по достоверным слухам, в тот день привезли в буфет.
5. План был прост: взломать дверной замок, съесть в буфете все сосиски, взять из кассы всю мелочь и скрыться.
6. Бумажные деньги мы не планировали брать, потому что знали, что их не оставляют в кассе.
7. Интересно, что нам в голову не приходило унести сосиски, мы представить себе не могли, что их может оказаться слишком много.
8. И дело даже не в том, что под руководством моего кумира с его цебельдинским опытом можно было не беспокоиться об этом, но и вообще наш опыт подсказывал, да мы и слыхом не слыхали, что кто-то где-то мог не доесть сосиски.
9. Днем мы зашли в школьный буфет вроде бы от нечего делать, а на самом деле приглядываясь, что к чему, что где лежит и как расположено.
10. Большая миска, переполненная гроздьями перевитых сосисок, стояла на подоконнике.
11. В косых соборных лучах предзакатного солнца над миской струилось розовое сиянье.
12. Юра с такой сентиментальной откровенностью уставился на это видение, что я в конце концов был вынужден вывести его оттуда, потому что это становилось неприлично и опасно.
13. — Не могу, — сказал он, передохнув, когда мы остановились в коридоре у окна.
14. — Что не можешь? — спросил я у него тихо.

15. — На лопнутые не могу смотреть, — ответил он и с таким присвистом втянул воздух, словно хватил чересчур горячую сосиску.
16. У меня у самого потекли слюнки.
17. — Потерпи до вечера, — шепнул я ему, призывая к мужеству.
18. Мы вышли из школы.
19. Вечером в помещение школы можно было проникнуть через глухую, забитую дверь задней стены.
20. Дверь эта была застеклена, но один проем был выбит, в него-то и можно было пролезть.
21. При школе жил завхоз, исполняющий одновременно обязанности сторожа.
22. У нас с ним были свои многолетние тяжбы, потому что мы использовали школьный двор для футбола, а он нас гнал.
23. Это был, к сожалению, еще бодрый старик.
24. Как только хорошо стемнело, мы перелезли в школьный двор и незаметно подкрались к забитой двери.
25. Она была освещена слабым уличным светом, и черная дыра в проеме вызывала тревогу.
26. С улицы доносились голоса наших ребят, как далекий шум мирной, но уже невозможной жизни.
27. У самой двери маслянисто сияла довольно большая лужа.
28. Я осторожно обошел ее и заглянул в проем.
29. — Давай, — сказал Юра, и я полез.
30. Я ухватился одной рукой за выбоину в стене, другой уперся в дверную ручку и, подтянувшись, сунул ноги в дыру, пытаясь нащупать ногами пол.
31. Обеспозвоноченный страхом, изогнувшись, я некоторое время висел, шевеля носками и сползая, и, наконец нащупав пол, втащил в помещение и верхнюю часть своего туловища.
32. Возле двери криво нависал пролет запасной лестницы, ведущей на чердак.
33. Дальше надо было пройти коридором, потом свернуть в другой коридор, в конце которого и был расположен буфет.
34. Юра быстро перелез за мной, и мы пошли, то и дело останавливаясь и прислушиваясь к жуткой тишине закрытых классов и пустой темной школы.
35. Сердце стучало так, что с каждым шагом приходилось одолевать отталкивающую назад силу отдачи.
36. Когда мы проходили мимо окон, в темноте появлялся бесстрашный профиль моего друга, и действие страха ослаблялось.
37. Я забыл сказать, что на мне была почему-то белая рубашка.

38. Эта рубашка, больше подходящая для привидения, чем для грабителя, сейчас в темноте казалась странной, словно я был одет в собственный страх.
39. Я старался не смотреть на нее, чтобы еще больше не пугаться.
40. Мы подошли к двери буфета.
41. В узкую щель проникала слабая струйка света.
42. Юра надавил на дверь, щель расширилась, и он приник к ней.
43. Он долго смотрел в щель, словно пытался подсмотреть ночную жизнь сосисок или каких-то других обитателей буфета.
44. Наконец он повернул ко мне повеселевшее лицо и знаком пригласил и меня посмотреть в щель, словно предлагая порцию бодрости перед самой опасной частью нашего дела.
45. Я заглянул и снова увидел наши сосиски.
46. Они стояли на том же месте, но теперь, прикрытые кисеей, еще соблазнительней просвечивали сквозь нее.
47. Юра вынул из-за пазухи щипцы, которыми мы заранее запаслись, и стал орудовать над замком.
48. Надо было вырвать одно из колец, к которым был привешен замок.
49. Но это оказалось не так просто.
50. Взволнованный видением сосисок, он слишком спешил, и щипцы, соскальзывая с кольца, несколько раз довольно громко лязгали.
51. И вдруг я отчетливо услышал на верхнем этаже человеческие шаги.
52. Они переступили несколько раз и, словно прислушиваясь, остановились.
53. — Бежим! — мертвея, шепнул я, но тут же почувствовал, как его пальцы больно сжали мое предплечье.
54. Мы замерли и долго молчали в длинной коридорной тишине.
55. — Показалось, — наконец шепнул Юра.
56. Я замотал головой.
57. Снова замерли.
58. Не знаю, сколько мы так простояли.
59. Но вот Юра осторожно повернулся к двери, словно сравнивая степень риска со степенью соблазна.
60. Снова прислушался.
61. Заглянул в щель, прислушался и решительно принялся за дверное кольцо.
62. И вдруг шаги!
63. И снова рука Юры, опережая мой рефлекс дезертирства, хватает меня за предплечье.
64. Но шаги не останавливаются.

65. Теперь они отчетливо шлепают по ступеням, мгновение мешкают, и вдруг сноп света, раньше, чем щелк выключателя, взрывной волной разливается со второго этажа на первый, и снова следом шаги.
66. Рука Юры разжалась на моем предплечье.
67. Дикий и точный конь страха вынес и выбросил меня у здания школы.
68. Я ни на мгновение не останавливался перед дверным проемом, я просто вылился в него и очнулся, шлепнувшись в лужу.
69. Только перевалившись через забор, я заметил, что Юра за мной не бежит.
70. Я не знал, что подумать.
71. Неужели его сторож поймал?
72. Но почему, если так, я ничего не слыхал?
73. Сквозь забор я смотрел на здание школы и ожидал, то вот-вот оно вспыхнет от каких-то сигнальных огней и зальется какими-то мелкими злыми звонками, а потом приедет милиция…
74. Но время идет, и все тихо, и я начинаю замечать, что моя белая рубашка вся в грязи, что дома мне за это не поздоровится, что надо как-нибудь незаметно проникнуть в дом, выбросить рубашку в грязное белье и надеть что-нибудь другое.
75. Погруженный в эти невеселые раздумья, я заметил Юру только тогда, когда он, перемахнув через забор, спрыгнул возле меня.
76. Что же случилось?
77. Оказывается, когда мы бежали от сторожа, чувствуя, что вдвоем мы не успеем выбраться, он сообразил свернуть на чердачную лестницу и переждать там опасность.
78. И это он успел сообразить за те несколько секунд, пока мы бежали!
79. Мне бы в жизни никогда такое в голову не пришло, я как животное мчался в ту дыру, откуда залез.
80. Вот какой он был, мой давний товарищ Юра Ставракиди!

ПРИЛОЖЕНИЕ B. ОТРЫВОК ИЗ ТЕКСТА «ЦЕЛИТЕЛЬ И ЕГО ЖЕНА»

Отрывок из устного текста на языке тьяп (Нигерия) (см. Follingstad 1994: 155, 165-66)

В приведенном ниже тексте *kàn* играет роль маркера развития, а *kìn* и *ma* являются маркерами добавления (см. главу 13). Все эти единицы употребляются между подлежащим и главным глаголом[103]. Предложения текста пронумерованы, отдельные клаузы обозначены буквами.

До начала взятого отрывка в тексте представляются главные герои: целитель и его жена Башила. Рассказывается, что у них есть ребенок, что целитель ест людей (о чем не знает его жена), что когда жена уходила на молотьбу, целитель успокаивал ребенка песнями и забавлял его бусами, сделанными из ногтей его жертв.

1a	Башила возвращалась с молотьбы,			
		она	*kàn*	услышала, как целитель поет песни их ребенку [о том, что он ест людей]
1b		она		стояла за дверью
1c		она		слышала песню, которую он пел.
2a		Башила	*kìn*	прошла
2b-d		она		вошла, она вернулась, она промолчала.
3a		Он		взял ребенка
3b		он		отдал его Башиле.
4	Наступило утро,	он		встал, он встал.

[103] В некоторых клаузах в той же позиции также употребляется маркер вывода на передний план *si* (см. там же).

5	Когда он встал,	он		ушел, снова пошел есть людей.
6a	Когда он ушел есть людей,	Башила *ma*	*kàn*	встала
6b		она	*kìn*	собрала свои вещи
6c		она		принесла золу
6d		она		добавила яйцо
6e		она		положила все это на голову
6f		она		вышла на дорогу.
7a	Она вышла на дорогу, она пошла, она пошла, она пошла			
		она	*kàn*	посмотрела
7b		она		увидела целителя.
8		Целитель *ma*	*kàn*	увидел ее.
9		Целитель		сказал: «Что это за женщина, которая так выглядит?»
10a	Он шел, он шел, он шел, женщина приближалась к нему,			
		она	*kàn*	измазала лицо золой
10b		она	*kàn*	взяла яйцо в рот.
11a	Она дошла до него,	она	*kàn*	раскусила яйцо
11b		она		раскусила его у себя во рту.
11c		яйцо	*kàn*	лопнуло [и растеклось у нее по лицу].
12	Там	он		сказал, что эта женщина не его жена, что она может пройти.
13		Женщина	*kìn*	прошла.

Наблюдения

Ни *kàn*, ни *kìn* не используются в начальных предложениях текста. Первое употребление *kàn* связано с событием, которое меняет отношение Башилы к мужу: вернувшись с молотьбы, она случайно слышит его песню и узнает о его каннибализме (предложение 1). Дальнейшее развитие истории содержится в предложениях 6,7 и 8–9. После этого наступает кульминация отрывка и уже каждое следующее действие женщины маркируется как новое развитие сюжета (см. предложения 10–11).

Благодаря использованию *kàn* все предложение 6 воспринимается как новое развитие истории, которое будет реализовываться за счет действий Башилы, а не ее мужа. При этом описываемые события не равнозначны: то, что Башила встает (6а; стандартное ежедневное действие), менее важно, чем ее дальнейшие действия, для связи которых с 6а используется маркер *kìn*.

В отрывке проиллюстрированы две функции *kìn*: подтверждение (целитель говорит женщине, что она может пройти, и она так и делает — предложения 12–13) и добавление информации неравной значимости. Так, информация, содержащаяся в предложении 2 (и вводимая при помощи *kìn*), менее важна, чем то, что Башила услышала в предложении 1. В предложении 6, напротив, при помощи *kìn* вводится крайне важная информация.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1	1-е лицо
1sg	1-е лицо, единственное число
2	2-е лицо
2sg	2-е лицо, единственное число
3	3-е лицо
3sg	3-е лицо, единственное число
ANA	анафорическое местоимение
COLL	собирательность
CONT	длительность
DEF	определенность
DET	указательная единица
DIR	направление движения
EMPH	эмфатическое выделение
ECNL	энклитика
FOC	фокус
LOC	локатив
LOG	логофорическое местоимение
NOM	именительный падеж
PL	множественное число
POSS	посессив (притяжательность)
PROH	прохибитив
PTCP	частица
TOP	тема

ЛИТЕРАТУРА

Aaron, Uche E. 1998. Discourse factors in Bible translation: A discourse manifesto revisited. *Notes on Translation* 12:1–12.

Adams, Marilyn Jager, and Allan Collins. 1979. A schema-theoretic view of reading. In Roy O. Freedle (ed.), *New directions in discourse processing*, 1–22. Norwood, N.J.: Ablex.

Aissen, Judith L. 1992. Topic and focus in Mayan. *Language* 68:43–80.

Anderson, Stephen R., and Edward Keenan. 1985. Deixis. In Timothy Shopen (ed.), *Language typology and syntactic description*, *vol. 3: Grammatical categories and the lexicon,* 259–308. Cambridge: Cambridge University Press.

Andrews, Avery. 1985. The major functions of the noun phrase. In Timothy Shopen (ed.), *Language typology and syntactic description, vol. 1: Clause structure,* 62–154. Cambridge: Cambridge University Press.

Barnes, Janet. 1984. Evidentials in the Tuyuca verb. *International Journal of American Linguistics* 50:255–271.

Bartsch, Carla. 1997. Oral style, written style, and Bible translation. *Notes on Translation* 11:41–48.

Beekman, John, John Callow, and Michael Kopesec. 1981. *The semantic structure of written communication.* Fifth edition. Dallas, Texas: Summer Institute of Linguistics.

Beneš, Eduard. 1962. Die Verbstellung im Deutschen, von der Mitteilungsperspektive her betrachtet. *Phonologica Pragensia* 5:6–19.

Biber, Douglas. 1988. *Variation across speech and writing.* Cambridge: Cambridge University Press.

Blakemore, Diane. 1987. *Semantic constraints on relevance.* Oxford: Blackwell.

Blakemore, Diane. 1992. *Understanding utterances: An introduction to pragmatics.* Oxford: Blackwell.

Blass, Regina. 1990. *Relevance relations in discourse: A study with special reference to Sissala.* Cambridge: Cambridge University Press.

Blass, Regina. 1993. Constraints on relevance in Koiné Greek in the Pauline letters. Paper given at Exegetical Seminar, Summer Institute of Linguistics, Nairobi, May 29–June 19, 1993.

Bolinger, Dwight L. 1952. Linear modification. *Publication of the Modern Language Association of America* 67:1117–1144.

Bolinger, Dwight L. 1977. Another glance at main clause phenomena. *Language* 53:11–19.

Brewer, William F. 1985. The story schema: Universal and culture-specific properties. In David R. Olson, Nancy Torrance, and Angela Hildyard (eds.), *Literacy, language, and learning: The nature and consequences of reading and writing,* 167–194. Cambridge: Cambridge University Press.

Brown, Gillian, and George Yule. 1983. *Discourse analysis.* Cambridge: Cambridge University Press.

Callow, Kathleen. 1974. *Discourse considerations in translating the Word of God.* Grand Rapids: Zondervan.

Chafe, Wallace L. 1976. Givenness, contrastiveness, definiteness, subjects, topics, and point of view. In Charles N. Li (ed.), *Subject and topic,* 25–56. New York: Academic Press.

Chafe, Wallace L. 1980. The deployment of consciousness in narrative. In Wallace L. Chafe (ed.), *The pear stories: cognitive, cultural, and linguistic aspects of narrative production,* 9–50. Norwood, N.J.: Ablex.

Chafe, Wallace L. 1985a. Information flow in Seneca and English. *Proceedings of the Eleventh Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society,* 14–24.

Chafe, Wallace L. 1985b. Linguistic differences produced by differences between speaking and writing. In David R. Olson, Nancy Torrance, and Angela Hildyard (eds.), *Literacy, language, and learning: the nature and consequences of reading and writing,* 105–123. Cambridge: Cambridge University Press.

Chafe, Wallace L. 1987. Cognitive constraints on information flow. In Tomlin, 21–51.

Chafe, Wallace L. 1991. Discourse: an overview. In William Bright (ed.), *International Encyclopedia of Linguistics,* 1:356–358. New York: Oxford University Press.

Chafe, Wallace L. 1992. The flow of ideas in a sample of written language. In William C. Mann and Sandra A. Thompson (eds.), *Discourse description: Diverse linguistic analyses of a fund-raising text,* 267–294. Amsterdam: John Benjamins.

Chomsky, Noam. 1971. Deep structure, surface structure, and semantic representation. In Danny D. Steinberg and Leon A. Jakobovits (eds.), *Semantics,* 183–216. Cambridge: Cambridge University Press.

Comrie, Bernard. 1989. *Language universals and linguistic typology, 2nd ed.* Chicago: University of Chicago Press.

Coulthard, Malcolm. 1977. *An introduction to discourse analysis.* London: Longman.

Crozier, David H. 1984. A study in the discourse grammar of Cishingini. Ph.D. dissertation. University of Ibadan, Nigeria.

Crystal, David. 1997. *A dictionary of linguistics and phonetics, 4th ed.* Oxford: Blackwell.

Cruttenden, Alan. 1986. *Intonation.* Cambridge: Cambridge University Press.

Dayley, Jon. 1985. *Tzutujil grammar.* Berkeley: University of California Press.

de Beaugrande, Robert. 1997. The story of discourse analysis. In van Dijk, 35–62.

de Beaugrande, Robert, and Wolfgang U. Dressler. 1981. *Introduction to text linguistics.* London: Longman.

DeLancey, Scott. 1987. Transitivity in grammar and discourse. In Tomlin, 53–68.

Derbyshire, Desmond C. 1985. *Hixkaryana and linguistic typology.* Summer Institute of Linguistics and the University of Texas at Arlington, Publications in Linguistics 75. Dallas.

Dik, Simon. 1978. *Functional grammar.* Amsterdam: North-Holland.

Dik, Simon, Maria E. Hoffman, Jan R. de Jong, Sie Ing Djiang, Harry Stroomer, and Lourens de Vries. 1981. On the typology of focus phenomenon. In Teun Hoekstra, Harry van der Hulst, and Michael Moortgat (eds.), *Perspectives on functional grammar,* 41–74. Dordrecht: Foris.

Dooley, Robert A. 1982. Options in the pragmatic structuring of Guaraní sentences. *Language* 58:307–331.

Dooley, Robert A. 1990. The positioning of non-pronominal clitics and particles in lowland South American languages. In Doris L. Payne (ed.), *Amazonian linguistics: Studies in lowland South American languages,* 457–483. Austin: University of Texas Press.

Dooley, Robert A., e Stephen H. Levinsohn. 2003. *Análise do discurso: Conceitos básicos em lingüística.* Tradução de Ruth Julieta da Silva e John White. Petrópolis, Brasil: Editora Vozes.

Dooley, Robert A., y Stephen H. Levinsohn. 2007. *Análisis del discurso: Manual de conceptos básicos.* Versión castellana: Guiliana López Torres y Marlene Ballena Dávila. Lima, Perú: Instituto Lingüístico de Verano. file:///C:/Users/SHLevinsohn/Downloads/spn_AnalisisDiscurso.pdf, accessed May 1, 2008.

Dooley, Robert A., and Stephen H. Levinsohn. forthcoming. *Анализ дискурса: базовые понятия*.

Dooley, Robert A., et Stephen H. Levinsohn. forthcoming. *Analyse du discours: Un manuel des concepts fondamentaux*.

Döring, Sophia. 2012. The focus sensitivity of sentence adverbs. *Proceedings of ConSOLE XI* 201-214. Leiden: Leiden University. Accessed January 6, 2017. http://media.leidenuniv.nl/legacy/console19-proceedings-doering.pdf, accessed January 6, 2017.

Dry, Helen Aristar. 1992. Foregrounding: an assessment. In Shin Ja J. Hwang and William R. Merrifield (eds.), *Language in context: Essays for Robert E. Longacre,* 435–450. Summer Institute of Linguistics and the University of Texas at Arlington Publications in Linguistics 107. Dallas.

Dryer, Matthew. 1992. The Greenbergian word order correlations. *Language* 68:81–138.

Eggins, Suzanne and J. R. Martin. 1997. Genres and registers of discourse. In van Dijk, 230–256.

Everett, Daniel L. 1992. Formal linguistics and field work. *Notes on Linguistics* 57:11–25.

Fillmore, Charles J. 1981. Pragmatics and the description of discourse. In Peter Cole (ed.), *Radical pragmatics,* 143–166. New York: Academic Press.

Finnegan, Ruth. 1970. *Oral literature in Africa.* Oxford: Clarendon Press.

Firbas, Jan. 1964. From comparative word-order studies. *BRNO studies in English* 4:111–126.

Fischer, J. L. 1963. The sociopsychological analysis of folktales. *Current Anthropology* 4:235–295.

Follingstad, Carl M. 1994. Thematic development and prominence in Tyap discourse. In Levinsohn*,* 151–190.

Fox, Barbara A. 1987. Anaphora in popular written English narratives. In Tomlin*,* 157–174.

Frank, Lynn. 1983. Characteristic features of oral and written modes of language: Additional bibliography. *Notes on Linguistics* 25:34–37.

Garvin, Paul L. 1963. Czechoslovakia. In Thomas A. Sebeok (ed.), *Current trends in linguistics,* 1.499–522. The Hague: Mouton.

Givón, Talmy. 1982. Logic versus pragmatics, with human language as the referee: Toward an empirically viable epistemology. *Journal of Pragmatics* 6:81–133.

Givón, Talmy, ed. 1983. *Topic continuity in discourse.* Amsterdam: John Benjamins.

Givón, Talmy. 1984/90. *Syntax: A functional-typological introduction.* 2 vols. Amsterdam: John Benjamins.

Graesser, Arthur C., Morton A. Gernsbacher, and Susan R. Goldman. 1997. Cognition. In van Dijk, 292–319.

Green, Georgia M. 1976. Main clause phenomena in subordinate clauses. *Language* 52:382–397.

Greenberg, Joseph H. 1963. Some universals of grammar with particular reference to the order of meaningful elements. In Joseph H. Greenberg (ed.), *Universals of language,* 73–113. Cambridge, Mass.: MIT.

Grimes, Joseph E. 1975. *The thread of discourse.* The Hague: Mouton.

Grimes, Joseph E., ed. 1978. *Papers on discourse.* SIL Publication No. 51. Dallas: Summer Institute of Linguistics.

Gundel, Jeanette K. 1988. Universals of topic-comment structure. In Michael Hammond, Edith A. Moravcsik, and Jessica R. Wirth (eds.), *Studies in syntactic typology,* 209–239. Amsterdam: John Benjamins.

Halliday, M. A. K. 1978. *Language as social semiotic: The social interpretation of language and meaning.* London: Edward Arnold and Baltimore: University Park Press.

Halliday, M. A. K., and Ruqaiya Hasan. 1976. *Cohesion in English.* London: Longman.

Healey, Phyllis, and Alan Healey. 1990. Greek circumstantial participles tracking participants with participants in the Greek New Testament. *Occasional Papers in Translation and Textlinguistics* 4:173–259.

Heimerdinger, Jean-Marc. 1999. Topic, focus and foreground in Ancient Hebrew narratives. *Journal for the Study of the Old Testament.* Supplement Series, 295. Sheffield: Sheffield Academic Press.

Hobbs, Jerry. 1985. *On the coherence and structure of discourse.* Center for the Study of Language and Information, Stanford University, Technical Report CSLI–85–37.

Hopper, Paul J., ed. 1982. *Tense-aspect: Between semantics and pragmatics.* Amsterdam: John Benjamins.

Hopper, Paul J. and Sandra A. Thompson. 1980. Transitivity in grammar and discourse. *Language* 56:251–299.

Hopper, Paul J. and Sandra A. Thompson. 1984. The discourse basis for lexical categories in universal grammar. *Language* 60:703–752.

Howell, James F., and Dean Memering. 1986. *Brief handbook for writers.* Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall.

Huisman, Roberta D. 1973. Angaataha narrative discourse. *Linguistics* 110:29–42.

Hwang, Shin Ja J. 1990. Foregrounding information in narrative. *Southwest Journal of Linguistics* 9.2:63–90.

Hwang, Shin Ja J. 1997. A profile and discourse analysis of an English short story. *Language Research* 33:293–320.

Jackendoff, Ray S. 1972. *Semantic interpretation in Generative Grammar.* Cambridge, Mass.: MIT Press.

Jacobs, Melville. 1959. *The content and style of oral literature: Clackamas Chinook myths and tales.* Chicago: University of Chicago Press.

Johnson-Laird, P. N. 1983. *Mental models.* Cambridge, Mass.: Harvard University Press.

Johnston, Ray. 1976. Devising a written style in an unwritten language. *Read* 11:66–70.

Labov, William. 1972. *Language in the inner city: Studies in the Black English vernacular.* Philadelphia: University of Pennsylvania Press.

Lakoff, George. 1972. Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts. *Papers from the Eighth Regional Meeting of the Chicago Linguistics Society,* 183–228.

Lambrecht, Knud. 1994. *Information structure and sentence form: Topic, focus, and the mental representation of discourse referents.* New York: Cambridge University Press.

Larson, Mildred L. 1984. *Meaning-based translation: A guide to cross-language equivalence.* Lanham, Md.: University Press of America.

Leech, Geoffrey N. 1983. *Principles of pragmatics.* London: Longman.

Levinsohn, Stephen H. 1976. Progression and digression in Inga (Quechuan) discourse. *Forum Linguisticum* 1:122–147.

Levinsohn, Stephen H. 1992. Preposed and postposed adverbials in English. *1992 Work Papers of the Summer Institute of Linguistics, University of North Dakota Session* 36:19–31.

Levinsohn, Stephen H. 1994. Field procedures for the analysis of participant reference in a monologue discourse. In Levinsohn, 109–121.

Levinsohn, Stephen H., ed. 1994. *Discourse features in ten languages of West-Central Africa*. Summer Institute of Linguistics and the University of Texas at Arlington Publications in Linguistics 119. Dallas.

Levinsohn, Stephen H. 1999. Ordering of propositions in OV languages in Brazil. *Notes on Translation* 13(1):54–56.

Levinsohn, Stephen H. 2000. *Discourse features of New Testament Greek: A coursebook on the information structure of New Testament Greek.* Second edition. Dallas: SIL International.

Levinsohn, Stephen H. 2015a. *Self-instruction Materials on Narrative Discourse Analysis.* https://www.sil.org/resources/archives/68643, accessed April 13, 2017.

Levinsohn, Stephen H. 2015b. *Self-instruction Materials on Non-Narrative Discourse Analysis.* https://www.sil.org/resources/archives/68640, accessed April 13, 2017.

Li, Charles N. 1986. Direct speech and indirect speech: A functional study. In F. Coulmas (ed.), *Direct and indirect speech,* 29–45. The Hague: Mouton de Gruyter.

Li, Charles N., and Sandra A. Thompson. 1976. Subject and topic: A new typology of language. In Charles N. Li (ed.), *Subject and topic,* 457–489. New York: Academic Press.

Linde, Charlotte. 1979. Focus of attention and the choice of pronouns in discourse. In Talmy Givón (ed.), *Syntax and semantics, vol. 12: Discourse and syntax,* 337–354. New York: Academic Press.

Longacre, Robert E. 1985. Sentences as combinations of clauses. In Timothy Shopen (ed.), *Language typology and syntactic description, vol. 2: Complex constructions,* 2:235–286. Cambridge: Cambridge University Press.

Longacre, Robert E. 1995. Left-shifts in strongly VSO languages. In Pamela Downing and Michael Noonan (eds.), *Word Order in Discourse,* 331–354. Philadelphia: Benjamins.

Longacre, Robert E. 1996. *The grammar of discourse.* Second edition. New York: Plenum.

Longacre, Robert E., and Stephen H. Levinsohn. 1978. Field analysis of discourse. In Wolfgang U. Dressler (ed.), *Current trends in textlinguistics,* 103–122. Berlin: De Gruyter.

Lyons, John. 1977. *Semantics.* 2 vols. Cambridge: Cambridge University Press.

MacWhinney, Brian. 1991. Processing: Universals. In William Bright (ed.), *International Encyclopedia of Linguistics,* 3.276–278. New York: Oxford University Press.

Mann, William C., and Sandra A. Thompson. 1987. Rhetorical Structure Theory: A theory of text organization. In Livia Polanyi (ed.), *The structure of discourse.* Norwood, N.J.: Ablex. Reprinted (1987) as report ISI/RS–87–190, Marina del Rey, CA: Information Sciences Institute, from which citations are taken. Reduced version published (1988) as Rhetorical Structure Theory: toward a functional theory of text organization. *Text* 8:243–281.

Mfonyam, Joseph Ngwa. 1994. Prominence in Bafut: Syntactic and pragmatic devices. In Levinsohn, 191–210.

Mithun, Marianne. 1987. Is basic word order universal? In Tomlin, 281–328. Revised version in Doris L. Payne (ed.), *Pragmatics of word order flexibility,* 15–61. Amsterdam: John Benjamins.)

Nida, Eugene A. 1967. Linguistic dimensions of literacy and literature. In Floyd Shacklock (ed.), *World literacy manual,* 142–161. New York: Committee on World Literacy and Christian Literature.

Nuyts, Jan. 1991. *Aspects of a cognitive-pragmatic theory of language; on cognition, functionalism, and grammar.* Amsterdam: John Benjamins.

Ochs, Elinor. 1997. Narrative. In van Dijk, 185–207.

Olrik, Axel. 1965. Epic laws of folk narrative. In Alan Dundes (ed.), *The study of folklore.* Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall. Translated from original German version, 1909.

Olson, Daniel. 1992. A comparison of thematic paragraph analysis and vocabulary management profiles for an oral corpus. M.A. thesis. University of North Dakota, Grand Forks.

Paivio, Allan, and Ian Begg. 1981. *Psychology of language.* Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall.

Palmer, F. R. 1986. *Mood and modality.* Cambridge: Cambridge University Press.

Payne, Doris L., ed. 1992. *Pragmatics of word order flexibility.* Amsterdam: John Benjamins.

Pederson, Eric, and Jan Nuyts. 1997. Overview: On the relationship between language and conceptualization. In Jan Nuyts and Eric Pederson (eds.), *Language and conceptualization,* 1–12. Cambridge: Cambridge University Press.

Perrin, Mona. 1974. Direct and indirect speech in Mambila. *Journal of Linguistics* 10:27–37.

Perrin, Mona. 1978. Who's who in Mambila folk stories. In Joseph E. Grimes (ed.), *Papers on discourse,* 105–118. Dallas: Summer Institute of Linguistics.

Perrin, Mona. 1994. Rheme and focus in Mambila. In Levinsohn*,* 231–241.

Pike, Kenneth L., and Evelyn G. Pike. 1982. *Grammatical analysis.* Second edition. Dallas: Summer Institute of Linguistics and University of Texas at Arlington.

Pohlig, James N., and Stephen H. Levinsohn. 1994. Demonstrative adjectives in Mofu-Gudur folktales. In Levinsohn*,* 53–90.

Radford, Andrew. 1988. *Transformational grammar: A first course.* Cambridge: Cambridge University Press.

Rattray, R. S. 1969*. Akan-Ashanti folk-tales.* Oxford: Clarendon Press.

Reinhart, Tanya. 1982. *Pragmatics and linguistics: An analysis of sentence topics.* Bloomington, Ind.: Indiana University Linguistics Club.

Roberts, John R. 1997. The syntax of discourse structure. *Notes on Translation* 11(2):15–34.

Sandig, Barbara, and Margret Selting. 1997. Discourse styles. In van Dijk*,* 138–156.

Schank, Roger C., and Robert P. Abelson. 1977. *Scripts, plans, goals and understanding.* Hillsdale, N.J.: Laurence Erlbaum Associates.

Sperber, Dan, and Deirdre Wilson. 1986. *Relevance: communication and cognition.* Chicago: University of Chicago Press.

Spielman, Roger. 1981. Conversational analysis and cultural knowledge. *Notes on Linguistics* 17:7–17.

Spreda, Klaus W. 1994. Notes on markers of parallelism in Meta'. In Levinsohn*,* 223–230.

Tannen, Deborah. 1979. What's in a frame? Surface evidence for underlying expectations. In Roy O. Freedle (ed.), *New directions in discourse processing,* 137–181. Norwood, N.J.: Ablex.

Tedlock, Dennis. 1972. On the translation of style in oral narrative. In Americo Paredes and Richard Bauman (eds.), *Toward new perspectives in folklore.* Austin: University of Texas Press.

Thompson, Sandra A. 1987. "Subordination" and narrative event structure. In Tomlin*,* 435–454.

Thompson, Stith. 1977. *The folktale.* Berkeley: University of California Press.

Thurman, Robert C. 1975. Chauve medial verbs. *Anthropological Linguistics* 17(7):342–352.

Toelken, B. 1981. The "pretty languages" of Yellowman: genre, mode, and texture in Navaho coyote narratives. In D. Ben-Amos (ed.), *Folklore genres.* Austin: University of Texas Press.

Tomlin, Russell S., ed. 1987. *Coherence and grounding in discourse.* Amsterdam: John Benjamins.

Tomlin, Russell S., Linda Forrest, Ming Ming Pu, and Myung Hee Kim. 1997. Discourse semantics. In van Dijk, 63–111.

Tomlin, Russell S., and Richard Rhodes. 1979. An introduction to information distribution in Ojibwa. *Papers from the Fifteenth Regional Meeting of the Chicago Linguistics Society,* 307–321. Chicago: Chicago Linguistics Society.

van Dijk, Teun A. 1977. *Text and context.* London: Longman.

van Dijk, Teun A., ed. 1997. *Discourse studies: A multidisciplinary introduction, vol. 1: Discourse as structure and process.* London: Sage.

Van Valin, Robert D., Jr. 1993. A synopsis of Role and Reference Grammar. In Robert D. Van Valin, Jr. (ed.), *Advances in Role and Reference Grammar,* 1–164. Amsterdam: John Benjamins.

Van Valin, Robert D., Jr. and Randy J. LaPolla. 1997. *Syntax: structure, meaning and function.* Cambridge: Cambridge University Press.

Watters, John R. 1979. Focus in Aghem: A study of its formal correlates and typology. In L. M. Hyman (ed.), *Aghem grammatical structure,* 137–197. Southern California Occasional Papers in Linguistics. Los Angeles: UCLA.

Литература, цитируемая только в русском издании

Бахтин М. М. 1986. Проблема речевых жанров. В М. М. Бахтин. *Эстетика словесного творчества*. Москва: Искусство, 250–296.

Кибрик А. А. 2009. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов. *Вопросы языкознания*, 2: 3–21. Онлайн-доступ: http://iling-ran.ru/kibrik/Discourse_classification@VJa_2009.pdf

Кибрик А. А., Подлесская В. И. (ред.). 2009. *Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса.* Москва: Языки славянских культур.

Ковтунова И. И. 1976. *Современный русский язык: Порядок слов и актуальное членение предложения.* Москва

Муравьева И. А. 1985. Семантика и условия употребления глагольных анафорических выражений. В *Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности*. Москва, 327–330.

Падучева Е. В. 1985. *Высказывание и его соотнесенность с действительностью.* Москва: Наука.

Урысон Е. В. 2011. *Опыт описания семантики союзов: Лингвистические данные о деятельности сознания.* Москва: Языки славянских культур.

Янко Т. Е. 2008. *Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте.* Москва: Языки славянских культур.